

ПБ₂₁ 411

СКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книга

12

И. А. БУНИНЪ

„ГРАММАТИКА
ЛЮБВИ“

РАЗСКАЗЫ

БЕЛГРАДЪ

1930

AMERICAN RAZOR

SHAVE

4

SHAVE

AMERICAN RAZOR
SHAVE

AMERICAN RAZOR
SHAVE

AMERICAN RAZOR
SHAVE

AMERICAN RAZOR
SHAVE

4

Сочиненія Ив. БУНИНА.

Зарубежныя изданія:

Мистеріи	Берлинъ,	1921 г.
Пѣснь о Гайаватѣ	Парижъ,	1921 г.
Крикъ	Берлинъ,	1921 г.
Чаша жизни	Парижъ,	1921 г.
Господинъ изъ С. Франциско	Парижъ,	1921 г.
Роза Іерихона	Берлинъ,	1924 г.
Митина любовь	Парижъ,	1925 г.
Солнечный ударъ	Парижъ,	1926 г.
Послѣднее свиданіе	Парижъ,	1929 г.
Избранные стихи	Парижъ,	1929 г.
Жизнь Арсеньева	(готовится къ печ.)	

ИВ. БУНИНЪ

Грамматика любви

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ

— СР —

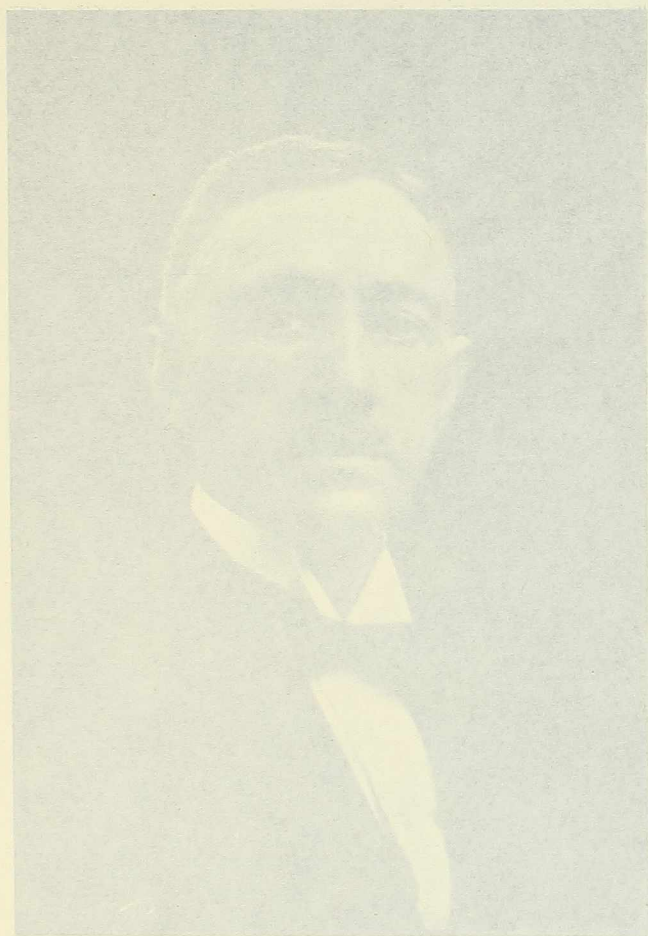
БЪЛГРАДЪ
1929

НАЦИОНАЛНА БИБЛИОТЕКА
"СВ. СИМЕОН - БЕОГРАД"
И. бр. 413

Печатается въ количествѣ 2 000 экземпляровъ.

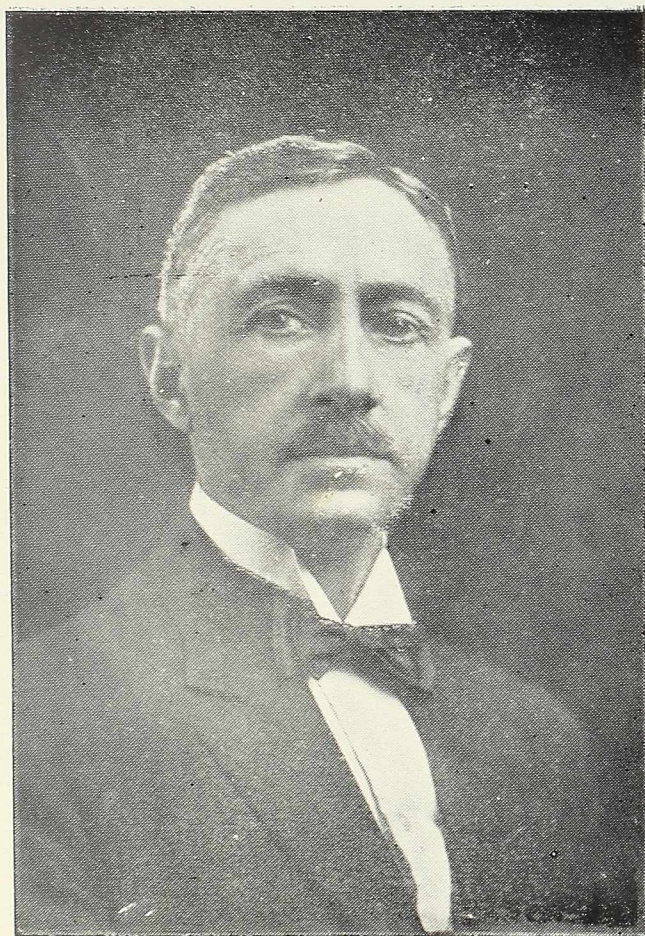
Mr. Tynan

№ 11. Sp.

413

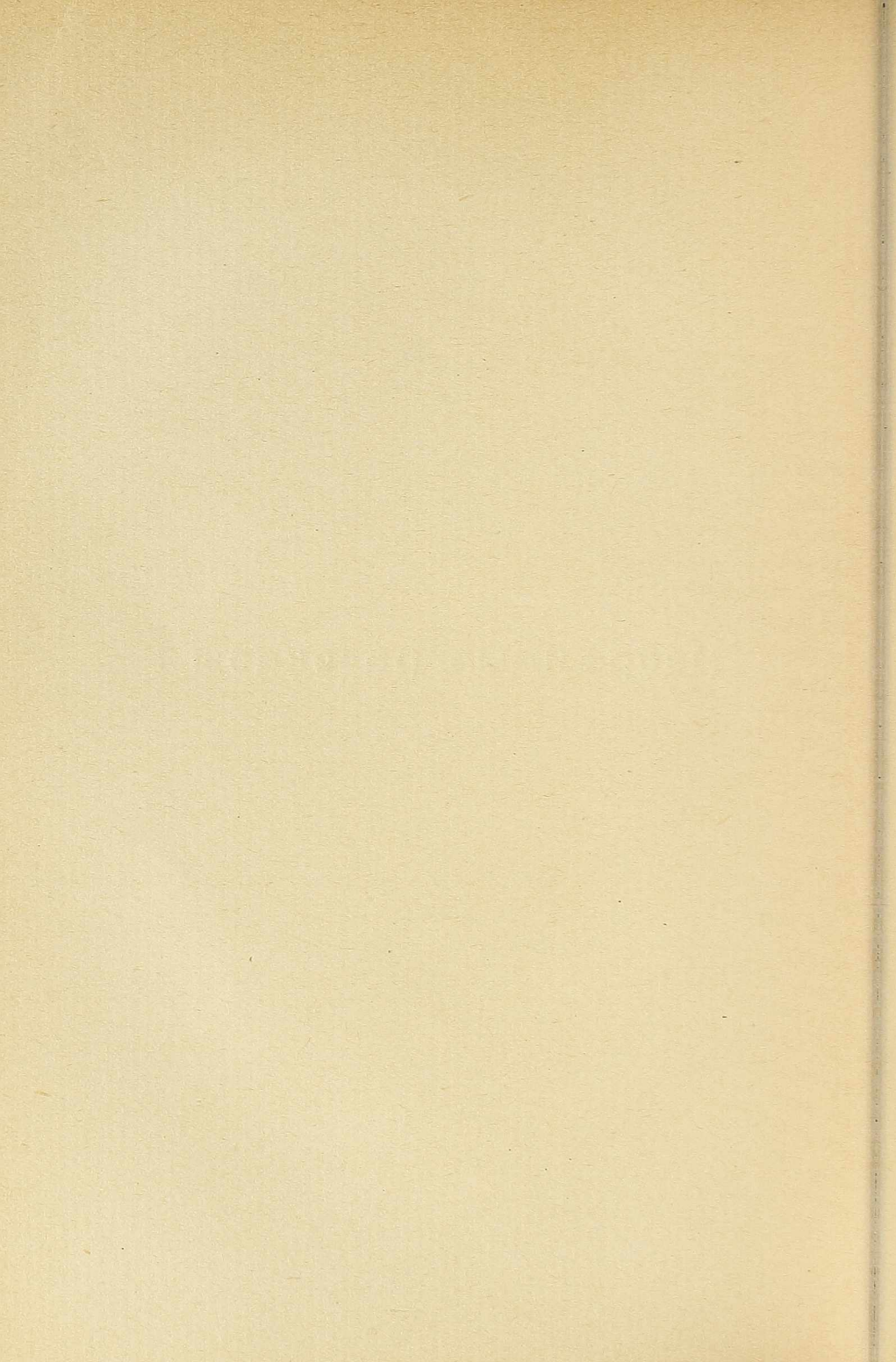
Содержание и описание 1900 года

W. E. B. DuBois

Избранные рассказы

Грамматика любви

Нѣкто Ивлевъ ѣхалъ однажды въ началѣ іюня въ дальній край своего уѣзда.

Тарантасъ съ кривымъ пыльнымъ верхомъ далъ ему шуринъ, въ имѣніи котораго онъ проводилъ лѣто. Тройку лошадей, мелкихъ, но справныхъ, съ густыми сбитыми гривами, нанялъ онъ на деревнѣ, у богатаго мужика. Правиль ими сынъ этого мужика, малый лѣтъ восемнадцати, тупой, хозяйственный. Онъ все о чемъ-то недовольно думалъ, былъ какъ будто чѣмъ-то обиженъ, не понималъ шутокъ. И, убѣдившись, что съ нимъ не разговоришься, Ивлевъ отдался той спокойной и безцѣльной наблюдательности, которая такъ идетъ къ ладу копытъ и громыханію бубенчиковъ.

Ѣхать сначала было очень пріятно: теплый, тусклый день, хорошо накатанная дорога, въ поляхъ множество цвѣтовъ и жаворонковъ; съ хлѣбовъ, съ невысокихъ сизыхъ ржей, простиравшихся насколько глазъ хватить, дулъ сладкій вѣтерокъ, несъ по ихъ косякамъ цвѣточную пыль, мѣстами дымилъ ею, и вдали отъ нея было даже туманно. Малый, въ новомъ картузѣ и неуклюжемъ люстриновомъ пиджакѣ, сидѣлъ прямо; то, что лошади были всецѣло ввѣрены ему и что онъ былъ наряженъ, дѣлало его особенно серьезнымъ. А лошади кашляли и не спѣша бѣжали, валекъ пристяжки порою скребъ по колесу, порою натягивался, и все время мелькала подъ нимъ бѣлой сталью стертая подкова.

— Къ графу будемъ заѣзжать? — спросилъ малый,

не оборачиваясь, когда впереди показалась деревня, замыкавшая горизонтъ своими лозинами и садомъ.

— А зачѣмъ? — сказалъ Ивлевъ.

Малый помолчалъ и, сбивъ кнутомъ прилипшаго къ лошади крупнаго овода, сумрачно отвѣтилъ:

— Да чай пить...

— Не чай у тебя въ головѣ, — сказалъ Ивлевъ. — Все лошадей жалѣешь.

— Лошадь ѣзды не боится, она корму боится, — отвѣтилъ малый наставительно.

Ивлевъ поглядѣлъ кругомъ: погода поскучиѣла, со всѣхъ сторонъ натянуло линючихъ тучъ, и уже накрапывало — эти скромные деньки всегда оканчиваются окладными дождями... Старикъ, пахавшій возлѣ деревни, сказалъ, что дома одна молодая графиня, но все-таки заѣхали. Малый натянулъ на плечи армякъ и, довольный тѣмъ, что лошади отдыхаютъ, спокойно мокъ подъ дождемъ на козлахъ тарантаса, остановившагося среди грязнаго двора, возлѣ каменнаго корыта, вросшаго въ землю, истыканную копытами скота. Онъ оглядывалъ свои сапоги, поправлялъ кнутовищемъ шлею на коренникѣ; а Ивлевъ сидѣлъ въ темнѣющей отъ дождя гостинной, болталъ съ графиней и ждалъ чая; уже пахло горячей лучиной, густо плылъ мимо открытыхъ оконъ зеленый дымъ самовара, который босая дѣвка набивала на крыльцѣ пуками ярко пылающихъ кумачнымъ огнемъ щепокъ, обливая ихъ керосиномъ. Графиня была въ широкомъ розовомъ капотѣ, съ открытой напудренной грудью; она курила, глубоко затягиваясь, часто поправляла волосы, до плечей обнажая свои тугія и круглыя руки; затягиваясь и смѣясь, она все сводила разговоръ на любовь, и между прочимъ рассказывала про своего близкаго сосѣда, помѣщика Хвоцинскаго, который, какъ зналъ Ивлевъ еще съ дѣтства, всю жизнь былъ помѣшанъ на любви къ своей горничной Лушкѣ, умершей въ ранней молодости. — „Ахъ, эта легендарная Лушка! — замѣтилъ Ивлевъ шутливо, слегка конфузясь своего признанія. — Оттого, что этотъ чудакъ обоготворилъ ее, всю жизнь посвятилъ сумасшедшимъ мечтамъ о ней, я въ мо-

лодости былъ почти влюбленъ въ нее, воображалъ, думая о ней, Богъ знаетъ что, хотя она, говорятъ, совсѣмъ нехороша была собой“. — „Да? — сказала графиня, не слушая. — Онъ вѣдь, знаете умеръ нынѣшней зимой. И Писаревъ, единственный, кого онъ иногда допускалъ къ себѣ по старой дружбѣ, утверждаетъ, что во всемъ остальномъ онъ нисколько не былъ помѣшанъ, и я вполнѣ вѣрю этому — просто онъ былъ не теперешнимъ чета...“ Наконецъ, босая дѣвка съ необыкновенной осторожностью подала на старомъ серебряномъ подносѣ стаканъ крѣпкаго сиваго чая изъ прудовки и корзиночку съ печеньемъ, засиженнымъ мухами.

Когда поѣхали дальше, дождь разошелся уже по настоящему. Пришлось поднять верхъ, закрыться калянымъ, ссохшимся фартукомъ, сидѣть согнувшись. Громыхали глухарями лошади, по ихъ темнымъ и блестящимъ ляжкамъ бѣжали струйки, подъ колесами шуршали травы какого-то рубежа среди хлѣбовъ, гдѣ малый поѣхалъ въ надеждѣ сократить путь, подъ верхомъ собирался теплый ржаной духъ, мѣшавшійся съ запахомъ стараго тарантаса... — „Такъ вотъ оно что, Хвоцинскій умеръ, — думалъ Ивлевъ. — Надо непременно заѣхать, хоть взглянуть на это опустѣвшее святилище таинственной Лушки... Но что за человекъ былъ этотъ Хвоцинскій? Сумасшедшій или просто какая-то ошеломленная, вся на одномъ сосредоточенная душа?“ По разсказамъ стариковъ-помѣщиковъ, сверстниковъ Хвоцинскаго, онъ когда-то слылъ въ уѣздѣ за рѣдкаго умницу. И вдругъ свалилась на него эта любовь, эта Лушка, потомъ неожиданная смерть ея, — и все пошло прахомъ: онъ затворился въ домѣ, въ той комнатѣ, гдѣ жила и умерла Лушка, и больше двадцати лѣтъ просидѣлъ на ея кровати — не только никуда не выѣзжалъ, а даже у себя въ усадьбѣ не показывался никому, насквозь просидѣлъ матрацъ на Лушкиной кровати и Лушкиному вліянію приписывалъ буквально все, что совершалось въ мірѣ: гроза заходитъ — это Лушка насылаетъ грозу, объявлена война — значить такъ Лушка рѣшила, неурожай случился — не угодили мужики Лушкѣ...

— Ты на Хвощинское, что ли, ѳдешь? — крикнулъ Ивлевъ, высовываясь подъ дождь.

— На Хвощинское, — невнятно отозвался сквозь шумъ дождя малый, съ обвисшаго картуза котораго уже текла вода. — На Писаревъ верхъ...

Такого пути Ивлевъ не зналъ. Мѣста становились все бѣднѣе и глуше. Кончился рубежь, лошади пошли шагомъ и спустили покосившійся тарантасъ размытой колдобиною подъ горку, въ какіе-то еще некошенныя луга, зеленые скаты которыхъ грустно выдѣлялись на низкихъ тучахъ. Потомъ дорога, то пропадая, то возобновляясь, стала переходить съ одного бока на другой по днищамъ овраговъ, по буеракамъ въ ольховыхъ кустахъ и верболозахъ... Была чья-то маленькая пасѣка, нѣсколько колодокъ, стоявшихъ на скатѣ въ высокой травѣ, краснѣющей земляникой... Обѣхали какую-то старую плотину, потонувшую въ крапивѣ, и давно высохшій прудъ — глубокую яругу, заросшую бурьяномъ выше человѣческаго роста... Пара черныхъ куличковъ съ плачемъ метнулась изъ нихъ въ дождливое небо... А на плотинѣ, среди крапивы, мелкими блѣдно-розовыми цвѣточками цвѣлъ большой старый кустъ, то милое деревцо, которое зовутъ „Божимъ деревомъ“, — и вдругъ Ивлевъ вспомнилъ мѣста, вспомнилъ, что не разъ ѳздилъ тутъ въ молодости верхомъ...

— Говорятъ, она тутъ утопилась-то, — неожиданно сказалъ малый.

— Ты про любовницу Хвощинскаго, что ли? — спросилъ Ивлевъ. — Это неправда, она и не думала топиться.

— Нѣтъ, утопилась, — сказалъ малый. — Ну, только думается, онъ скорѣй всего отъ бѣдности отъ своей сшелъ съ ума, а не отъ ней...

И, помолчавъ, грубо прибавилъ:

— А намъ опять надо заѳзжать... въ это, въ Хвощино-то... Ишь, какъ лошади-то уморились!

— Сдѣлай милость, — сказалъ Ивлевъ.

На бугрѣ, куда вела оловянная отъ дождевой воды дорога, на мѣстѣ сведеннаго лѣса, среди мокрой, гнѣющей щепы и листьвы, среди пней и молодой осиновою поросли,

горько и свѣжо пахнущей, одиноко стояла изба. Ни души не было кругомъ, — только овсянки, сидя подѣ дождемъ на высокихъ цвѣтахъ, звенѣли на весь рѣдкій лѣсъ, поднимавшійся за избою, но, когда тройка, шлепая по грязи, поровнялась съ ея порогомъ, откуда-то вырвалась цѣлая орава громадныхъ собакъ, черныхъ, шоколадныхъ, дымчатыхъ, и съ яростнымъ лаемъ закипѣла вокругъ лошадей, взвиваясь къ самымъ ихъ мордамъ, на лету перевертываясь и прядая даже подѣ верхъ тарантаса. Въ то же время и столь же неожиданно небо надѣ тарантасомъ раскололось отъ оглушительнаго удара грома, ни разу не гремѣвшаго за весь день, а малый съ остервѣненіемъ кинулся драть собакъ кнутомъ, и лошади вскачь понесли среди замелькавшихъ передѣ глазами осиновыхъ стволовъ...

За лѣсомъ уже видно было Хвоцинское. Собаки отстали и сразу смолкли, дѣловито побѣжали назадѣ, лѣсъ разступился, и впереди опять открылись поля. Вечерѣло, и тучи не то расходились, не то заходили теперь съ трехъ сторонъ: слѣва почти черная, съ голубыми просвѣтами, справа—сѣдая, грохочущая непрерывнымъ громомъ, а съ запада, изъ-за хвоцинской усадьбы, изъ-за косогоровъ надѣ рѣчной долиной, — мутно-синяя, въ пыльныхъ полосахъ дождя, сквозь которыя розовѣли горы дальнихъ облаковъ. Но надѣ тарантасомъ дождь рѣдѣлъ, и, приподнявшись, Ивлевъ, весь закиданный грязью, съ удовольствіемъ завалилъ назадѣ отяжелѣвшій верхъ и свободно вздохнулъ пахучей сыростью поля.

Онъ глядѣлъ на приближающуюся усадьбу, видѣлъ, наконецъ, то, о чемъ слышалъ такъ много, но по прежнему казалось, что жила и умерла Лушка не двадцать лѣтъ тому назадѣ, а чуть ли не во времена незапамятныя. По долинѣ терялся въ кугѣ слѣдъ мелкой рѣчки, и надѣ ней летала бѣлая рыбалка. Дальше, на полугорѣ, лежали ряды сѣна, потемнѣвшіе отъ дождя; среди нихъ, далеко другъ отъ друга, раскидывались старые серебристые тополи. Домъ, довольно большой, когда-то бѣлый, съ блестящей, мокрой крышей, стоялъ на совершенно голомъ

мѣстѣ. Не было кругомъ ни сада, ни построекъ, — только два кирпичныхъ столба на мѣстѣ воротъ да лопухи по канавамъ. Когда лошади въ бродѣ перешли рѣчку и поднялись на гору, какая-то женщина въ лѣтнемъ мужскомъ пальто, съ обвисшими карманами, гнала по лопухамъ индюшекъ. Фасадъ дома былъ необыкновенно скученъ: оконъ въ немъ было мало, и всѣ они были невелики, сидѣли въ толстыхъ стѣнахъ. Зато огромны были мрачныя крыльца. Съ одного изъ нихъ удивленно глядѣлъ на подъѣзжающихъ молодой человѣкъ въ сѣрой гимназической блузѣ, подпоясанной широкимъ ремнемъ, черный, съ красивыми глазами и очень миловидный, хотя лицо его было блѣдно и отъ веснушекъ пестро, какъ птичье яйцо.

Нужно было чѣмъ-нибудь объяснить свой заѣздъ. Поднявшись на крыльцо и назвавъ себя, Ивлевъ сказалъ, что хочетъ посмотрѣть и, можетъ быть, купить библіотеку, которая, какъ говорила графиня, осталась отъ покойнаго, и молодой человѣкъ, густо покраснѣвъ и одергивая сзади свою блузу, тотчасъ повелъ его въ домъ. — „Такъ вотъ это и есть сынъ знаменитой Лушки!“ — подумалъ Ивлевъ, окидывая глазами все, что было на пути, и часто оглядываясь и говоря что попало, лишь бы лишній разъ взглянуть на хозяина, который казался слишкомъ моложавъ для своихъ лѣтъ. Тотъ отвѣчалъ поспѣшно, но односложно, путался, видимо, и отъ застѣнчивости и отъ жадности; что онъ страшно обрадовался возможности продать книги и вообразилъ, что сбудетъ ихъ недешево, сказалось въ первыхъ же его словахъ, въ той неловкой торопливости, съ которой онъ заявилъ, что такихъ книгъ, какъ у него, ни за какія деньги нельзя достать. Черезъ полутемныя сѣни, гдѣ была настлана красная отъ сырости солома, онъ ввелъ Ивлева въ большую переднюю.

— Тутъ вотъ и жилъ вашъ батюшка? — спросилъ Ивлевъ, входя и снимая шляпу.

— Да, да, тутъ, — поспѣшилъ отвѣтить молодой человѣкъ. — То-есть, конечно, не тутъ... они вѣдь больше всего въ спальнѣ сидѣли... но, конечно, и тутъ бывали...

— Да, я знаю, онъ вѣдь былъ боленъ, — сказалъ Ивлевъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— То-есть чѣмъ боленъ? — сказалъ онъ, и въ голосѣ его послышались болѣе мужественныя ноты. — Это все сплетни, они умственно нисколько не были больны... Они только все читали и никуда не выходили, вотъ и все... Да нѣтъ, вы, пожалуйста, не снимайте шляпу, тутъ очень холодно, мы вѣдь не живемъ въ этой половинѣ...

Правда, въ домѣ было гораздо холоднѣе, чѣмъ на воздухѣ. Въ непривѣтливой передней, оклеенной газетами, на подоконникѣ печальнаго отъ тучъ окна стояла лубяная перепелиная клѣтка. По полу самъ собою прыгаль сѣрый мѣшочекъ. Наклонившись, молодой человѣкъ поймалъ его и положилъ на лавку, и Ивлевъ понялъ, что въ мѣшочкѣ сидитъ перепелъ; затѣмъ вошли въ залъ. Эта комната, окнами на западъ и на сѣверъ, занимала чуть ли не половину всего дома. Въ одно окно, на золотѣ разчищающейся за тучами зари, видна была столѣтняя, вся черная плакучая береза, въ остальные — высокій засыхающій акатникъ. Передній уголъ весь былъ занятъ божницей безъ стеколъ, уставленной и увѣшанной образами; среди нихъ выдѣлялся и величиной и древностью образъ въ серебряной ризѣ, и на немъ, желтѣя воскомъ, какъ мертвымъ тѣломъ, лежали вѣнчалныя свѣчи въ блѣдно-зеленыхъ бантахъ.

— Простите, пожалуйста, — началъ-было робко Ивлевъ, превозмогая стыдъ, — развѣ вашъ батюшка...

— Нѣтъ, это такъ, — пробормоталъ молодой человѣкъ, мгновенно понявъ его. — Они уже послѣ ея смерти купили эти свѣчи... и даже обручальное кольцо всегда носили...

Мебель въ залѣ была топорная. Зато въ простѣнкахъ стояли прекрасныя горки, полныя съ верху до низу фарфоровыми вещицами, хрусталемъ, чайной посудой и бокалами въ золотыхъ ободкахъ. А полъ весь былъ устланъ кофѣлыми пчелами, которыя щелкали подъ ногами. Пчелами была усыпана и гостинная, совершенно пустая. Пройдя

ее и еще какую-то сумрачную комнату съ лежанкой, молодой человекъ остановился возлѣ низенькой двери и вынулъ изъ кармана брюкъ большой ключъ. Съ трудомъ повернувъ его въ ржавой замочной скважинѣ, онъ распахнулъ дверь, что-то пробормоталъ, — и Ивлевъ увидѣлъ каморку въ два окна; у одной стѣны ея стояла желѣзная голая койка, у другой — два книжныхъ шкапчика изъ корельской березы.

— Это и есть библиотека? — спросилъ Ивлевъ, подходя къ одному изъ нихъ.]

И молодой человекъ, поспѣшивъ отвѣтить утвердительно, помогъ ему растворить шкапчикъ и жадно сталъ слѣдить за его руками.

Престранныя книги составляли эту библиотеку! Раскрывалъ Ивлевъ толстые переплеты, отворачивалъ шершавую сѣрую страницу и читалъ: „Заклятое урочище“... „Утренняя звѣзда и ночные демоны“... „Размышленія о таинствахъ мірозданія“... „Чудесное путешествіе въ волшебный край“... „Новѣйшій сонникъ“... А руки все-таки слегка дрожали. Такъ вотъ чѣмъ питалась та одинокая душа, что навсегда затворилась отъ міра въ этой каморкѣ и еще такъ недавно ушла изъ нея... Но, можетъ быть, она, эта душа, и впрямь не совсѣмъ была безумна? — „Есть бытіе, — вспомнилъ Ивлевъ стихи Баратынскаго, — есть бытіе, но именемъ какимъ его назвать? Ни сонъ оно, ни бдѣнье, — межъ нихъ оно, и въ человекѣ имъ съ безуміемъ граничитъ разумѣнье...“ Расчистило на западѣ, золото глядѣло оттуда изъ-за красивыхъ лиловатыхъ облаковъ и странно озаряло этотъ бѣдный пріютъ любви, любви непонятной, въ какое-то экстаическое житіе превратившей цѣлую человеческую жизнь, которой, можетъ, надлежало быть самой обиденной жизнью, не случись какой-то загадочной въ своемъ обаяніи Лушки...

Взявъ изъ-подъ койки скамеечку, Ивлевъ сѣлъ передъ шкапомъ и вынулъ папиросы, незамѣтно оглядывая и запоминая комнату.

— Вы курите? — спросилъ онъ молодого человека, стоявшаго надъ нимъ.

Тотъ опять покраснѣлъ.

— Курю, — пробормоталъ онъ и попытался улыбнуться. — То-есть не то что курю, скорѣе балуюсь... А, впрочемъ, позвольте, очень благодаренъ вамъ...

И, неловко взявъ папиросу, закурилъ дрожащими руками, отошелъ къ подоконнику и сѣлъ на него, загромождавая желтый свѣтъ зари.

— А это что? — спросилъ Ивлевъ, наклоняясь къ средней полкѣ, на которой лежала только одна очень маленькая книжечка, похожая на молитвенникъ, и стояла шкатулка, углы которой были обдѣланы въ серебро, потемнѣвшее отъ времени.

— Это такъ... ожерелье покойной матушки, — запнувшись, но стараясь говорить небрежно, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста... хотя оно вѣдь очень простое... вамъ не можетъ быть интересно...

И, открывъ шкатулку, Ивлевъ увидѣлъ заношенный шнурокъ, низку очень дешевенькихъ голубыхъ шариковъ, похожихъ на каменные. И такое волненіе овладѣло имъ при взглядѣ на эти шарики, нѣкогда лежавшіе на шеѣ той, которой суждено было быть столь любимой и чей смутный образъ уже не могъ не быть прекраснымъ, что зарябило въ глазахъ отъ сердцебіенія. Насмотрѣвшись, Ивлевъ осторожно поставилъ шкатулку на мѣсто; потомъ взялся за книжечку. Это была крохотная, прелестно изданная почти сто лѣтъ тому назадъ „Грамматика любви, или искусство любить и быть взаимно любимымъ“.

— Эту книжку я, къ сожалѣнію, не могу продать, — съ трудомъ проговорилъ молодой человѣкъ. — Она очень дорогая... они даже подъ подушку ее себѣ клали...

— Но, можетъ быть, вы позволите хоть посмотрѣть ее? — сказалъ Ивлевъ.

— Пожалуйста, — прошепталъ молодой человѣкъ.

И, превозмогая неловкость, смутно томясь его пристальнымъ взглядомъ, Ивлевъ сталъ медленно перелистывать „Грамматику любви“. Она вся дѣлилась на маленькія

главы: „О красотѣ, о сердцѣ, объ умѣ, объ обращеніи, о знакахъ любовныхъ, о нападеніи и защищеніи, о размолвкѣ и примиреніи, о любви платонической“... Каждая глава состояла изъ коротенькихъ, изящныхъ, порою очень тонкихъ сентенцій, и нѣкоторыя изъ нихъ были деликатно отмѣчены перомъ, красными чернилами. — „Любовь не есть простая эпизода въ нашей жизни, — читаль Ивлевъ. Разумъ нашъ противорѣчитъ сердцу и не убѣждаетъ онаго. — Женщины никогда не бываютъ такъ сильны, какъ когда онѣ вооружаются слабостью. — Женщину мы обожаемъ за то, что она владычествуетъ надъ нашей мечтой идеальной. — Тщеславіе выбираетъ, истинная любовь не выбираетъ. — Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая принадлежитъ женщинѣ милой. Сія-то дѣлается владычицей нашего сердца: прежде нежели мы отдадимъ о ней отчетъ сами себѣ, сердце наше дѣлается невольникомъ любви навѣки“... Затѣмъ шло „изъясненіе языка цвѣтовъ“, и опять кое-что было отмѣчено: „Дикій макъ — печаль. — Верескледъ — твоя прелесть запечатлѣна въ моемъ сердцѣ. — Могильница — сладостныя воспоминанія. — Печальный гераній — меланхолія. — Польнь — вѣчная горестъ“... А на чистой страничкѣ въ самомъ концѣ было мелко, бисерно написано тѣми же красными чернилами восьмистишіе. Молодой человекъ вытянулъ шею, заглядывая въ „Грамматику любви“, и сказалъ съ дѣланной усмѣшкой:

— Это они сами сочинили...

Черезъ полчаса Ивлевъ съ облегченіемъ простился съ нимъ. Изъ всѣхъ книгъ онъ за дорогую цѣну купилъ только эту книжечку. Мутно-золотая заря блекла въ облакахъ за полями, желто отсвѣчивала въ лужахъ, мокро и зелено было въ поляхъ. Малый не спѣшилъ, но Ивлевъ не понукалъ его. Малый рассказывалъ, что та женщина, которая давеча гнала по лопухамъ индюшекъ, — жена дьякона, что молодой Хвоцинскій уже давно живетъ съ нею, что у него уже есть дѣти. Ивлевъ не слушалъ. Онъ все думалъ о Лушкѣ, о ея ожерельѣ, которое оставило въ немъ чувство сложное, похожее на то, какое испыталь

онъ когда-то въ одномъ итальянскомъ городкѣ при взглядѣ на реликвию одной святой. „Вошла она навсегда въ мою жизнь!“ — подумалъ онъ. И, вынувъ изъ кармана „Грамматику любви“, медленно перечиталъ при свѣтѣ зари стихи, написанные на ея послѣдней страницѣ:

Обрѣчены съ тобой мы оба
На грусть въ семь мѣрѣ лжи и зла!
Моя любовь была до гроба,
Она со мною умерла.

Но ей сердца любившихъ скажутъ:
„Въ преданьяхъ сладостныхъ живи!“
И правнукамъ своимъ покажутъ
Сію Грамматику Любви.

1915.

И г н а т ь

I

Любка вторую зиму жила на барскомъ дворѣ въ Извалахъ, у господъ Паниныхъ, когда нанялся къ нимъ въ пастухи Игнатъ.

Ему шелъ двадцать первый годъ, ей двадцатый. Онъ былъ изъ бѣднаго дома въ Чесменкѣ, одной изъ деревень, составляющихъ Извалы, она изъ такого же въ Шатиловѣ, что неподалеку отъ Извалъ. Но говорили, что она „полукровка“, незаконная дочь шатиловскаго барина. Да и выросла она при господахъ. И поэтому, чѣмъ болѣе волновала пастуха ея красота, чѣмъ болѣе думалъ онъ о горничной, тѣмъ болѣе робѣлъ. А чѣмъ болѣе робѣлъ, тѣмъ чаще думалъ, тѣмъ сумрачнѣе и молчаливѣе становился.

Въ черныхъ, блестящихъ глазахъ Любки была какая-то преступная ясность, откровенность. Ловко и спокойно крада она одеколонъ и мыло у барыни, сѣдой вдовы, курившей тонкія душистыя папирасы. Иногда была она жива, наивна и казалась моложе своихъ лѣтъ, иногда—старше, все испытавшей женщиной. Да и груди были у нея какъ у женщины. Ее лѣтъ четырнадцать изнасиловалъ старикъ Зыбинъ, шатиловскій земскій начальникъ; и теперь она позволяла барчукамъ Панинымъ очень многое, не боясь увлечься. А для Игната, еще не знавшаго женщинъ, отношенія между мужчинами и женщинами становились все страшнѣе и желаннѣе. Непроще, скрытнѣе его не было малаго во всѣхъ Извалахъ. Даже ѣдучи на роз-

вальняхъ на гумно, за колосомъ для скотины, никогда не отвѣчалъ онъ прямо и сразу на вопросъ: куда ѣдешь? Избѣгая взгляда Любки, не поднимая угрюмыхъ глазъ, стыдась своихъ лаптей, шапки и ошмыганнаго полушубка, онъ исподлобья слѣдилъ за ней, и спокойное безстыдство ея, смутно имъ понимаемое, было для него и жутко и плѣнительно.

Усилили его любовь и барчуки.

Барчуки, — уже лѣчившійся на Кавказѣ офицеръ Алексѣй Кузьмичъ, ровесникъ Игната, и Николай, ровесникъ Любки, все переходившій изъ одного учебнаго заведенія въ другое, — пріѣзжали зимой только на большіе праздники. Въ этомъ году на масленицу пріѣхалъ сперва младшій. И Любка была особенно оживлена, видъ имѣла особенно откровенный, не будучи, впрочемъ, откровенной ни съ кѣмъ. Такъ и сіяли ея неподвижные глаза, когда она, черноволосая, крѣпкая, съ сизымъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, въ зеленомъ шерстяномъ платьѣ, во весь духъ работая локтями и шурша бѣлымъ подкрахмаленнымъ передникомъ, носилась то за тѣмъ, то за другимъ отъ людской къ дому и отъ дома къ людской, по темнѣющей среди снѣжнаго двора тропинкѣ. И за масленицу, за эти сѣрые дни, слегка туманившіе, дѣлавшіе тусклыми сосны и ели въ палисадникѣ, слегка кружившіе голову своимъ тепломъ и праздничнымъ чадомъ изъ трубъ, Игнату не разъ приходилось наткаться на игру барчуковъ съ Любкой.

Какъ-то въ сумерки онъ видѣлъ: она выскочила изъ дома съ злымъ, раскраснѣвшимъ лицомъ и растрепанными волосами. За ней, смѣясь и что-то крича, выбѣжалъ на крыльцо, на тающій снѣгъ, Николай Кузьмичъ, приземистый, большеголовый, съ тупымъ и властнымъ профилемъ, въ косовороткѣ изъ бѣлаго ластика и лакированныхъ сапогахъ. А вечеромъ Любка, веселая, запыхавшаяся, столкнулась въ темныхъ сѣняхъ людской съ Игнатомъ.

— Разорвалъ баску и цѣлый пузырь персидской сирени подарилъ, — неожиданно и быстро сказала она, задерживая бѣгъ. — Понюхай-ка.

И черезъ мгновеніе исчезла, а Игнатъ долго просто-

яль на одномъ мѣстѣ, тупо глядя въ темноту; пахло кухней, предвесенней свѣжестью, собаками, глаза которыхъ парными красноватыми изумрудами горѣли, двигались передъ нимъ, онъ же слышалъ только дурманящій, сладкій запахъ духовъ и еще болѣе дурманящій запахъ волосъ, гвоздичной помады, шерстяного платья, пропотѣвшаго подъ мышками...

Пріѣхалъ офицеръ: худой, съ карими острыми глазами, съ длиннымъ блѣдно-сѣрымъ лицомъ въ лиловыхъ, припудренныхъ прыщахъ. Тяжело, вся сотрясаясь, выбѣжала на крыльцо молочно-сѣдая барыня, подвитая, наряженная, въ туго стянутомъ корсетѣ, замахала бѣлымъ платочкомъ на звонъ тройки, выносившей сани изъ-подъ горы. У крыльца кучеръ осадилъ тройку, и офицеръ заговорилъ быстро, не заботясь о томъ, слушаютъ ли его; потомъ откинулъ полость саней размашисто, какъ у подѣзда ресторана, на крыльцо взбѣжалъ, ловко и развязно притопывая раскоряченными, очень тонкими ногами въ легкихъ, маленькихъ и блестящихъ сапожкахъ, звеня серебряными шпорами и дергая, поправляя приподнятыми плечами широкую николаевскую шинель съ бобровымъ стоячимъ воротникомъ. Былъ канунъ прощенаго дня. Масленица выпала поздняя, и порой казалось, что совсѣмъ одолѣваетъ зиму весна. Съ утра грѣло солнце, сіяло голубое небо, сіяли его отсвѣты на снѣгу, капали капли. Но послѣ полдня стало хмуро, пронзительно-сыро, затуманившійся, тускло посинѣвшій палисадникъ упруго зазвенѣлъ, заплѣлъ въ дремотѣ. Не обращая вниманія на сырость и вѣтеръ, Любка въ одномъ платьѣ таскала изъ троечныхъ саней какіе-то кульки. И пастухъ слѣдилъ за ней, за тѣмъ, какъ наклонялась она.

Онъ стоялъ на широкомъ грязномъ крыльцѣ людской, пропахнувшей блиннымъ чадомъ. Крупныя хлопья снѣга падали и мгновенно таяли передъ крыльцомъ въ огромной лужѣ, по которой важно ходили только-что прилетѣвшіе грачи. Работникъ и кухарка, подоткнутая, въ сапогахъ, вытащили большую лохань, продѣвъ въ ея ушки палку. Въ лохани дымилась густая желтая овсянка. Борзья стаей

кинулись къ ней и, дрожа, горбясь, пропуская между ногъ судорожно изогнутые, тугіе хвосты, стали пожирать ее. Кухаркинъ мальчишка, въ красной, праздничной рубашкѣ, ворочаль овсянку лопатой и билъ то ту, то другую глухо рычащую собаку. Уже были по двору лысины — чернѣла кое-гдѣ земля. Вытаскивая изъ лохани испачканныя желтой гущей морды, собаки катались, терлись по землѣ, потомъ гурьбой потянулись черезъ дворъ къ саду за домомъ. Рядомъ съ красавицей Стрѣлкой, черноглазой борзой въ атласной бѣлой шерсти, шелъ большой рыжій кобель, дворовый, и, яростно скаля зубы, рыча, захлебываясь, не подпускалъ къ ней никого изъ борзыхъ. Томимый вожделѣніемъ, Игнатъ двинулся за собаками. Но въ аллеѣ онѣ свернули, побѣжали по сѣрому насту подъ кривыми вѣтвистыми яблонями куда-то въ сторону. Игнатъ вышелъ за садъ, въ сѣрое поле, на которое косо летѣли бѣлые хлопья, снялъ шапку и досталъ изъ разорваннаго ватнаго dna ея завѣтный двугривенный.

Мимо садоваго вала, по задворкамъ, онъ поплелся на деревню, чернѣвшую обтаявшими избами на косогорѣ. Желтоватые, замасленные санями горбы сугробовъ, съ гладко втертымъ въ нихъ конскимъ навозомъ, и выбоины, полныя студеной вешней воды, тянулись между избами и пуньками. Игнатъ стукнулъ въ окошечко особенно черной и хилой избы, подъ стѣнкой которой, наохлившись, дремали куры. Изнутри прильнуло къ окошечку старое, желтое лицо. Игнатъ показалъ двугривенный. И, надернувъ на босыя ноги тяжелые старые валенки, съ головой накрывшись полушубкомъ, баба провела Игната черезъ дорогу въ холодную пахучую пуньку съ желѣзной дверкой и засунула въ подставленный глубокой карманъ его растянувшихся протокъ бутылку.

За пунькой, на скатѣ косогора, покрытомъ зернистымъ снѣгомъ, онъ постоялъ, думая о Любкѣ. Потомъ запрокинулъ голову и, не переводя духа, выпилъ все до капельки. И, пряча пустую посуду, почувствовалъ, что горячо, хорошо пошла отравка по всему его тѣлу. Онъ присѣлъ на корячки и сталъ ждать дурману; потомъ упалъ,

хохоча, наслаждаясь тѣмъ, что пьянъ, и поползъ подъ гору, въ лужокъ.

Очнувшись, онъ долго не могъ понять, гдѣ онъ. Онъ сталъ маленькимъ, легкимъ — промерзъ весь, насквозь. Дуль сырой вѣтеръ, смеркалось, снѣгъ уже не падалъ. Со страхомъ вспомнивъ, что еще не привезено въ домъ соломы, — домъ топили соломой, Игнатъ каждый вечеръ набивалъ ею заднія крыльца, съ утра до сумерокъ ъздилъ на розвальняхъ то за топкой, то за кормомъ для скотины, — онъ вскочилъ и побѣжалъ черезъ деревню, потомъ черезъ садъ. Голова его была мутна, но тѣло легко, всѣ чувства обострены, и вѣтеръ особенно волновалъ ихъ, — онъ былъ сладокъ, хотѣлось глотать его всей грудью. Игнатъ зналъ, что забылъ веревку на заднемъ крыльцѣ, и, запыхавшись, шлепая лаптями по мокрому снѣгу, повернулъ изъ аллеи прямо къ нему. Въ сумракѣ подъ навѣсомъ крыльца стоялъ кто-то, кого-то прижималъ къ стѣнѣ и на шаги Игната повернулъ голову.

— Чего тебѣ? — крикнулъ онъ.

Это былъ офицеръ, его голосъ, его длинное блѣдное лицо, бобрикомъ стриженная, узкая и длинная къ затылку голова. За два пальца офицера, не пуская его руку, держала прижатая къ стѣнѣ Любка. Игнатъ, не сводя глазъ съ ея слабо бѣлѣвшаго въ сумракѣ передника, отошелъ; постоялъ — и медленно побрелъ по двору, опять чувствуя нытье въ животѣ, тоску въ предплечьяхъ, въ ослабѣвшихъ ногахъ. Сумрачными, смутными клубами нависали надъ садомъ дождевыя облака. Дуль на лужи сильный западный вѣтеръ — и была въ немъ пьянящая влажность, сила ранней весны, одолавающей зиму.

А на другой день одолѣла зима, еще гуще валилъ снѣгъ, къ вечеру поля потерялись въ туманѣ вьюги. Барыня уѣхала къ сосѣдкѣ. Офицеръ, звеня шпорами, вышелъ на крыльцо, закричалъ черезъ дворъ, чтобы запрягали въ бѣгунки Королька, и, наклонясь къ сидѣвшимъ на крыльцѣ собакамъ, на спинахъ и лбахъ которыхъ снѣгъ лежалъ толстымъ слоемъ, сталъ сладострастно трясти то ту, то другую за ушами и сквозь зубы приговаривать: „а-а та, та-та!“

Любка обошла его съ блюдомъ жареной наваги, понесла блюдо въ людскую. Онъ покосился и забормоталъ еще сладострастнѣе:

— А-а, собаки, собакаки, собачики!

Быль прощенный день. Изъ-подъ горы, съ рѣки, глухо доносились сквозь шумъ темнѣвшей вьюги пьяные голоса, пѣсни, громыханіе бубенчиковъ, звонъ колоколовъ: лавочникъ, сапожникъ, урядникъ, мужики — всѣ катались со своими гостями, съ барышнями, дѣвками, сватами. Было и хорошо и тоскливо, чувствовался и самый развалъ и конецъ праздника. Когда Королька запрягли, офицеръ, въ сѣрой ловкой шинелькѣ и папахѣ, вытащилъ на крыльцо хохочущую, счастливую, нарумяненную Любку. На ней была шубка съ воротникомъ изъ орѣховаго мѣха, зеленое платье свое она подобрала, подоткнула. Голова ея была закутана сѣрой шалью, она гнула голову, смѣясь, упираясь, сходя съ крыльца мелкими, тупыми шажками. Игнатъ, подавъ золотисто-рыжаго жеребчика, держалъ его подъ уздцы, и жеребчикъ зло и умно косилъ большимъ блестяще-лиловымъ яблокомъ на офицера, на его шелковый шарфикъ, краснѣвшій изъ ворота шинели, вокругъ тонкой шеи, покрытой зажившими, стянувшимися слѣдами прыщей. А Игнатъ все глядѣлъ на бѣлый подолъ Любки, на ея грубые полсапожки, намазанные саломъ, къ которому не прилипалъ мокрый снѣгъ...

Потомъ онъ тащился на розвальняхъ къ гумну, билъ веревочной возгой нескладно-костляваго мерина. И Королекъ, екая и злясь, стучая ледяными глудками въ передокъ, фыркая отъ свѣжаго снѣга, летѣвшаго ему навстрѣчу, въ горячія ноздри, обогналъ, обдалъ дыханіемъ и сталъ пропадать вмѣстѣ съ бѣгунками въ дыму вьюги, весело и сумрачно разыгравшейся въ мутно-сизомъ полѣ. Снѣгъ хлопьями валилъ на сытую спину Королька, на папаху, на погоны, на блестящій сапожокъ со шпорой, крѣпко поставленный на желѣзный отводъ. Лѣвой рукой въ замшевой перчаткѣ держалъ офицеръ голубыя вожжи. Другой захватилъ голову въ сѣрой шали и припалъ къ ней папашой...

И твердо рѣшилъ Игнатъ промѣнять работнику Яшкѣ свою гармонію, единственное свое богатство, на старые сапоги. Навозивъ соломы, онъ не пошелъ на улицу, къ толпѣ, что сбилась и смутно темнѣла среди ночной выюги подъ застрѣхой крайней избы, на выгонѣ передъ церковью. Тамъ ловко и бѣшено перебивали другъ друга гармоніи, заглушаемыя пѣснями и вѣтромъ, кружились въ дыму поземки, носились, какъ вѣдьмы, пляшущія дѣвки. Но Игнатъ, утопая въ снѣгу, пробрался черезъ выгонъ къ ярко освѣщенному дому лавочника и часа два не спускалъ глазъ съ залѣпленныхъ снѣгомъ оконъ, за которыми мелькали тѣни танцующихъ.

II

Великій постъ былъ сѣрый, однообразный.

День за днемъ дулъ жесткій вѣтеръ, блѣдно бѣлѣли поля, тускло синѣли, скучно напѣвали сосны и ели въ палисадникѣ, слишкомъ рано прилетѣвшіе грачи куда-то скрылись. Офицеръ давно уѣхалъ. Но Николай Кузьмичъ зажился. Разъ подвѣхалъ Игнатъ на розвальняхъ къ заднему крыльцу дома. Розвальни зашуршали висящей съ нихъ старновкой по ступенькамъ крыльца, и барчукъ, игравшій съ Любкой, смѣясь, поднялся съ соломы. Любка, поправляя волосы, глядѣла спокойно.

— Вотъ вы такъ-то играете, — сказала она, — а по селу пойдутъ брехать... Хоть бы ты, Игнатъ, меня замужъ взялъ, — прибавила она, вставая.

Игнатъ покраснѣлъ и насупился. Ни малѣйшаго значенія не придавъ онъ ея словамъ, но съ этого дня шевельнулась и стала рости въ немъ ревность, злоба. Жуя черный хлѣбъ, косясь на домъ, съ завистью чувствуя его внутреннюю жизнь, онъ проѣзжалъ на розвальняхъ по аллеѣ, выѣзжалъ на гумно. Собаки пѣгой стаей, трясаясь, бѣжали за нимъ. Въ остаткахъ ометовъ возились и пищали мыши. Собаки рыли солому, принюхивались, настораживались, еще яростнѣе рвали ее когтями, дрожа и скуля, и вдругъ, подпрыгнувъ, кидались на добычу хищно и мѣтко. Женственно-

красивую, съ маслянистыми черными глазами Стрѣлку Игнатъ заманивалъ въ ригу. Она вбѣгала, онъ припиралъ скрипучія ворота. Становилось жутко. Холодно пахло токомъ, тепло—ржанымъ колосомъ. Въ сумракѣ огромнаго трехугольника, по застрѣхамъ, по рѣшетнику и переметамъ котораго сѣрѣла густая бархатная пыль лѣтней молотѣбы, пробивался въ длинную щель воротъ холодный, блѣдный свѣтъ. Вѣтеръ шуршалъ за ними, дулъ по току...

Въ ясный солнечный день на третьей недѣлѣ уѣхалъ и Николай Кузьмичъ. Внезапно вернулась весна. Крыши варка, сарая за однѣ сутки обтаяли, старая, бурая солома ихъ золотилась противъ солнца, рѣзко отдѣлялась отъ голубого, умиляющаго душу неба. Выпустили плюшевыхъ обросшихъ за зиму жеребятъ и коровъ, они дремали, грѣлись на солнцѣ. Рѣзко, серебромъ сверкалъ сочащійся снѣгъ по двору. У параднаго крыльца, въ тѣни, возлѣ синей лужи, стояла тройка. Отражались въ лужѣ и небо, и бѣлый передникъ Любки. Вышелъ Николай Кузьмичъ въ накинутаго поверхъ поддевки енотовой шубѣ, вышла барыня. Долго прощались, долго, оборачиваясь, кричалъ что-то уѣзжавшій, когда тронулись и потянулись сани по ухабистой, текущей дрожащими ручейками дорогѣ, по выступившему, накопившемуся за зиму навозу, похожему на мокрый табакъ. Гдѣ блестяла вода по ухабамъ, лошади, тонконогія, съ подвязанными хвостами, взмахивали особенно щеголевато точно вычищенною сталью подковъ. На солнцѣ грѣло, много галокъ собралось на соснахъ и еляхъ палисадника, зазеленѣвшаго пышно и свѣжо. А въ тѣни чувствовался сѣверный рѣзкій вѣтерокъ. Стоя на парадномъ крыльцѣ, Любка озябла, щеки ея посизѣли. Сани скрылись подъ горой, она напѣвала задумчиво, чуть слышно: „Мчитса парочка вдвоемъ“... Потомъ встрепенулась, вбѣжала въ домъ — и немного погодя выскочила на заднее крыльцо. Игнатъ, проходившій мимо, вдругъ повернулъ къ крыльцу. Она тупо, со страхомъ, не двигаясь, глядѣла на него. Игнатъ подошелъ вплотную и схватилъ ее за кисти. И оба смутились. И какъ бы играя или пробуя силу, разводя сѣ�피лен-

ными руками, не знали, что сказать. Вдруг Любка нахмурилась.

— Пусти! — крикнула она. — Еще что за моду взялъ! И, вырвавъ руки, повернулась и хлопнула дверью.

Садъ казался особенно рѣдкимъ на серебрѣ снѣга, испещренномъ фіолетовыми тѣнями, аллея — веселой, широкой. И опять, нахмуренный, злой, Игнатъ пошелъ по ней на деревню, къ бабѣ шинкаркѣ. И опять очнулся передъ вечеромъ въ лужкѣ, насквозь промерзшій, изумленный. Усатыя ветлы, стоявшія возлѣ него, золотились на блѣдно-голубомъ небѣ, за ними было солнце. Небо изподъ горы казалось необъятно-огромнымъ и новымъ.

— Не пара она мнѣ, — твердо сказалъ Игнатъ, поднимаясь. — Пропалъ я.

Съ этого вечера онъ никогда не смотрѣлъ на домъ, проѣзжая мимо, не отвѣчалъ Любкѣ, если она заговаривала. Прошелъ постъ, прошла Святая. Снѣга уже нигдѣ, кромѣ овраговъ, не было, въ деревняхъ опушились легкой лимонной дымкой лозины; вокругъ деревень лилово чернѣли пашни, грѣло солнце, дрожало расплавленное стекло по горизонтамъ, пѣли жаворонки, сохли блекло-зеленоватые межи, сѣрые пары, сѣдая полынь. Молодая пахучая травка чуть пробилась. Но Игнатъ уже давно ходилъ за стадомъ въ поля, къ милютинскому лѣску, еще голому, полному сухой дубовой листвы и подснѣжниковъ. Коровы дремали на припекѣ, у опушки. Ъсть было нечего, онѣ ложились, вздыхая, и галки садились на нихъ, дергали шерсть для гнѣздъ. Игнатъ навивалъ кнутъ, лѣнливо поглядывалъ въ солнечную даль, на дороги, гдѣ уже лежала пыль, радостно напоминавшая о лѣтѣ, и загоралъ отъ солнца, отъ апрѣльского суховѣя.

Когда были деньги, онъ былъ счастливъ. Въ полѣ, выбравъ мѣстечко посуше, онъ разстилалъ свой рваный пиджакъ, ставилъ на него бутылку, вытаскивалъ изъ кармана хлѣбъ, заранѣе круто посоленный и отсырѣвшій, холodныя картошки. Вскорѣ голова его начинала сладко кружиться. Солнечный южный горизонтъ за сѣрѣющими равнинами дрожалъ, тонко струился паръ, чуть синѣвшій на

солнцѣ надъ спекшимся кучами навоза, раскинутого по полю, коровы двоились и плыли... Странно, — онъ все-таки чего-то ждалъ! Хмельной, онъ чувствовалъ это, чувствовалъ, что связалась его жизнь съ жизнью Любки, на бѣду связалась! Что-то придется сдѣлать, чтобы покорить ее, чтобы стать равнымъ съ нею, чтобы вызвать ея любовь. Иначе, если онъ даже добьется своего, не будетъ она мужика любить... А весна требовала любви. Плывя, дрожа, опиралась на колѣни переднихъ ногъ, потомъ неуклюже поднимала задъ одна корова, другая, третья... Поднимался большой мышастый быкъ, широколобый, съ гладкимъ хвостомъ, на концѣ котораго висѣлъ шелковисто-волнистый мохоръ, тяжело бѣжалъ, мотая нитями стекловидныхъ слюней, — и вдругъ, весь наливаясь мощью, вставалъ на дыбы... У Игната заходило сердце. Онъ опрокидывался навзничъ, на сухіе, черные шмоты навозной кучи. Онъ закрывалъ глаза, слезы выкатывались изъ-подъ его рѣсницъ, онъ не стиралъ слезъ, и мухи пили ихъ. Потомъ онъ крѣпко засыпалъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока дошедшее до зенита солнца не начинало печь его голову и плечи. Пригнавъ стадо домой, онъ молча обѣдалъ въ людской и уходилъ спать въ каретный сарай, гдѣ у каменной стѣны была сбита изъ колевъ высокая кровать, покрытая соломой и клоками ватнаго краснаго одѣяла. Послѣ сна онъ бывалъ золь и, выгоняя стадо, дралъ коровъ своимъ длиннымъ хлопающимъ кнутомъ такъ сильно, что на бокахъ ихъ вздувались рубцы.

Онъ рѣшилъ вести себя такъ, чтобы приказчикъ избилъ и прогналъ его. Лѣто, пріѣздъ барчуковъ — все это пугало его: когда-нибудь онъ не выдержитъ-таки и изъ-за угла проломить кирпичомъ голову Любкѣ или Николаю Кузьмичу! Но случилось такъ, что однажды, въ маѣ, когда лѣсокъ уже густо опушился темной зеленью, заросъ цвѣтами и травами, когда рано утромъ уже полѣтнему было жарко на солнечныхъ полянахъ, а въ росистой тѣни свѣжо и таились ландыши, увидалъ онъ, пригнавъ стадо на парь, сидящую у опушки бабу. Это была нищая, дурочка Юіона. Положивъ возлѣ себя мѣшокъ и палку, она сидѣла, слегка

раскрывъ ротъ, вся въ лохмотьяхъ, съ мокрымъ подоломъ, съ блестящими глазами на опухшемъ лицѣ. Она была слегка пьяна. Когда Игнатъ подошелъ, она съ гогомомъ, сдержанно-страстнымъ, повалилась навзничъ, выставила колѣни и стала тереть большими лаптями по росистой травѣ. Въ мѣшкѣ ея были крендели, водка. И, выпивъ, Игнатъ не совладѣлъ съ собой...

Съ этихъ поръ дурочка стала приходиться къ нему чуть не каждый день. Просыпаясь по ночамъ, онъ силился плакать: обидно, больно было ему при мысли, что живетъ онъ съ дурочкой! До солнца, по холодной, крупной росѣ онъ выгонялъ стадо. Въ полдень напивался. Теперь пили уже на его деньги. Онъ забралъ жалованье за мѣсяць впередъ. Но и его деньги наконецъ изсякли. И дурочка стала зла, нахальна, требовательна, дурочкой уже не притворялась. Когда онъ являлся безъ водки, она отказывала ему, морила его по недѣлѣ. И разъ даже крѣпко и ловко ударила его по головѣ палкой. Онъ поднялся и пошелъ прочь, странно, неумѣло рыдая. А наплакавшись, сѣлъ на между и тупо сталъ думать все о томъ же, о чемъ онъ думалъ теперь безпрестанно: гдѣ бы достать денегъ? Но достать было негдѣ, украсть — тоже. Сапоги онъ пропилъ.

Вся дворня знала его исторію, за обѣдомъ и ужиномъ надъ нимъ часто хохотали. Онъ багровѣлъ и молчалъ. Что было бы, будь Любка при этомъ? Но, на счастье его, барчуки не пріѣзжали, слышно было, что Николай Кузьмичъ у товарища подъ Харьковымъ, офицеръ — на маневрахъ подъ Смоленскомъ. А барыня уѣхала на шесть недѣль въ Липецкъ и увезла съ собой Любку. Въ усадьбѣ было тихо и скучно. Да и дурочка стала являться все рѣже и рѣже — шаталась по ярмаркамъ. И вотъ лѣто пошло уже къ концу — жаркое, длинное. Обмелѣла рѣчка, до-черна выглодала скотина корма, хлѣба поспѣли, пересохли и сыпались. Пошли косить ихъ, — былъ уже конецъ іюля.

Въ концѣ іюля, возвращаясь однажды на закатѣ со стадомъ въ село, Игнатъ встрѣтился съ дурочкой. Она остановилась и показала на лѣсокъ.

— Какъ отдѣлаюсь, такъ приду, — сказалъ онъ, не поднимая глазъ.

Но какъ итти безъ водки? Въ уныніи стоялъ онъ у воротъ усадьбы, смотрѣлъ на закатъ. По дорогѣ, наискось пролежавшей по горѣ, ѣхали съ косьбы и вязки мужики и бабы на пыльных телѣгахъ; изъ телѣгъ торчали пере-
вясла, косы и грабли. Малиновое, безъ лучей, солнце сѣло огромнымъ кругомъ въ сизую сухую муть за рѣкой, за полями, уже покрытыми звеньями копенъ. Игнатъ вышелъ изъ воротъ, повернулъ на выгонъ, потомъ, мимо сада, къ гумну. Впереди его мелко перебирала босыми ножками по пыли очень грязная и кудрявая дѣвочка. Перегнувшись на лѣво, она правой рукой тащила дегтярницу, облитую красно-коричневымъ дегтемъ. Игнатъ ускорилъ шагъ, догнавъ ее, оглянулся — и схватилъ ея лѣвый кулачекъ, въ которомъ были зажаты деньги. Глаза ея стали круглыми отъ ужаса, личико исказилось, она заголосила и, съ силой звѣрька, стиснула кулачекъ. Игнатъ схватилъ ее за горло и повалилъ на дорогу. Дѣвочка захрипѣла и распустила пальчики. Игнатъ выгребъ изъ ея ладони деньги — тридцать копеекъ.

Купивъ водки, онъ пошелъ прямо къ лѣсу. Справа было жнивье, чуть бѣлѣющее въ сумракѣ поле, покрытое копнами. Слева, съ тускло чернѣющихъ пашень, съ равнины, дулъ теплый вѣтеръ. Впереди, надъ темной каймой лѣса, поднимался большой красный Марсъ. И пастухъ остановился. Онъ вдругъ вспомнилъ, что нынче должна пріѣхать барыня, что за нею послали тройку и подводу для вещей. И тотчасъ же, задержавъ дыханіе, услыхалъ далекій звонъ колокольчиковъ.

Казалось ему лѣтомъ, что минуетъ его то неизбежное, что должно быть. Но теперь онъ почувствовалъ, что нѣтъ, не бываетъ тому — не минуетъ. Оно уже близилось, росло, надвигалось... И, постоявъ, онъ двинулся впередъ.

У перекрестка его оглушила звономъ, топотомъ копытъ и обдала пылью тройка. Онъ, сойдя съ дороги, пропустилъ ее и опять пошелъ. Вдали слышался глухой грохотъ телѣги. Онъ дѣлался все явственнѣй. И черезъ ми-

нугу увидѣлъ Игнатъ на тускломъ звѣздномъ небѣ дугу, лошадь, а за лошадыю — сидящую въ телѣгѣ Любку. Она была лошадь вожжами и тряслась, прыгала, неслась прямо на него.

— Садись, подвезу! — крикнула она весело, сразу признавъ его въ сумракѣ.

Онъ повернулся, догнавъ нагруженную чемоданами телѣгу, на бѣгу бокомъ вскочилъ на грядку...

Чтò говорила Любка, онъ не запомнилъ. Запомнилъ только первыя, ударившія его по сердцу слова, которыя она звонко и ласково выкрикнула сквозь грохотъ телѣги:

— Чтò жъ, очень соскучился по мнѣ?

Запомнилъ только тотъ моментъ, когда онъ вдругъ схватилъ вожжи и, осадивъ лошадь, перекинулъ ноги въ телѣгу.

— Постой, — шопотомъ сказала Любка, но такъ просто, точно они жили уже много лѣтъ, и отъ этой простоты у него еще больше помутилось въ головѣ: — постой, юбку изомнешь... Дай хоть поправить-то...

III

Прошло четыре года. Стоялъ декабрь. Игнатъ, отбывъ солдатчину, возвращался изъ города Василькова на родину.

Съ женой онъ жилъ всего три мѣсяца. Вскорѣ послѣ той юльской ночи, въ которую такъ неожиданно переломилась его судьба, Любка почувствовала себя беременной — и никогда не покидала его злая мысль, что только поэтому пошла она за него. Она говорила, что любить его, устроила его отца, больного старика, на барскомъ дворѣ скотникомъ; одѣла и снарядила его въ дорогу, провожала со слезами. Онъ жестоко избилъ ее, гуляя, куражась рекрутомъ, вымещая барчуковъ. Она отъ побоевъ даже скинула, но перенесла ихъ какъ должное. Когда его угнали въ Васильковъ, она часто посылала ему вмѣстѣ съ письмами деньги, письма писала ласковыя, обращаясь къ нему на вы. Но онъ не вѣрилъ ни единому слову ея, жилъ въ

тоскѣ, въ непрестанной мукѣ, въ ревности, въ изобрѣтеніи самыхъ жестокихъ наказаній за предполагаемыя измѣны.

Бдучи на побывку два года тому назадъ, онъ всю дорогу думалъ, что убьетъ ее, ежели узнаетъ что плохое. Приѣхавъ и наведя справки на своей станціи, онъ узналъ, что Любка не отказывала только лѣнивому. Но она встрѣтила его такъ радостно, разувѣрила въ слухахъ такъ искренно и просто, что у него руки опустились. А чтобы и совсѣмъ успокоить его, заявила, что бросаетъ мѣсто на барскомъ дворѣ и переселяется въ избу, — будетъ ждать его дома, будетъ шить на машинкѣ и тѣмъ кормиться. И онъ уѣхалъ унылый и сбитый съ толку. Уныль, молчаливъ былъ онъ и на службѣ, но исполнительнъ, исправенъ и бережливъ: копилъ деньги, взятки съ молодыхъ солдатъ. Все еще жила въ немъ надежда сравняться съ Любкой, стать достойнымъ ея настоящей, а не притворной любви. Но вдругъ письма отъ нея перестали приходиться. Онъ писалъ чуть не каждую недѣлю — отвѣта не было. Онъ грозилъ, молилъ — она молчала. Онъ опять сталъ пьянствовать — и отупѣлъ, измучился.

Все же, отслуживъ свой срокъ, онъ ѣхалъ въ Извалы.

Онъ очень измѣнился. Теперь онъ былъ сухъ, довольно высокъ и ладенъ. Оловянные глаза его стали большелицо посѣрѣло и казалось еще худѣе отъ блестящихъ послѣ бритья маслаковъ около оттопыренныхъ круглыхъ ушей. Красноватые усы онъ стригъ щеткой, голову — бобрикомъ, и кожа просвѣчивала въ его короткихъ стальныхъ волосахъ. Отъ Кіева до Орла онъ неподвижно сидѣлъ въ вагонѣ возлѣ своего грубо раздѣланнаго подъ орѣхъ сундучка съ привязанными къ нему сапогами и чайникомъ, не снималъ ни фуражки, ни грубой сѣро-рыжей шинели, натиравшей шею, смотрѣлъ въ полъ и грызъ подсолнухи. Отъ Орла онъ сталъ тревожиться, выходить на станціяхъ къ буфету. На вокзалѣ въ своемъ городѣ онъ неожиданно встрѣтился съ бывшимъ товарищемъ по службѣ, выпилъ, оставилъ сундучокъ у сторожа, и товарищъ вывелъ его

на вокзальное крыльцо, нанялъ извозчика-старика, а старикъ во весь духъ треногой кобылы помчалъ ихъ, возбужденныхъ, курившихъ папиросу за папиросою, въ городъ. Проѣхали они прямо въ слободу — и тамъ Игнатъ почти сутки не разставался съ маленькой, коротконогой, пожилой, съ черными сухими волосами и сильно напудренной брюнеткой, курившей еще жаднѣе его. Очнулся же онъ въ полѣ, возлѣ слободы — и съ трудомъ вспомнилъ, что его тяжко били, выталкивая. Былъ мягкій бѣлый день, шелъ снѣжокъ и застревалъ въ складкахъ его шинели. Онъ всталъ, шатаясь, чувствуя себя больнымъ, точно отравленнымъ...

Ѣхать до Изваль пришлось въ вагонѣ товарнаго поѣзда, вмѣстѣ съ сидящими отъ жира на задахъ заводскими свиньями. Свиней везли богатому помѣщику на племя, провожалъ ихъ дряхлый садовникъ помѣщика, чистый и тихій, бывшій дворовый. Но, кромѣ него, Игната и свиней, ѣхалъ въ товарномъ вагонѣ еще еврей, сѣро-сѣдой, кудрявый, большеголовый и бородатый, въ очкахъ, въ полуцилиндрѣ, въ длинномъ, до пять, пальто, мѣстами еще синемъ, а мѣстами уже голубомъ, съ очень низкими карманами. Онъ все время молчалъ, былъ задумчиво-озабоченъ, пѣлъ какой-то напѣвъ и пилъ чай. Садовникъ дремалъ. Свиньи сидѣли на задахъ въ деревянной загородкѣ, покрытыя сѣрыми попонами съ вензелями и коронами. Смеркалось, вѣтеръ съ снѣгомъ дулъ въ отворенную дверь и задиралъ мокрую солому подъ свиньями. Плыли мутно-бѣлыя поля, темнѣвшіе кустарники, медленно курившіеся дымомъ, падавшимъ на нихъ съ паровоза. И тяжелая, неразрѣшимая тоска давила Игната. Повязавшись вдвое сложеннымъ башлыкомъ съ оранжевыми каемками, сдвинувъ брови, стиснувъ зубы, играя маслаками, онъ стоялъ у двери, грызъ подсолнухи и косился на еврея. Еврей сидѣлъ на опрокинутомъ ящикѣ, держалъ въ большой, покрытой крупными лиловыми жилами рукѣ стаканъ чаю. Шелуха подсолнуховъ летѣла по вѣтру, попала въ чай. Еврей долго, съ раздраженіемъ смотрѣлъ сквозь очки на Игната. Игнатъ ждалъ, что скажетъ еврей, чтобы ударить его послѣ первыхъ же словъ сапогомъ въ грудь. Но

еврей ничего не сказалъ: только приподнялся и вылилъ чай нарочно возлѣ самыхъ ногъ Игната, возлѣ его плоскихъ и широкихъ казенныхъ сапогъ.

На станціи попутчиковъ до села не оказалось. И пришлось сидѣть, ждать, не навернется ли кто случайно.

Оледенѣли его руки, помутилась голова, когда, въ половинѣ одиннадцатаго, медленно надвинулся на него такой знакомый, такой особенный вокзалъ съ его народомъ и освѣщенными окнами. Только-что ушелъ пассажирскій поѣздъ. Въ залѣ третьяго класса, холодномъ, полутемномъ, тускломъ отъ дыма и потномъ отъ дыханія, нужно было пробиваться плечомъ — такъ много толпилось въ немъ на мокромъ полу мужиковъ. Между двойными дверями стоялъ на полу копившій фонарь. Двери поминутно съ визгомъ отворялись, хлопали — свѣжій легкій морозный воздухъ, врываясь въ угрюмый, вонючій залъ, волновалъ клубы бѣлаго пара надъ ведернымъ самоваромъ въ буфетѣ. Изъ отворенной, ярко и горячо освѣщенной конторы, гдѣ были касса и телеграфъ, не смолкая ни на секунду, дребезжалъ и звенѣлъ какой-то звонокъ, какъ будто кто завелъ и забылъ остановить будильникъ. И отъ многолюдства, отъ этого звонка у Игната ломило въ темени.

Разспрашивалъ онъ, нѣтъ ли попутчиковъ, тупо, ходилъ какъ лунатикъ, но все видѣлъ и замѣчалъ съ необыкновенной зоркостью. Толпа армяковъ и полушубковъ рѣдѣла. Игнатъ вышелъ на крыльцо, посмотрѣлъ, сторонаясь, пропуская мимо себя выходящихъ и разговаривающихъ, на лошадей, на сани, на мутно-лунное небо, выкурилъ цыгарку, глубоко вдыхая вмѣстѣ съ дымомъ сладкій зимній деревенскій воздухъ, и вернулся за своимъ сундучкомъ. Уже буфетчикъ постепенно, по порядку, съ края, убиралъ со стойки апельсины, папирсы, тарелки съ колбасами, потный кусокъ сыра. Начальникъ станціи подъ руку провелъ большую старуху-помѣщицу въ шубѣ, опиравшуюся на костыль. Въ отворенную дверь видна была блѣдная, но свѣтлая лунная ночь, деревья въ инеѣ. Лошади, стоявшія у крыльца, встряхивались, бормотали глухарями. Потомъ глухари загромыхали всѣ сразу, заскрипѣлъ снѣгъ

подъ полозьями... Въ залѣ осталась только баба въ новомъ оранжевомъ полушубкѣ, неподвижно сидѣвшая на длинномъ деревянномъ диванѣ у стѣны, на которомъ стоялъ сундучокъ Игната. Задомъ подойдя къ дивану, Игнатъ присѣлъ, взвалилъ сундучекъ себѣ на спину и, думая о той веснѣ, когда онъ жилъ съ дурочкой, а былъ беззаботенъ, свободенъ, сладко напивался, закусывая холодными картошками, вышелъ изъ вокзала.

Шагалъ онъ твердо, ровно и споро, повизгивая по снѣгу сапогами, свѣтлая снѣжная ночь была вокругъ него. Въ полѣ было пусто, мертво и тихо, луна крылась за легкими облаками, дорога чуть темнѣла... И отъ своихъ смутныхъ думъ очнулся онъ уже въ Извалахъ, почувствовавъ, что вошелъ въ большую, просторно раскинутую и давно спящую деревню. Ни одного огня не было въ занесенныхъ снѣгомъ избахъ. Слабыя тѣни лежали на большой дорогѣ отъ водовозокъ и пунекъ. Еще тише какъ будто стало, воздухъ—еще слаще и пахучѣе. По дворахъ уже пѣли пѣтухи.

Возлѣ своей пустой избы, на краю деревни, надъ оврагомъ, онъ постоялъ, не зная, что дальше дѣлать. Маленькая, она была наполовину занесена мятелями. Дверь на замкѣ, одно окно забито дощечками. Острый сугробъ, покрытый слѣдомъ лаптей, поднимался возлѣ открытыхъ воротъ во дворъ, переходилъ черезъ крышу. Игнатъ пошелъ по слѣду, заглянулъ внутрь двора. Въ раскрытой закуткѣ непріятно ночевала чья-то телушка..

Недалекѣ, въ избѣ Маря, свѣтился низкій огонекъ—изъ окошечка, почти сравнявшагося съ высокой снѣжной улицей. Онъ заглянулъ въ окошечко. Чуть не всю избу занималъ станъ. Нѣмая, съ тугимъ румянымъ лицомъ, дѣвка ткала красна, гремѣла станомъ. Игнатъ стукнулъ. Дѣвка взглянула со страхомъ и удивленіемъ. Онъ вошелъ въ избу. Дѣвка дергала за оборку торчавшаго съ печи лаптя, будя отца. Онъ долго не откликнулся, только откашливался. Потомъ сталъ слѣзать—задомъ, ища лаптемъ печурку. Слѣзъ и по стѣнѣ, стараясь не наступать на одну, видно, большую ногу, дошелъ до скамейки возлѣ стола.

Бородатый, лохматый, съ выпуклыми кровянистыми глазами и хрипучимъ голосомъ, видъ онъ имѣлъ шальной. Игнать поставилъ сундукъ у двери, сѣлъ къ столу. Дѣвка, поджавъ руки, стояла у печки. А Марей, попросивъ закурить, затягиваясь такъ, что дымилась вся его борода, говорилъ:

— Хозяйку твою видаль... Видаль, какъ же... Изъ церкви шла... Дома жить не пожелала, все у господъ... Ихъ давно нѣтути, въ Москвѣ, говорятъ, она приказчика согнала, всѣмъ домомъ править, въ икономки записалась... Не по закону живеть, не по закону...

— Знаю, знаю, — сказалъ Игнать, что-то думая, выскребая ногтемъ грязь изъ трещинъ стола.

— Извѣстно, знаешь... Ну, потращаешь — бросить. Потращать можно... Я вотъ и свою просваталъ, да робость беретъ... Онъ вдовецъ, вдовый... Да ну-ка откажется? На кой, молъ, чортъ нужна такая-то... А она хоть чисто сказать не можетъ, а на черную работу хороша, не покорю... Ты вотъ подхватилъ хорошую, анъ дѣло-то хуже вышло... Не пара, значить, оказалась. Руби, значить, древо по себѣ...

— Я сундукъ у тебя пока оставлю, — сказалъ Игнать, не поднимая глазъ.

— Это можно... Оставь... Оставить можно, — согласился Марей.

И на порогъ вышелъ проводить Игната. Морозило, яснѣло. Темно синѣя въ вышинѣ, межъ облаковъ, расчищалось небо. Мѣсяцъ, яркій, полный, выкатывался на просторъ, косая бѣлая туча съ оранжевымъ полукругомъ, падавшимъ на нее отъ мѣсяца, сдвигалась къ горизонту, къ сѣверо-западу. Тѣни отъ водовозокъ стали рѣзче, улица заискрилась.

— Зима обозначается, — хрипло сказалъ Марей, высовывая голову изъ низкой двери темныхъ сѣнецъ на свѣтлую улицу и вдыхая пахучую свѣжесть.

И опять твердымъ шагомъ пошелъ Игнать, не поворачивая завязанной башлыкомъ шеи. Пройдя версты двѣ по деревнямъ, выйдя на лугъ, на дорогу въ гору, онъ

увидаль на горѣ знакомую усадьбу, темный палисадникъ во дворѣ и четыре освѣщенныхъ окна за нимъ. Но пошелъ онъ къ нижнему саду, спускавшемуся по горѣ отъ усадьбы до самаго луга, вошелъ въ его ворота, перешелъ по плотинѣ занесенной снѣгомъ сажалки, направляясь къ длинной и мрачной бревенчатой избѣ скотнаго двора, чернѣвшаго въ глубинѣ сада, подъ вѣковыми деревьями. Небо надъ нимъ было синее, бездонное, съ рѣдкими, крупными звѣздами. Мѣсяць катился въ вышинѣ справа. Впереди, среди свѣта и тѣней, то садясь на заднія лапки и поднимая торчкомъ уши, то дѣлая короткіе прыжки, двигался заяцъ, пробираясь на золотую поляну за сажалкой. Красно-золотой звѣздой казался огонь въ избѣ подъ деревьями.

Почему не спалъ, почему такъ пристально посматрѣлъ на Игнатототъ блѣдно-голубой лицомъ, бѣловолосый, длинноголовый пастушонокъ, что отворилъ дверь этой большой, очень теплой избы? Надъ столомъ привѣшена была къ ея блестящему, какъ каменный уголь, потолку лампочка. Въ переднемъ углу — олеографія въ рамкѣ: Николай угодникъ въ малиновомъ одѣяніи, съ фіолетовой бородой. Коростовая свинка ходила по липкому земляному полу, хрустѣла, катала что-то по зубамъ. Въ загородкѣ возлѣ печи стояли телята, коричневыя и желто-бѣлыя. Они не спали, клали морды съ широкими, нѣжными, влажно-розовыми ноздрями на загородку, сматрѣли ясными глазами, мочились тонкими, прямыми свѣтлыми струйками. Отдавало отъ нихъ запахомъ мокрой коровьей шерсти, молокомъ парнымъ, какимъ-то утробнымъ тепломъ, — и долго вспоминалъ потомъ Игнатъ этотъ запахъ, простой, успокаивающій, а вслѣдъ за нимъ — старика-отца. На кровати возлѣ загородки сидѣлъ онъ, спустивъ блѣдныя волосатыя ноги въ узкихъ синихъ порткахъ, лысѣющей со лба, худой, какъ скелетъ, и, положивъ большія руки на колѣни, важно закрывъ слѣпые глаза и обративъ лицо къ иконѣ, шепталъ что-то.

— Онъ у насъ сумасходный, — тихо сказалъ пастушонокъ, пристально глядя на Игната. — Дуже старъ сталъ.

И услыхавъ его голосъ, чувствуя чье-то присутствіе,

еще выше, важнѣе и печальнѣе откинулъ старикъ голову, свой тонкій, горбившійся отъ худобы носъ.

— Богъ благословитъ, Богъ благословитъ, — про-
бормоталъ онъ.

Обнаживъ стриженную, въ стѣнкахъ башлыка, голову, но забывъ поздороваться съ отцомъ, Игнатъ спросилъ мальчика:

— Любовь въ домѣ?

— Въ домѣ, въ домѣ, — поспѣшно отозвался тотъ. —
Къ ней купецъ прѣхалъ.

Игнатъ надѣлъ фуражку, вышелъ изъ избы и пологой горой, черезъ фруктовый садъ, по заячьимъ тропинкамъ среди яблонь и свѣтлыхъ полянъ, испещренныхъ тѣнями, быстро дошелъ до калитки на барскій дворъ, откинулъ ее и, согнувшись, утопая въ снѣгу, перебѣжалъ въ зеленоватый сумракъ палисадника. И тотчасъ за маленькимъ окномъ прихожей увидѣлъ жену.

Но за стѣной дома вдругъ глухо залаяла собака. Онъ отскочилъ — и застылъ, замеръ, прижавшись къ стѣнѣ.

IV

Поставивъ въ темныхъ сѣняхъ самоваръ, она сидѣла въ прихожей съ перегородкой, выбѣленной мѣломъ, штопала чулокъ у стеариноваго огарка, горѣвшаго въ позеленѣвшемъ мѣдномъ подсвѣчникѣ на подоконникѣ. Полной казалась теперь эта красивая черноглазая женщина въ красной кофтѣ, съ мягкими грудями, въ бѣломъ платочкѣ, подъ который уходилъ среди черныхъ волосъ широкій проборъ.

Двѣ большія тѣни, одна лилово-темная, другая свѣтлѣе, падали отъ нея на перегородку, поднимались на потолокъ. Когда подошелъ подъ окно Игнатъ, она, задумчиво склонивъ голову на бокъ, поглядѣла на заштопанную пятку чулка и вынула изъ него старинную серебряную суповую ложку. Бѣлый, въ коричневыхъ пятнахъ пойнтеръ, спавшій въ залѣ въ углу, на репсовой каретной подушкѣ, вдругъ басомъ брехнулъ, вскочилъ и съ гремящимъ лаемъ, стуча ногтями по паркету, побѣжалъ къ прихожей. Любка

живо и серьезно взглянула на дверь въ залъ. Потомъ, загородивъ ладонью щеку отъ огня, прильнула къ стеклу.

— Кто тамъ? — сказала она громко, съ хозяйственной строгостью, но тревожно, отдирая сперва одну, потомъ другую примерзшую форточку и заглядывая въ открывшійся, пустой, полный легкаго морознаго воздуха, квадратъ.

Свѣтлая ночь, все звончѣющая надъ мертвой бѣлой окрестностью, надъ давно спящими деревьями, надъ застывшей въ молчаніи усадьбой, надъ живописными и неподвижными подъ звѣзднымъ небомъ садами, крѣпла, достигала своей высшей красоты и силы. Пятна свѣта на сѣбгу въ сумракѣ палисадника горѣли зеленовато. Мѣсяца Любка не было видно, — только поднявъ голову, увидала она сквозь вѣтви сосенъ его зеркальный кругъ. За стволами просторно бѣлѣлъ свѣтлый дворъ, и свѣжая колея, прорѣзанная по немъ санками купца, недавно взрытый и уже затвердѣвшій слѣдъ розово сверкалъ. Любка, приглядываясь, сдвинула пьявки черныхъ бровей. Но только на мгновеніе смутной тревогой дошло до нея въ этой полночной тишинѣ присутствіе челоуѣка, такъ близко отъ нея прижавшагося къ стѣнѣ. Она подождала отвѣта, захлопнула фортки и пошла въ залъ накрывать на столъ.

Въ прохладномъ большомъ залѣ было сдвинуто много мебели, много стульевъ и старинныхъ креселъ. У той стѣны, гдѣ была дверь въ прихожую, стоялъ рояль. Высокія двери въ гостинную были закрыты. Между ними и угловой кафельной печкой чернѣлъ шелушившійся портретъ въ золотой рамѣ. Столъ у стѣны противъ оконъ освѣщала на цѣпяхъ спускавшаяся съ потолка лампа.

Проѣзжавшій изъ города въ купленный на срубъ милотинскій лѣсокъ и ночевавшій въ усадьбѣ купецъ былъ невысокій, тяжелый челоуѣкъ, въ черной бородѣ съ бурымъ подсѣдомъ и черными косыми глазками. Растегнувъ верхніе крючки сизаго, очень полнаго и вонючаго романовскаго полушубка, отвернувъ на груди пышную дымчатую овчину, онъ, мягко ступая черными поярковыми валенками, бродилъ по залу, разсматривалъ мебель, шифоньерки, брон-

зоваго коня подь стекляннымъ колпакомъ на подзеркаль-никѣ. Возлѣ печки возилась мышь, стараясь протащить въ маленькую щелку пола большой кусокъ лепешки. Купецъ засмотрѣлся на мышь. Вскочивъ, басомъ забрехалъ пойнтеръ, — и онъ съ легкой улыбкой удивленія и удовольствія послушалъ, какъ отдалось въ пустомъ домѣ и зазвенѣли мѣдныя струны рояля; онъ приподнялъ его крышку, попробовалъ безыменнымъ пальцемъ въ разныхъ мѣстахъ клавиши...

— Хорошо у васъ тутъ, тихо, — сказалъ онъ входившей и выходившей Любкѣ.

— Скучно, — отвѣтила Любка, чуть усмѣхнувшись.

Она накрыла столъ, принесла вазочку съ зеленымъ вареньемъ, солонку, въ которой соль была перемѣшана съ крошками хлѣба, тарелку съ кускомъ солонины, радужно-ржавой, въ застывшемъ жирѣ, похожемъ на вату, и бутылку водки съ матовымъ отъ мороза налетомъ на стеклѣ.

— А ты бы забаву какую-нибудь приискала себѣ, — сказалъ купецъ, привычно намекая на то, на что всѣ намекаютъ.

— И то правда, — тоже привычнымъ, беззаботнымъ тономъ отвѣтила Любка.

Теперь уже не было прежней живости въ ея отвѣтахъ. Она стала спокойнѣе, говорила меньше, проще и грубѣе, привыкнувъ распоряжаться и ругаться съ работниками, отвыкая отъ господъ. Ограниченная, она казалась умной, благодаря этому умѣнью, присущему женщинамъ, подобнымъ ей, не говорить лишняго.

Когда она принесла и, высоко поднявъ, поставила на столъ самоваръ, купецъ пролѣзъ за столъ на новый вѣнскій диванъ, не спуская косыхъ глазъ съ ея грудей. Она въ бокъ блеснула смуглыми бѣлками и, съ равнодушнымъ видомъ, не спѣша, отошла, стала, какъ бы грѣясь, къ холодной печкѣ. Купецъ сдвинулъ рукавъ полушубка съ круглившейся изъ него дымчатой густой шерстью и взялъ ножъ въ лѣвую руку, а вилку въ правую. Любка и это замѣтила. „Лѣвша, — подумала она: — распутный, небось“. Но

опять грубо забрехалъ пойнтеръ, глядя въ прихожую, и она опять тревожно прислушалась.

— На кого это онъ все?—спросилъ купецъ, выпивъ, раздувая ноздри. — Какъ отзывается! — сказалъ онъ, послушавъ. — Не домъ, а органъ.

— Да все, небось, этотъ пьяница шатается, мужъ скотницы нашей,— отвѣтила она и, подумавъ, насмѣшливо улыбнулась. — Тутъ такая потѣха идетъ, не приведи Богъ.

Купецъ, отрѣзая кусочекъ солонины и намазывая его горчицей, равнодушно удивился:

— Да чтò ты!

— Ей-Богу, — сказала Любка. — Закружилась тутъ съ однимъ, да и другимъ не отказываетъ. Ну онъ и ходитъ. Грѣхъ судить, а только дойдетъ у нихъ дѣло до бѣды.

— Чтò жъ, еще дружка себѣ нашла?

— Да ай ихъ мало! — сказала Любка, думая не о скотницѣ, а о себѣ и о своемъ любовникѣ, портномъ изъ Шатилова, бѣшено ревновавшемъ и все грозившемъ убить ее.

Говоря, она косилась на окно возлѣ дверей въ гостинную. Во всѣхъ окнахъ зелено и остро искрились обледенѣвшія нижнія стекла. Въ это окно, незамерзшее, видны были рѣдкія звѣзды на синемъ небѣ, зелень палисадника и застрѣха въ снѣгу. Купецъ ѣлъ, что-то обдумывая. Любка слабо зѣвнула и опять заговорила:

— А, должно, здоровый морозъ будетъ. Куда въ даль такъ-то поѣхать, замерзнешь.

— Очень просто, — сказалъ купецъ и посмотрѣлъ на пойнтера, положившаго морду на лапы. — А собака это же чья?

— Да барина нашего молодого, Николая Кузьмича,— сказала Любка. — Надоѣла до крайности. На дворѣ никакъ не можетъ жить, нѣжна очень. Голая вся. Два раза въ недѣлю купаю, пропасти на нее нѣту. Онъ у насъ чудакъ какой-то.

— Да и дуракъ, можно сказать, хорошій, — вставилъ купецъ.

— Дуракъ, нѣтъ ли, не мое бабье дѣло судить, — сказала Любка, думая, что такой скромный отвѣтъ понравится купцу. — Только, правда, никуда не гожается и дома не живетъ, а объ собакѣ въ каждомъ письмѣ пишетъ, беспокоится.

— А ты ужъ давно здѣсь проживаешь?

— Давно. Седьмой годъ, никакъ.

— И довольна, значить?

— Да чего жъ мнѣ? Сама себѣ голова. Они, господато, почестъ, и не живутъ тутъ.

— Мужъ-то въ солдатахъ?

— Въ солдатахъ.

— И на войну не попалъ?

Любка засмѣялась, держа руки за спиною, какъ бы грѣя ихъ.

— Они, такіе-то, счастливые, черти, — сказала она, смѣясь.

— И отслужится, небось, скоро?

— То-то и бѣда, что скоро. Все писалъ, грозилъ: соплюсь. А мнѣ какая забота? Самъ же будешь подъ заборомъ лежать, — сказала Любка то, что часто говорила портному. — И опять же ревнивъ, надоѣлъ своей любовью досмерти... Все, бывало, грозить — убью, а скажи ласковое слово — сейчасъ слюни распустишь. Да что жъ, и убьетъ... Ночью, когда такъ-то кобель забрешетъ, жутко, правда...

— Ты жаловаться на него имѣешь право, — сказалъ купецъ. — Это время прошло, чтобы сдуру, здорово живешь, людей бить.

Онъ съѣлъ всю солонину, обрѣзая ватный жиръ, допилъ водку. Глаза его стали маслянистѣй, полушубокъ онъ растегнулъ. Икая, онъ вынулъ изъ кармана красную осьмушку табаку, камышевый мундштукъ, книжечку папиросной бумаги, аккуратно раскрылъ ее, отдулъ одинъ листокъ, свернулъ своими короткими пальцами съ выпуклыми, круглыми ногтями толстую папиросу и съ наслажденіемъ закурилъ.

— Давно замужъ-то вышла? — спросилъ онъ съ мутной усмѣшкой.

— Пятый годъ пошелъ.

— А дѣтей не было?

— Не было.

— Почему же такъ? Ты вѣдь, думается, крѣпка, хороша была?

— Страшная хорошая! — сказала Любка, польщенная, но улыбаясь насмѣшливо, и начала врать: — А ужъ это видно, не моя вина, я сама по дѣтяхъ скучаю. Значитъ, онъ чѣмъ нибудь испорченъ, а моя какая можетъ быть вина? Онъ на то и зло на меня имѣеть, на то и обижается. А я смолоду горячая была, — искусаю его, бывало, до синяковъ, а у него старанья много, а все безъ толку... Плохая наша бабья доля, — сказала она.

Купецъ уставился на нее прищуренными глазами. Затягивался онъ все глубже, пуская дымъ въ потолокъ.

— Это вѣрно, — сказалъ онъ, не зная, что говорить. — Да что ты все около печки-то спасаешься?

Сдерживая улыбку, Любка отвѣтила съ дѣланной простотой:

— А гдѣ жъ мнѣ стоять? Мое мѣсто тутъ.

— Къ столу садись, — сказалъ купецъ. — Тутъ лучше согрѣешься. Будетъ каляниться-то, авось, я не взыщу.

— Не взыщете, такъ сяду, — отвѣтила Любка съ игривой скромностью и сѣла къ столу на стулъ.

Она понимала, что купецъ началъ томиться, не зная, какъ приступить къ дѣлу. Купецъ, отвалиясь къ спинкѣ дивана, порою вздыхалъ, отдувался, закрывая глаза и хмуро улыбаясь, порою тяжело смотрѣлъ на ея грудь, проборъ, — и глаза его то стеклянѣли, то вспыхивали. Дѣлая видъ, что она ничего не замѣчаетъ, Любка, опустивъ рѣсницы, пила жидкій чай съ лимономъ, скромно вытирала концомъ головного платка потѣющую верхнюю губу, покрытую чернымъ пушкомъ. Купецъ вздохнулъ еще шумнѣе и вдругъ, не глядя на нее, сталъ торопливо и неловко разстегивать своей крѣпкой маленькой рукой пазуху синей фланелевой рубахи, подъ которой былъ жилетъ. Разстегнувъ и жилетъ,

онъ запустилъ руку во внутренній боковой карманъ и вытащилъ бумажникъ. Любка сдвинула пальцемъ тонкій ломтикъ лимона къ краю блюда, положила его въ ротъ и стала высасывать, не въ мѣру морщаась, дѣлая видъ, что чувствуетъ только одно — острую кислоту. Мгновенно замѣтила она, что бумажникъ очень толстый и потертый, быстрымъ взглядомъ окинула пухлую пачку розовыхъ кредитокъ, которую вынулъ купецъ изъ бумажника. Отдѣливъ одну кредитку, склеенную бумажной ленточкой, спрятавъ остальные, онъ сталъ лѣвой рукой пихать бумажникъ обратно, а правую ковшикомъ положилъ на нее.

— Довольно, что ли? — спросилъ онъ.

Какъ будто ничего не понимая, Любка равнодушно взглянула на десятирублевку, потомъ перевела томно-пристальные глаза на него.

— Чтò говорю-то? — повторилъ онъ смѣло, почти грубо.

Молча взявъ и сунувъ деньги въ карманъ юбки, она поджала руки, навалилась на столъ и опять посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ. Онъ, не зная, чтò говорить и дѣлать, взялъ ее за правую руку, потянулъ за концы корявыхъ снизу пальцевъ. Она отняла ихъ и, тоже не зная, чтò сказать, спросила:

— Чтò жъ сало-то не докушали?

И, взявъ оставшійся на тарелкѣ кусочекъ, положила его въ ротъ.

— А я люблю, — сказала она: — она сладкая, опричи если на сковородкѣ поджарить. — И засмѣялась: — Постъ, а мы жремъ... — И, помолчавъ, беззаботно добавила: — Ну, да авось, все одно въ аду кипѣтъ.

— За что же это? — спросилъ купецъ.

— Да за все. Наше мѣсто въ аду. Старые люди говорятъ, все одно изъ мужиковъ въ святыя не выходятъ. Всегда изъ архиреевъ, алхимандритовъ.

И вдругъ, разгибаясь, рѣшительнымъ шопотомъ сказала:

— Ну, пойдете, что ль...

Игнать, стоя на снѣгу, давно не чувствовалъ ногъ, окаменѣла и голова его, насквозь промерзла, стала тонкой, ледяной шинель. Сперва онъ пошевеливалъ пальцами въ сапогахъ, двигалъ плечами. Потомъ уже не обращалъ вниманія на то, что все послѣднее тепло сосредоточилось и дрожало у него гдѣ-то подъ ложечкой, что стали деревянными губы, обросли инеемъ края башлыка, рѣсницы и усы.

Онъ не замѣчалъ времени, весь поглощенъ былъ страстнымъ желаніемъ, чтобы оправдались его подозрѣнія. Проибли вторые пѣтухи. Сила, свѣтъ, красота ночи стали ослабѣвать. Мѣсяць, блѣднѣя, склонялся къ западу. Орионъ, три поперечныхъ звѣзды его низко стояли на юго-западномъ горизонтѣ серебряными пуговицами, стали ближе и ярче. Отъ людской, надъ которой склонялся мѣсяць, пала, полъ двора захватила тѣнь. Было такъ морозно и тихо, что слышно было, какъ возились на насѣстѣ ночевавшія въ сѣняхъ людской куры, какъ въ конюшнѣ мѣрно хрустѣла овсомъ лошадь купца, какъ потомъ она, съ глубокимъ вздохомъ, легла. Противъ крайняго незамерзшаго окна зала торчала изъ снѣга, подъ нависшими вѣтвями ели, скамейка. Снѣгъ, мѣстами атласный, мѣстами хрупкій, какъ соль, рассыпчатый и все твердѣвшій отъ мороза, визжалъ и хрустѣлъ при каждомъ, самомъ осторожномъ шагѣ. Затаивъ дыханіе, Игнать добрался до скамьи, сталъ на нее и, разведя руками глянцевито-ледяную зелень хвои, все забылъ, увидавъ внутренность зала, увидавъ эту страшную для него, двигающуюся, что-то говорящую и улыбающуюся женщину и человѣка, бывшаго съ ней въ этотъ поздній часъ одинъ-на-одинъ во всемъ домѣ.

Но время шло, шло — и ничего особеннаго не происходило въ залѣ. Вотъ Любка сѣла, наконецъ, къ столу, и купецъ сталъ вынимать что-то изъ-за пазухи. Но что? Какъ ни напрягалъ Игнать зрѣнія, разглядѣть не могъ: мѣшалъ самоваръ, посуда... Вотъ Любка привстала, облокотилась на столъ, подвинулась къ купцу, и въ незастегнутый разрѣзъ ея платья сзади стала видна нижняя бѣлая

юбка. И въ мірѣ настала такая страшная тишина, что осталось въ немъ только бѣшеное бѣненіе сердца Игната. Но въ тотъ же мигъ Любка внезапно разогнулась, быстро пошла по залу, къ двери, ведущей внутрь дома, за нею двинулся купецъ, — и легко, уже ничего не думая, Игнатъ соскочилъ со скамейки и побѣжалъ подъ елями въ сторону, противоположную парадному крыльцу, чтобы, обогнувъ домъ, вскочить въ него съ задняго. На пустой синевѣ небосклона съ новыми, предутренними звѣздами, сквозилъ, чернѣя, потонувшій въ снѣгахъ, низкій фруктовый садъ. Еще давеча замѣтилъ Игнатъ, выходя изъ сада, кучи хвороста между нимъ и домомъ. Въ хворостѣ всегда валялся топоръ. И, добѣжавъ до хвороста, Игнатъ кинулся искать этотъ знакомый, зазубренный, ржавый топорикъ со скользкой рукояткой, — сталъ шарить, обдирая руки о ледяные прутья и обжигая ихъ о снѣгъ, синевато блестящій противъ низко опустившейся сонной луны.

Купецъ, нащупавъ въ карманѣ полушубка маленькій и, какъ камень тяжелый, револьверъ, вошелъ, между тѣмъ, въ темный коридоръ и протянулъ впередъ руки.

— Тутъ хворостъ на топку приготовленъ, не упадите, — сказала Любка, и онъ, наступая на сучки и съ трескомъ ломая ихъ, ощутилъ пріятный, горьковатый запахъ холодной дубовой коры и сухой листвы въ снѣгу.

Любка остановилась, говоря: „это у насъ задняя прихожая“, пошарила по стѣнѣ и отворила дверь въ большую нежилую комнату, очень холодную, пахнущую ветчиной, освѣщенную двумя тускло синѣющими окнами съ незамерзшими верхними стеклами. Мѣсяць стоялъ далеко, съ другой стороны дома, въ этой комнатѣ было сумрачно, но все-таки купецъ разглядѣлъ окорока, висѣвшіе подъ потолкомъ, кадку съ соленымъ саломъ, сепараторъ, слабо поблескивающій никелемъ велосипедъ, бѣлѣющія на полу крынки и кровать у стѣны — деревянную, безъ перины, съ одной подушкой безъ наволочки. И, повернувшись, задомъ подвигаясь къ кровати, Любка предупредила, но уже таинственно, отвѣчающимъ моменту шопотомъ:

— Смотрите, не попадите въ масло...

Она стала такъ, чтобы удобнѣе было лечь, чтобы купцу можно было повалить ее. И у него сразу отнялись ноги отъ ея шопота. Она еще что-то шептала, ласково, съ дрожью въ голосѣ, но онъ уже не слушалъ, — онъ, охвативъ и прижимая къ себѣ ея тяжелое тѣло, толкалъ ее къ кровати все ближе, пока икры ея не уперлись въ нее, пока кровать не пришлась подъ самыя ея колѣни. И тутъ Любка, дотолѣ слабо сопротивлявшаяся, безмолвно повалилась. Она чувствовала боль отъ давленія часовъ и цѣпочки и одной рукой разглаживала густую мягкую бороду, а другой крѣпко держала за указательный палецъ съ большимъ золотымъ перстнемъ. Она чувствовала вступающую въ тѣло сладкую муку, волны истомной силы, и, какъ бы сердясь, стала перекусывать волосы бороды, закрывавшей ея ротъ. Обѣими руками охватила она и крѣпко прижала къ себѣ бычью, сморщенную шею, лохматую голову... Но голова эта вдругъ поползла изъ-подъ рукъ внизъ, тѣлу Любки стало легко, а ногамъ больно отъ тяжести. Она приподнялась. Купецъ грузно сѣлъ на полъ, захрипѣлъ и упалъ навзничь, мягко стукнувшись затылкомъ. Она вскочила и кинулась поднимать его. Но онъ дышалъ, какъ умирающій, хрипя и свистя горломъ, тѣло его съ высокимъ, раздувающимся животомъ, было огромно и тяжело, какъ мертвое. И страхъ холодомъ облилъ ея голову.

Задрожавшими руками она стала срывать съ пуговицъ воротъ его фланелевой рубахи, разстегнула поясъ съ серебрянымъ наборомъ. Потомъ схватила подушку съ кровати и бросила ее на полъ. Побѣжала въ прихожую, зажгла огарокъ, сунула полотенце въ ведро съ водой и вернулась, освѣщая въ коридорѣ во всѣ стороны кинувшихся крысъ. Поставивъ огарокъ на кровать, она накрыла полотенцемъ лобъ и закатившіеся глаза купца, съ ужасомъ глядя на его горой лежащее тѣло, на распахнутыя полы полушубка и на бѣлое полотенце на сизомъ лицѣ съ задранной кверху черной бородой. И вдругъ, какъ громъ, раздался стукъ двери. И, вскинувъ глаза, Любка окаменѣла, увидавъ надъ собой солдата, показавшагося ей чуть не до потолка ростомъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ фу-

ражку, а правой, отведенной назадъ, сжималъ топоръ. Сдѣлавъ къ Любкѣ шагъ, онъ быстро перехватилъ его рукоятку, но еще быстрѣе, ловя послѣднюю секунду, она твердымъ голосомъ приковала его къ мѣсту.

— Мой грѣхъ, — быстро сказала она. — Добивай скорѣе. Богаты будемъ. Скажемъ, что его ударъ расшибъ. Скорѣе!

Игнать глянулъ на ея сразу похудѣвшее, обрѣзавшееся лицо, на расширенные и неподвижные черные глаза, красную кофту и засученныя смуглыя, полныя руки — и со всего размаху ударилъ обухомъ въ мокрое полотенце.

VI

При третьихъ пѣтухахъ въ людской уже горѣла лампа и топилась печь. Кухарка сладко зѣвая, сидѣла противъ нея на лавкѣ, грѣлась и, не моргая, смотрѣла на жаркое разноцвѣтное пламя, окликаая спавшаго на печи Федуку, работника купца, которому было приказано запрягать пораньше. Онъ, заспанный, мордастый, съ бѣльмомъ на глазу, слѣзъ съ печи, зачерпнулъ изъ кадки корецъ ледяной воды, умылся изо рта, одной рукой, разодралъ кухаркинымъ деревяннымъ гребнемъ свои сбитые густые волосы, покрестился въ уголь, откашливаясь, залѣзъ за столъ, съѣлъ чугунчикъ горячихъ картошекъ, насыпавъ кучку соли на сырую доску стола и отрѣзавъ огромный ломоть хлѣба, потомъ ладно одѣлся, очень туго и низко подпоясался, закурилъ и бодро, повизгивая по морозному утреннему снѣгу нагольными, твердыми, какъ дерево, и рыжими отъ снѣга сапогами, мотая закопченнымъ фонаремъ, въ которомъ горѣлъ сальный огарокъ, пошелъ запрягать.

Допѣвали пѣтухи, ночь смѣшалась съ днемъ. Изъ неопредѣленнаго разсвѣтнаго сумрака съ утренней опредѣленностью выступали предметы. Снѣгъ на дворѣ, на крышахъ становился блѣдно-бѣлымъ, чуть синѣя. Блѣднѣло, расширялось легкое небо за садомъ, за сквозными деревьями. Воздухъ былъ чистъ и остеръ, какъ эфиръ. Въ густой зеленой хвоѣ морозно-неподвижнаго палисадника возились

проснушіяся галки. А на западѣ чувствовалась ночь, ея тайна. Мертво блестяль невысокій мѣсяць на сумрачномъ горизонтѣ, на синеватомъ небосклонѣ за снѣжной долиной рѣки. Отворивъ ворота сарая и поставивъ фонарь на старьей, тяжелый фаэтонъ, загаженный курами и покрытый замерзшей еще съ осени грязью, Ѳедька взялся за холодныя оглобли маленькихъ крашенныхъ санокъ и, пятясь, скребя по мерзлой землѣ желѣзными подрѣзами, поволокъ ихъ изъ темноты за порогъ, на блѣдный свѣтъ утра. Снявъ затѣмъ съ деревяннаго колка, вбитаго въ каменную стѣну сарая, наборную узду, захвативъ изъ санокъ сѣделку, онъ пошелъ по твердому, длинному сугробу, мимо заткнутыхъ соломой и забитыхъ снѣгомъ окошекъ конюшни, къ деннику, гдѣ стоялъ тяжелый, мохнатый жеребецъ купца.

Въ навозномъ темномъ денникѣ тепло, хорошо пахло лошадыю, ея свѣжимъ пометомъ и недоѣденнымъ сѣномъ. Широкой, весь курчавый и сѣдой отъ инея жеребецъ, услыхавъ стукъ двери, повернулъ голову на свѣтъ и легонько заржалъ. Ѳедька подошелъ къ нему — и онъ, играя, опустилъ голову. Ѳедька подвелъ узду подъ нее, — онъ согнулъ толстую шею въ косматой, жесткой гривѣ еще круче. И, мотая головой, поталкивая лбомъ въ грудь Ѳедькѣ, въ его тугой полушубокъ, долго не давался вложить удила. Наконецъ Ѳедька втолкнулъ ихъ въ раздавшіеся желтые зубы, обтеръ руку, испачканную слюной и пѣной, о хвостъ жеребца, дѣлая сразу два дѣла — обтирая руку и приглаживая, оправляя загнувшіеся кверху, зачесавшіеся волосы на рѣпкѣ, — и повелъ его къ водовозкѣ, поить.

Съ параднаго крыльца, изъ тихаго, съ мертвыми окнами, занесеннаго снѣгомъ дома вдругъ выскочила бѣлая, въ коричневыхъ пятнахъ собака. Отрывисто брехнувъ, она, какъ шальная, сдѣлала два круга возлѣ крыльца и опять кинулась въ домъ. Ѳедька съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее. Но жеребецъ тянулся къ кадкѣ съ водой, ударилъ мордой въ ледъ, покрывшій воду, пробилъ его — и вода слегка задымилась. Жеребецъ прильнулъ къ ней своими бархатными губами и, посапывая, долго-долго тянулъ ее; онъ отрывался, разгрызалъ льдинки, слегка повернувъ

голову къ Ѳедькѣ, — и Ѳедька ласково, поощрительно посвистываль, глядя на его свѣтлый крупный глазъ и свѣтлыя капли, падающія съ губъ.

— Ну, будя, навѣкъ все одно не напьешься, — сказалъ онъ звучнымъ голосомъ и повелъ жеребца къ санкамъ.

Совсѣмъ свѣтло стало. Въ саду, въ голыхъ кустахъ, уже трещали воробьи. Небо за садомъ помутнѣло, окрасилось алооранжевымъ. Мѣсяцъ краснѣя, садился за деревней, выдѣлившейся и бѣлѣвшей крышами на сумрачно-лиловомъ западѣ. Заложивъ жеребца, застегнувъ вожжи, Ѳедька, не выпуская ихъ изъ рукъ, кинулся къ сидѣнью, въ одну сторону, а жеребецъ, рванувъ съ мѣста — въ другую. На бѣгу ввалившись въ санки, разодравъ ему удилами челюсти и на поворотѣ крѣпко взрѣзавъ подрѣзами разсыпчатый настъ, Ѳедька съ атласнымъ скрипомъ перевалился черезъ мягкій, новый сугробъ въ воротахъ и помчался въ поле, на свѣтлый, веселый востокъ — погрѣть лошадь.

И старый, тяжелый жеребецъ быстро запыхался. Ѳедька, сдѣлавъ версты полторы, обжегши лицо встрѣчнымъ острымъ вѣтромъ, широко завернулъ и шагомъ поѣхалъ обратно. Шагомъ вѣхаль онъ во дворъ, направляясь къ парадному крыльцу — и вдругъ раскрылъ глаза и натянулъ вожжи: кухарка, съ плачемъ, исказивъ блѣдное при золотистомъ утреннемъ свѣтѣ лицо, бѣжала отъ крыльца къ людской, а на крыльцѣ сидѣлъ человекъ въ сѣро-рыжей шинели, въ башлыкѣ, стоякомъ завязанномъ вокругъ шеи, съ обнаженной стриженной головою. Наклоняя ее, онъ правой рукой сгребаль съ сѣраго наста возлѣ ступенекъ свѣжій, бѣлый снѣгъ и прикладываль его къ темени.

При дорогѣ

I

Устинъ, отецъ Парашки, жилъ при большой Новосильской дорогѣ.

Мѣсто, что онъ выбралъ себѣ, отойдя отъ господъ, было безлюдное. Ржи морями разливались по волнистымъ полямъ вокругъ его степного двора. Во ржахъ за дворомъ стояли два безпріютныхъ дубка, шли неглубокіе овраги, густо зараставшіе къ лѣту бѣлыми цвѣтами. Во ржахъ за большой дорогой терялся дубовый лѣсокъ; въ той сторонѣ было и село — однодворческое старинное село Баево, да волнистыя поля скрывали его. До воли было много проѣзжихъ по большой дорогѣ. Потомъ ихъ слѣды, колеи, изрѣзавшія всю дорогу, затянулись, заглохли, закудрявились рѣдкой мелкой муравой.

Устинъ давно вдовѣлъ, — говорили, что онъ убилъ жену, изъ ревности, — жилъ не по-мужицки: не землей, а тѣмъ, что давалъ деньги въ ростъ; сѣялъ онъ только для домашняго обихода, вокругъ дубковъ и надъ оврагами, на помѣстной землѣ, и даже скотины путной не держалъ: хороши у него были однѣ лошади. Въ избѣ хозяйничала сперва его любовница, вдова-однодворка, потомъ какая-то нищенка, потомъ старшая дочь Евгенія. Но Евгенію, чуждую и немилую ему, онъ рано выдалъ и замѣстилъ работникомъ, пожилымъ придурковатымъ мужикомъ Володей. А самъ часто отлучался изъ дому — и росла босоногая, молчаливая Парашка одиноко.

Однажды, — ей шель тогда четырнадцатый годъ, это было какъ разъ въ то лѣто, когда Евгенія переселилась въ Баево, — гнали по большой дорогѣ порядочный гуртъ овецъ: часто такъ дѣлають — покупаетъ купецъ сто, двѣсти головъ на одной ярмаркѣ и перегоняетъ ихъ на другую, нанимая для того босяковъ, а для надзора за босяками посылая приказчика. Дотлѣвала лѣтняя заря далеко позади хутора. Поджидая отца изъ города, Парашка сидѣла на порогѣ избы, глядѣла на вечернія поблекшія поля, на голый просторъ дороги. Овцы густой грязно-сѣрой отарой медленно двигались мимо съ тѣмъ неопредѣленнымъ шумомъ, что производятъ и движеніе и дыханіе ихъ, съ запахомъ своего руна и корма — степныхъ травъ и полыни. А за ними шли собаки съ высунутыми красными языками, запекшимися и запыленными за-день, оборванный высокій малый рядомъ съ оборваннымъ старикомъ, и верхомъ ѣхалъ на бѣломъ горбоносомъ киргизѣ съ кутузкой въ рукѣ, въ картузѣ на затылокъ, молодой мѣщанинъ.

— Здравствуй, красавица, — сказалъ старикъ, отдѣляясь отъ гурта. — Помоги намъ, проходимъ, попроси у отца сѣрника...

Она долго не отвѣчала, разглядывая его. Онъ былъ безъ шапки, клоки ея были надѣты на его скользкій костыль. Онъ положилъ на него крупныя блестящія руки, удерживая ихъ дрожь, и съ трудомъ дышалъ. Въ лохмотьяхъ рыжаго пальто, надѣтаго на голое тѣло и подпоясаннаго обрывкомъ, въ подштанникахъ и сбитыхъ опоркахъ, зелено-сѣдой и кудлатый, мертвенно-блѣдный и съ запухшими глазами, онъ имѣлъ видъ яростный, но въ хрипломъ его голосѣ была доброта, усталость. Видна была сѣрая шерсть на его груди, видно было, какъ трепещетъ подъ грудью сердце...

— Отца дому нѣтути, — отвѣтила Парашка, наглядѣвшись.

— Такъ я и зналъ, такъ я и зналъ, — сказалъ старикъ. — Все катается, а ты одна растешь... „Вечоръ наша перепелушка, — сказалъ онъ, глядя на землю: — вечоръ наша

рябая всею ночью прокликала, всею, темную, протрюкала...“ Какъ же намъ быть-то, красавица?

Подошелъ малый, мелкой бойкой рысью подѣхалъ верховой, по-степному поджимая ноги въ стремяхъ подъ брюхо своего толстогрудаго киргиза, умореннаго, но все горячившагося, задиравшаго назадъ большую голову на крутой шеѣ. Они поглядѣли на старика насмѣшливо, — знали его манеру разговаривать, — на Парашку внимательно. Малый былъ очень длиненъ и тонокъ, съ покатыми плечами, съ круглымъ кошачьимъ лицомъ, въ сѣромъ арестантскомъ картузѣ, а верховой — сухощавъ, но широко, очень смугль и съ блестящими глазами.

— Я ея отца знаю, — сказалъ онъ, глядя съ сѣдла на Парашку, на ея маленькія ноги, загорѣлыя плечи и грязную сорочку. — Богатый плуть... Ступай въ печуркѣ, либо за образами поищи, — прибавилъ онъ строго.

Парашка, не сводя глазъ съ киргиза, короткаго, плотнаго и легкаго, все мотавшаго тяжелой головой и грызшаго желтыми зубами слюнявыя удила, вскочила съ порога, сбѣгала въ избу и вернулась съ коробочкомъ спичекъ. А мѣщанинъ тѣмъ временемъ слѣзъ со стараго, сухого и замасленнаго казацкаго сѣдла, расправляя короткія ноги. Малый отошелъ, пристально смотрѣлъ куда-то въ поле. Взявъ спички, молча пошелъ прочь и мѣщанинъ, повелъ киргиза къ остановившемуся съ опущенными головами гурту. Но Парашка навсегда запомнила его пропыленный пиджакъ, лоснящіеся штаны, заправленные въ сапоги съ узкими носами и широкими голенищами, грязный воротъ вышитой рубахи и то, что все лицо его было, точно порохомъ, усѣяно синеватыми точками угрей, что на смуглыхъ скулахъ его вились рѣдкіе жесткіе волосы, такіе же рѣдкіе, жесткіе и смоляные, какъ и надъ углами рта. Онъ взглянулъ на нее, уходя, и поразилъ ее красотой своихъ твердыхъ глазъ. А старикъ, вѣрно, замѣтившій это, сказалъ ей на прощанье странныя слова:

— Ну, вотъ мы и жители... Прощай, спасибо тебѣ, красавица. Попомни, что сказалъ тебѣ страшный старый

босякъ: этотъ воръ-мѣщанинъ можетъ погубить тебя. Ты на такихъ-то не заглядывайся...

А потомъ на парахъ за дорогой, тамъ, гдѣ заночеваль гуртъ, долго пылалъ въ темнѣющей синевѣ вечера желтый жаркій костеръ. Ночь шла — отца все не было. Сидя на порогѣ, Парашка слушала, какъ Володя доить на варкѣ, за сѣнцами, корову, и не спускала глазъ съ костра. „Вечоръ наша перепелушка...“ — вспомнила она слова старика — и, чувствуя сладкую тоску ихъ, видѣла темную-темную ночь и робкую перепелку, трюкающую въ темномъ, неоглядномъ разливѣ хлѣбовъ... Все краснѣй горѣлъ костеръ — и онъ, этотъ черноглазый мѣщанинъ, который могъ погубить ее, былъ тамъ, еще близко... Наконецъ ровный, успокаивающій звукъ отцовской телѣжки донесся до ея слуха. Она вскочила въ темную избу и легла, притворяясь спящей. Отецъ подѣхалъ къ порогу, крикнулъ Володѣ; вошелъ и сталъ что-то вѣшать на стѣну. Зашумѣли сонныя мухи въ рѣшетахъ и ситахъ возлѣ печки.

— Батюшка! — негромко позвала Парашка.

— Аюшки? — отозвался отецъ вполголоса.

— Это какой босякъ бываетъ?

— А разуйся хоть ты такая-то, вотъ тебѣ и будетъ босякъ.

— Да онъ не босой. Онъ въ полсапожкахъ.

— Ну, знать, пропился догола. А гдѣ ты могла видѣть его?

Парашка рассказала о прохожихъ, умолчавъ о послѣднихъ словахъ старика.

— Знать, бальмашевскій гуртъ гонять, — сказалъ онъ, не слушая толкомъ и перевѣсивая наборную узду съ одного колка на другой. — То-то, я гляжу, костеръ горить...

— А отчего у него лошадь въ крови?

— У кого это?

— У приказчика. Вся грудь въ струпахъ.

— А это оттого, что онъ киргиць называется, — сказалъ отецъ. — Эти лошади, дочка, злыя, горячія живутъ.

Вотъ и сѣкутся, сами себѣ кровь бросаютъ... И тавро, небось, есть?

Парашка подумала.

— А какая она?

— А въ родѣ печати... какъ печать выжжена на ляжкѣ, чтобъ видать было, что это не простая лошадь, а изъ тавра, изъ косяка киргизкаго... Ну, спи, спи, коли поужинала, — прибавилъ онъ. — А я въ холодную пойду, тамъ закушу...

И, отворивъ окно, ушелъ въ другую половину. Въ окно было видно лѣтнее ночное небо въ блѣдныхъ звѣздахъ, чуть тянуло свѣжестью, смѣшанной съ запахомъ гари потухавшаго костра... И, волнуясь отъ этого запаха, что-то какъ будто напоминавшаго, слушая отца, горячо, но негромко говорившаго подъ окномъ съ Володей, Парашка заснула въ чувствѣ того жуткаго и манящаго, что есть въ неизвѣстныхъ прохожихъ и проѣзжихъ людяхъ, очарованная смутной думой о томъ, какъ погубить, какъ увезетъ ее куда-то въ даль молодой мѣщанинъ.

II

Съ тѣхъ поръ прошло два года; пошелъ третій. Парашка измѣнилась. Мало-по-малу она заняла свое мѣсто въ хозяйствѣ, стала таскать, надрывая свой дѣвичій животъ, горшки и чугуны изъ печки, доить коровъ, обшивать отца... Но нравъ ея мѣнялся мало. Одно лѣто на нее напала страсть къ селу. Она стала наряжаться, гостить у сестры, бывать съ дѣвками въ хороводахъ, пѣть и плясать съ ними, притворяясь бойкой. Потомъ бросила, опять почувствовала себя чужой селу, дѣвкамъ, Евгениі. Евгениі тоже навѣщала ее, — она ходила солдаткой, дѣтей не имѣла, вдоваго своего свекра не боялась. Но были обѣ онѣ молчаливы, да и слишкомъ разны во всемъ. Миловидную, на видъ спокойную Парашку никто бы и не назвалъ сестрой Евгениі: та была крѣпка, плечиста, глядѣла изъ-подъ сдвинутыхъ бровей, сжавъ губы; странно было видѣть ее ску-

ластое, короткое, рѣшительное лицо рядомъ съ нѣжнымъ оваломъ нерѣшительнаго дѣвичьяго лица.

Близокъ былъ Парашкѣ лишь отецъ. Ея любовь къ нему росла съ каждымъ годомъ. Но не простая, не спокойная была эта любовь.

Она любила отца застѣнчиво, той обостренной любовью, которой часто дочери любятъ вдовыхъ отцовъ. Замѣнять ему мать, хозяйку, заботиться о немъ, таскать для него горшки изъ печки было для нея радостью и гордостью. Но порою эта радость отравлялась болью — вспоминалась одиодворка, хозяйничавшая когда-то въ отцовской избѣ... Въ томъ страшномъ и мало понятномъ, что случилось между отцомъ и матерью, о чемъ еще въ дѣтствѣ несвязнымъ шопотомъ, съ чужихъ словъ, рассказывала Евгения, Парашка была на сторонѣ отца. Но порою находило сомнѣнiе: да такъ ли, правъ-ли онъ былъ? — и тогда казалось, что не было на свѣтѣ человѣка лучше и красивѣе матери. Отца Парашка мало видѣла, а понимала и того меньше, постоянно чувствуя и робость и неловкость въ разговорѣ съ нимъ. Да и у всѣхъ онъ слылъ не легкимъ, не простымъ человѣкомъ. Чистотою и правильностью чертъ, тонкимъ станомъ, бронзовой бородкой и зоркостью зеленыхъ глазъ онъ напоминалъ старикамъ-дворовымъ объѣздчика-черкеса, жившаго когда-то у господъ его. Но и крестьянскаго не мало было въ его осторожныхъ манерахъ, въ неуклюжихъ сапогахъ, въ густыхъ кудряхъ, разобранныхъ на прямой рядъ, въ воротѣ суровой рубахи и сермяжной поддевки. Онъ уменъ и привѣтливъ былъ, даже добръ, но всѣ его побаивались: ужъ очень разсудителенъ. Приходили къ нему изъ селъ, изъ деревень за помощью. Онъ никому не отказывалъ. Онъ внимательно выслушивалъ, кивалъ головою, все приподнимая со лба свои бронзовые завитки. Въ глаза поглядывалъ не строго, но пытливо, подкакивалъ, никогда не перебивая, вполголоса. Лихву назначалъ скромную. Но вѣдь лихвой и жилъ онъ, а такіе люди всегда страшны немного.

Вырастая, Парашка худѣла. Въ лицѣ ея появлялось то неуловимое сходство съ отцомъ, которое такъ нѣжно про-

является у дочерей, любимыхъ отцами и на первый взглядъ какъ будто и не схожихъ съ ними. Многие одинаково за- таивали, сдерживали они въ себѣ, многое одинаково воспри- нимали: какъ, напримѣръ, волноваль ихъ обоихъ видъ цы- ганскаго табора, идущаго осенью по большой дорогѣ на низы, къ югу!

— А я, мальчишкой, разъ было убежъ за цыганами, — сказала однажды Устинь, усмѣхаясь.

— Да что-же? Одумался? — спросила Парашка.

— Одумался. Безъ этого нельзя, дочка, — сказала Устинь уже безъ улыбки. — Сгоряча дѣлать не годится...

— Чего дѣлать не годится?

— Да ничего, — отвѣтилъ онъ не сразу — и погля- дѣлъ въ сторону. — А то кровь въ глаза кидается, бѣду творить...

Она поняла его, оробѣла и смолкла.

Но не только таинственностью отца, его прошлаго, его развѣздовъ и заботъ, о которыхъ онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ, окружена была она. Осенью, зимою она много спала. Лѣтомъ могла не спать хоть три ночи подъ рядъ. Любимымъ мѣстомъ ея былъ порогъ, по ча- самъ стояла она на немъ, чуть склонивъ къ плечу голову. Далеко куда-то, въ счастливую страну, направлялись всѣ тѣ, что порою проѣзжали, проходили мимо. Смѣло и внимательно глядя впередъ, разметава по плечамъ свои чубарые отъ солнца волосы, гдѣ мочальные, а гдѣ темные, въ скуфьѣ, въ подрясникѣ, широко шагаль сто- роной бродяга, отставляя на ходу свой высокій посохъ: она провожала его долгимъ взглядомъ, хоть и боялась бродягъ, боялась, когда они сворачивали къ хутору за по- даяніемъ. Ровной рысцой, часто спотыкаясь и перхая, бѣ- жала посерединѣ дороги захудалая помѣщичья тройка: звукъ дребезжащихъ рессоръ, дорожный видъ запыленнаго та- рантаса пробуждали въ ней тоску, какія-то желанія. Гнали овецъ — она жадно всматривалась въ провожатыхъ, вспо- миная бѣду, подсказанную ей... Морями разливались по полямъ сѣро-мраморныя ржи. Тѣнь ложилась отъ избы. Впе-

реди, за дорогой, блестящей мелкой муравой, густая рожь клонилась въ яркомъ вечернемъ свѣтѣ, лоснилась противъ солнца, уходившаго за избу. Розоватые клубы юго-восточныхъ облаковъ, нѣжныхъ, чуть замѣтныхъ, сливались выше горизонта съ ясной матовой лазурью небосклона... Въ эту сторону, томимая зовомъ степной дали, она смотрѣла чаще всего.

А любовь — это слово она узнала и почувствовала рано и тоже не просто. Еще въ дѣтствѣ поразило оно ее. Однажды, въ жаркій лѣтній полдень, сидѣла на камняхъ возлѣ устинова амбара мѣщанка изъ Баева, пьяница и бобылка. Она шла на ярмарку — продавать свою больную, костлявую лошадь, которая съ повисшими поводями стояла передъ нею. Она разложила возлѣ себя спички, жестянку съ махоркой, курила и улыбалась, глядя на Парашку, возившуюся въ пыли возлѣ нея. „Что-жь, отецъ не прогналъ еще *любовницу-то?*“ — сиплымъ таинственнымъ шопотомъ спросила она. И Парашка навсегда запомнила это особенное слово и наитіемъ угадала его сокровенный смыслъ. Съ тѣхъ поръ всякій разъ, когда случалось ей не во-время забѣжать въ избу и увидѣть на колѣняхъ у отца однодворку, сладкимъ страхомъ и стыдомъ обжигало ее. А потомъ отъ сестры, отъ сельскихъ дѣвокъ стала она заучаться пѣснями. Во всѣхъ пѣсняхъ говорилось о томъ же, объ одномъ — о любви. И она пѣвала ихъ, но мысленно — такъ трогали онѣ ее, особенно одна, старинная: „Уснуль, уснуль мой любезный у дѣвушки на рукѣ, на кисейномъ рукавѣ...“ Всѣ подружки готовились только къ одному — къ замужеству, къ жизни, къ близости съ мужемъ. Рано стало волновать, страшить и ее предчувствіе этой близости. Сестра просто говорила: „Батюшка распутный, онъ опять съ кѣмъ-то живетъ. Сто рублей отдамъ, а дознаюсь!“ А Парашка и сама бы не взяла ста рублей за то, чтобы дознаться о любовницѣ отца, хотя думала о ней дни и ночи. Сестра, когда угнали ея мужа въ солдаты, вскорѣ пришла однажды на хуторъ. „Батюшка дома?“ — глухо крикнула она, подойдя къ замерзшему окну. Потомъ вошла, сѣла на лавку, стала ѣсть хлѣбъ и все говорила, что она на минутку, все поглядывала на входив-

шаго и выходившаго Володю, високаго худого мужика. Онъ, роясь на лавкѣ въ веревкахъ и вожжахъ, картаво бормоталъ: „Сто-жъ не раздѣвнешься?“ А сестра медленно мотала головой, закутанной въ пеньковый платокъ: „Я на минутку...“ Была она въ промерзлыхъ лаптяхъ, въ красной юбкѣ грубой шерсти, въ сермяжной корсеткѣ, туго застегнутой на полной груди, и крѣпко пахло отъ нея, крѣпкой, здоровой бабы, избянымъ дымомъ и ржанымъ хлѣбомъ, который она не спѣша жевала. „Охъ, что-жъ это я сажу-то!“ — говорила она. И вдругъ поднялась и рѣшительно вышла, но не домой, а на варокъ, къ Володѣ. Парашка кинулась къ двери и замерла, прильнувъ къ ней ухомъ. Бѣжали минуты за минутами, все гуще сѣялъ кто-то ночную муть въ избѣ, и ни звука не слышно было за дверью. Но Парашка, казалось, все видѣла, все слышала...

III

Замѣнивъ отцу мать и хозяйку, она стала чувствовать себя взрослой и порою заводила съ нимъ бесѣды.

Разъ зимнимъ вечеромъ онъ перебиралъ возлѣ лампочки, коптившей на столѣ, какія-то истертые бумажки, вынимая ихъ изъ-за пазухи, изъ кармана поддевки. Онъ напряженно соображалъ что-то, шевеля губами, и писалъ огрызкомъ карандаша, ложась грудью на столъ, отодвигая рукавъ и долго ерзая по бумажкѣ передъ тѣмъ какъ вывести цифру. Она, сидя возлѣ печки, пряла: сучила, доила нитку лѣвой рукой, а правую отставляла — ловко пускала до самаго пола волчокъ веретена. Въ пестренькомъ ситцевомъ платьѣ, съ раскрытой головой, съ опущенными рѣсницами, она была хороша: она сама чуяла это по тѣмъ страннымъ и ласковымъ взглядамъ, что порою, отрываясь отъ работы, кидалъ на нее отецъ. Она сидѣла на скамьѣ легко и спокойно, чуть раздвинувъ округлыя колѣни, съ мягкой силой нажимая носкомъ лѣвой ноги на приступку прялки и жужжала колесомъ.

— Батюшка, — сказала она вдругъ: — ты всегда былъ такой красивый?

— А что? — спросил онъ, по своему обыкновенію, вполголоса. — Всегда. А что?

— Чего-жъ тебя мать не любила?

— А кто тебѣ это сказалъ?

— Да ужъ я знаю, — сказала она загадочно.

Онъ помолчалъ, сталъ прятать бумажки за пазуху и застегивать крючки поддевки, мотнулъ головою, откидывая со лба завитки волосъ.

— Ты того, дочка, не слухала бы, — сказалъ онъ негромко.

— Ты, говорятъ, убилъ ее... За что? За любовника?

— И этого не надобно знать тебѣ, — сказалъ онъ еще тише, но просто. — Вотъ вѣдь я ни о чемъ не пытаю тебя.

Она подумала.

— Да меня что-жъ пытатъ? Я вся наружи...

— Толкуй! — сказалъ онъ. — Ты вся въ нее.

Она покраснѣла.

— Анъ въ тебя... Я тебя въ свѣтѣ ни на кого не промѣняю!

— Промѣняешь, дочка...

Она вспомнила мѣщанина, провожавшаго овецъ, лѣтній вечеръ, который казался теперь такимъ далекимъ и прелестнымъ, стараго, желтозубаго, но горячаго киргиза, его сильную грудь въ рубцахъ засохшей крови... А онъ, какъ-бы читая книгу, твердо заговорилъ:

— Рано тебя никому не чаю отдать. Для тебя, дочка, для тебя одной съ утра до вечера бьюсь. Буду ждать, высматривать человѣка хорошаго, красиваго...

— У тебя-жъ есть любовница, — прошептала она.

— Все пустое, все пустое, — отвѣтилъ онъ горячо, но голоса не повышая. — Все тебѣ это постороннее. Съ отцомъ стыдно объ этомъ балакать...

Она заплакала. Онъ подошелъ, обнялъ ея голову, поцѣловалъ въ волосы. Сквозь тонкую кожу его проступилъ румянецъ, зеленые глаза горѣли ярко и нѣжно. Она успѣла взглянуть въ нихъ, когда онъ, обернувшись, пошелъ вонъ изъ избы, и заплакала отъ какой-то непо-

нятной радости и еще болѣе непонятнаго горя. Ахъ, да кто-жъ могъ быть красивѣе и лучше его!

Она худѣла. Но округлялись ея руки, ноги, приподнялись маленькія груди, глянецвитѣе и гуще стали волосы. Купаясь, она стала стыдиться своей наготы... Шестнадцатая весна! Скоро, скоро станетъ она невѣстой, будутъ пріѣзжать сваты къ отцу, узаконится ея право любить и выбирать... хотя, конечно, никогда, ни за кого на свѣтѣ не выйдетъ она. Сестра сдѣлалась откровеннѣе съ нею, — это льстило ея самолюбію. Сестра открывала ей тайны любви, она ждала мужа и говорила, что никакъ не дождется его. Хотѣлось и Парашкѣ поговорить о себѣ, о своихъ думахъ, о своей истомѣ. Хотѣлось намекнуть, что и про Володю она знаетъ... Провожая сестру она долго стояла на порогѣ. Пѣли пѣтухи — она слушала ихъ, закрывая глаза. Дремаль сумеречный мартовскій туманъ надъ сѣрыми снѣгами полей — ей казалось, что уже слышно въ туманѣ волнующее карканье первыхъ грачей. Убѣгала въ туманъ, пропадала въ немъ зимняя навозная дорога — и влекла къ себѣ, тянула въ даль. Капали капли, куры стояли подъ ними, тоже дремали — и вдругъ начинали тревожиться, кудахтать сквозь дрему. Съ веселой, притворной яростью игралъ, взвиваясь на цѣпи подъ амбарами жарко дышавшій пестъ... Рѣзко вздрогнувъ, она вбѣгала въ избу.

Но въ теплой избѣ только Володя дѣлил ея одиночество. Володя, жившій уже пятый годъ, былъ страшень и противень ей — съ того самаго вечера, когда Евгенія вышла къ нему. Но вѣдь она такъ часто оставалась наединѣ съ нимъ... Она знала, что никогда не рѣшится онъ тронуть ее, — отецъ убилъ бы его, — но вѣдь думала же она объ этомъ... И сладость тайныхъ думъ ея даже увеличивалась страхомъ и отвращеніемъ къ Володѣ. Онъ наружно былъ даже недурень, — пожилой, но стройный, легкій, какъ малый въ двадцать лѣтъ. Иногда она пыталась разговориться съ нимъ о чемъ-нибудь, не касающемся хозяйства, о селѣ, о дѣвкахъ, о ребятахъ, Онъ задумывался. Онъ бросалъ веревку, которую вилъ,

сидя на коникѣ, вертѣлъ цыгарку. Сѣрое худое лицо его склонялось, прядь сѣрыхъ волосъ падала на узкій лобъ — онъ былъ красивъ. Но вотъ онъ открывалъ ротъ — и сразу превращался въ дурака. О чемъ бы она не заводила рѣчь, онъ сводилъ на то, кто у кого живетъ въ работахъ и, главное, сколько жалованья беретъ.

— Хоросую, хоросую залованью получаетъ, — бормоталъ онъ, и отъ бормотанья усы его дѣлались слюнявыми.

А когда дулъ южный весенній вѣтеръ, съѣдая таявшіе снѣга, и она дѣлалась тревожнѣе, онъ видѣлъ и чувствовалъ это. Онъ входилъ въ избу, какъ будто по дѣлу, вѣшалъ или снималъ обротъ съ деревяннаго гвоздя въ стѣнѣ, нарочно мѣшкалъ, начиналъ шутками: „Гдѣ-й-то тутъ обротъ покрѣпче, пора тебя обротать, къ бычку вестъ...“ Она странно и звонко смѣялась. Онъ проходилъ мимо, внимательно поглядывая на нее. Она встрѣчала его глаза широко раскрытыми, ждущими глазами. Казалось — еще минута, и она будетъ въ полной его власти. Но, какъ только онъ протягивалъ руки, брови ея рѣзко вздрагивали, лицо искажалось и вспыхивало. Она вскакивала и съ той внезапной грубостью, которой такъ часто ошеломляютъ мужчинъ дѣвушки, звонко вскрикивала, хватаясь за что попало:

— Тронь только, всю морду расшибу! Батюшкѣ скажу, только на порогъ ступить! Духу твоего тутъ не останется, побирушка, чортъ!

IV

Пришла весна. Сѣрый снѣгъ съѣдали вѣтры и туманы, пѣгами стали мокрыя поля. Кончилась Страстная недѣля, наступила Великая Суббота. Въ пасмурный вечеръ Парашка поѣхала съ отцомъ въ село, къ церкви, уже на телѣгѣ. Неприютно гудѣли голые лозники на окраинахъ села, изъ-за нихъ, въ невѣрномъ вечернемъ сумракѣ, глядѣли синевѣлесыя тучи, грозя дождемъ и снѣгомъ, дѣлая горизонты зловѣщими. Но въ ледяномъ вѣтрѣ, что дулъ изъ-подъ

тучь, была весна, свѣжесть. Лицо Парашки горѣло и отъ вѣтра, и отъ румянъ, и отъ волненья, — отъ того, что она искупалась, надѣла все чистое, нарядилась и сѣла въ новую телѣгу рядомъ съ красивымъ, богатымъ отцомъ который правилъ дорогой сытой лошадыю.

На широкой улицѣ было грязно, лежалъ горбами ледъ. Вечеръ въ селѣ, на улицѣ, вдоль которой уже горѣли огни по избамъ, уютнымъ, но бѣднымъ и чуждымъ, казался еще нелюдимѣе. Но и въ этихъ раннихъ огняхъ, и въ хлопьяхъ снѣга, которые внезапно погналъ вѣтеръ вдоль улицы, странно убѣляя ея грязь, ея темныя крыши, — во всемъ былъ весенній праздникъ. Жмурясь отъ снѣга, Парашка и Устинъ отвернулись, нагнули головы. Изрѣдка Парашка взглядывала исподлобья — и сердце ея заходило отъ непонятной радости при видѣ милаго отцовскаго лица, его тонкой кожи, помолодѣвшей отъ вѣтра, блестящей бороды въ крупныхъ снѣжинкахъ и мокрыхъ рѣсницъ... И вдругъ кто-то громко крикнулъ надъ ними:

— Ай ослѣпъ? Держи правѣ!

И, раскрывъ глаза, Парашка увидѣла высокую лошадь и телѣгу съ передкомъ, а въ телѣгѣ — поднявшаго воротъ чуйки и тоже отвернувшася отъ вѣтра и снѣга мѣщанина. Онъ взглянулъ на нее — и она мгновенно признала его.

— Чего кричишь? — отвѣтилъ Устинъ веселымъ крикомъ. — Завтра праздникъ большой!

— Виновать, Устинъ Прокофичъ, — отозвался мѣщанинъ. — Ничего не видать...

И телѣги разѣхались.

Долго помолчавъ, Парашка спокойно спросила:

— А ты его знаешь?

— А кто жъ его, плута, не знаетъ! — отвѣтилъ Устинъ. — Онъ у Бальмашева на хуторѣ жилъ, теперь свое дѣло затѣваетъ, кружится, какъ воръ, хочетъ въ селѣ лавку открывать...

Парашка оправила платье, запахла лицо шалью, держала дыханіе... Сердце ея колотилось, лицо стало серьезно. Эту неожиданную встрѣчу она приняла, какъ долж-

ное, даже не удивилась ей: удивилась только легкости, съ которой неожиданно переломилась ея судьба.

А на Святой мѣщанинъ пріѣхалъ въ гости къ Устину. За три года онъ ничуть не измѣнился, только безпокойнѣе стали его горячіе глаза. И одежда на немъ была все та же, только чистъ былъ воротъ рубашки. Она узнала, что зовутъ его Никаноромъ, изъ его разговоровъ съ отцомъ поняла, что онъ еще гадаеть: не уѣхать-ли „на низы“, въ Ростовъ, гдѣ кто-то нанимаетъ его. Онъ пилъ съ Устиномъ чай и водку. Она не вникала въ то, что онъ говорить, слышала только звукъ его четкаго голоса. Не поднимая глазъ, она, набѣленная, нарумяненная, сидѣла въ углу и грызла подсолнухи, какъ-бы не замѣчая гостя. Не замѣчалъ, или дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, и онъ ее. Прощаясь, онъ протянулъ ей руку. Она не привыкла касаться чужихъ рукъ, подала ему свою неловко — и поблѣднѣла: и польстило ей это рукопожатіе, и обожгло стыдомъ, точно это было начало тайнаго сближенія ихъ.

Послѣ этого онъ долго не показывался. Она по цѣлымъ днямъ стояла на порогѣ и нетерпѣливо, съ настойчивостью и требовательностью подростка, ждала его. Ей казалось, что онъ обязанъ, долженъ теперь пріѣзжать и продолжать то, что началъ, хотя и понимала, что онъ ничего не начиналъ. „Какъ только онъ пріѣдетъ, — думала она, — повернусь и уйду, покажу, что не нуждаюсь имъ...“ Но прошелъ почти мѣсяць, завернули майскіе холода съ дождями — его все не было. Наканунѣ Николаы она почему-то особенно ждала его, такъ томилась желаніемъ видѣть его, что, казалось, не можетъ не исполниться ея желаніе. Спать она легла рано и плакала такъ зло и горько, что смоклась вся подушка, но такъ беззвучно, что отецъ, спавшій въ двухъ шагахъ отъ нея, и не подозрѣвалъ о ея слезахъ. Онъ только слышалъ, что она перевертывалась, и порою спрашивалъ страннымъ и тревожнымъ голосомъ, что это она не спитъ.

Утромъ отецъ уѣхалъ куда-то. Она увидѣла стекла, залитыя дождемъ, и почувствовала, что уже ничего не ждетъ, ничего не хочетъ, что просто ей пріятно вставать, прибли-

рать избу, топить печь, заниматься обыденными дѣлами. Къ вечеру она нарядилась, воткнула два сухихъ василька въ косу, обвитую вокругъ головы, и вздумала поставить самоваръ.

Дождь пересталъ. Все было мокро — и зеленая дорога и зеленые хлѣба, за которыми влажно-синими стѣнами стояли тучи, на все бросая тѣнь свою. Самоваръ кипѣлъ, краснѣлъ рѣшеткой въ темныхъ сѣнцахъ. Она вышла изъ избы съ закопченнымъ чайникомъ въ рукѣ, напѣвая: „страшно итить къ суду Божьему, золотой вѣнецъ примать...“, и стала ждать, пока самоваръ раскипитъ еще больше. Со двора перешагнулъ порогъ Володя, свѣжо пахнущій дождемъ и затхло-мокрымъ армякомъ. Но только что хотѣлъ онъ подойти къ ней, почуявъ, что сейчасъ она податлива, какъ возлѣ рамы двери показалась голова чей-то высокой лошади. Володя твердо прошелъ дальше, отворилъ дверку на варокъ и скрылся, а она замерла, не поднимая глазъ.

— Здорово! — смѣло сказалъ мѣщанинъ, появляясь на порогъ. — Ловко попалъ, прямо подъ чай..

И, засмѣявшись, снялъ и отряхнулъ картузь. Черная поддевка его лоснилась отъ дождя. Смуглое лицо, точно посыпанное порохомъ, было мокро.

Она не отвѣтила и вспыхнула: онъ говорилъ теперъ совсѣмъ не тѣмъ тономъ, что при отцѣ. Помолчалъ и онъ, — слышно было, какъ спросонья заворковали въ темномъ углу подъ крышей голуби, — потомъ подошелъ къ ней и, глядя на самоваръ, спросилъ:

— Отца нѣту?

— Нѣту, — отвѣтила она тихо, склоняя голову, на которой синѣли два цвѣточныхъ вѣнчика.

— Жалко, — сказалъ онъ и похлопалъ кнутомъ по голенищамъ. — Такъ ты одна и спасаешься?

— Такъ и спасаюсь, — отвѣтила она, слабо улыбувшись.

— Ну, да ничего, въ другой разъ заѣду, — сказалъ онъ. — Благо придирка ѣсть... Я прямо самъ не свой, какъ соскучился по тебѣ, — добавилъ онъ.

Она промолчала.

— Не вѣришь? — сказалъ онъ, осторожно обнимая ее. — А я правду говорю. Я въ тебя влюбился еще въ тотъ разъ, когда гуртъ гналъ. А увидалъ тебя въ селѣ, ослѣпъ отъ радости, чуть въ буераки не заѣхалъ. Я прямо почувствовалъ: быть роману промежду насъ, а не то мнѣ прямо пропадать!

— Я эти побаски слыхала, — съ трудомъ отвѣтила она. — Пусти, — безстрастно сказала она, локтемъ отводя его руку.

Но онъ не пустилъ, онъ зналъ, что еще не слыхала она этихъ побасокъ. Онъ крѣпче обнялъ ее и заговорилъ уже съ искренней горячностью:

— Дай Богъ мнѣ безъ покаянья помереть, если брешу! Не видать мнѣ отца-матери...

Она молчала. Ей казалось, что она вотъ-вотъ упадетъ. Онъ воровски оглянулся, нагнувъ голову, нашель ея губы и откинулъ ея лицо назадъ. И у него и у нея перехватило дыханіе отъ этого насильственнаго и долгаго поцѣлуя. Потомъ онъ съ притворнымъ отчаяніемъ махнулъ рукой и пошелъ къ порогу.

— Ну, теперь шабашъ мнѣ! — сказалъ онъ садясь въ телѣгу. — Потерялъ я свой покой навѣки...

И шибко погналъ высокую лошадь по ярко-зеленой травѣ, на тучу, тѣнь которой уже мѣшалась съ сумерками.

Скоро онъ скрылся за переваломъ, и стало такъ тихо, что какъ будто въ двухъ шагахъ раздавался бой перепеловъ, перекликавшихся въ самыхъ дальнихъ хлѣбахъ, за чуть синѣвшимъ лѣскомъ.

V

Онъ заѣзжалъ еще два раза, но все не во-время: Устинъ былъ дома. И она притворялась, что не замѣчаетъ его, пока онъ дѣловито болталъ съ Устиномъ. Отъ напраснаго желанія увидѣть его хоть на минуту глазъ на глазъ она ходила какъ пьяная.

Вернулся солдатъ, мужъ Евгениі. Съ женой, съ от-

цомъ и съ мачехой онъ пріѣхалъ Петровками въ гости къ Устину на толстой, низкой соловой лошади, въ новой телѣгѣ, крытой новымъ войлокомъ и по колесамъ облитой свѣжимъ коричневымъ дегтемъ. Отецъ солдата, коротконогій мужикъ въ черной бородѣ съ сѣдиной возлѣ рта, странно-веселый человѣкъ, не стыдѣя женатаго сына, женился въ третій разъ на хромоѣ бабѣ съ дерзкими глазами и острыми дѣвичьими грудями. И всѣмъ было неловко за него, да и самъ онъ былъ веселъ и разговорчивъ, вѣроятно, отъ неловкости. Отъ неловкости неумѣренно пили за обѣдомъ. Ъли тоже неумѣренно, угощая другъ друга съ излишней настойчивостью, говорили безъ толку, чаще всего загадками, намеками и пословицами. Парашка весь обѣдъ боялась, что вотъ-вотъ разразится ссора. Всѣ быстро захмѣлѣли, кромѣ Евгени, которая только блѣднѣла отъ водки и грубо, властно вырывала стаканъ у своего пьянаго солдата, притворявшагося злобнымъ и серьезнымъ. Съ губъ Устина не сходила ядовитая усмѣшка, когда онъ въ полголоса, но твердо, перебивая все объяснявшагося ему въ любви солдатава отца, говорилъ ему пословицы и загадки, намекая на безстыдство троеженцевъ. Хромая была дерзка и криклива, она тоже такъ и сыпала пословицами, обрѣзая Устина. Володя пытался перевести беспорядочный и тревожный разговоръ на свое любимое, на бесѣду о работникахъ и жалованьи. Его никто не слушалъ. Онъ неприятно раскраснѣлся, сталъ со слезами кричать пѣсни. Устинъ молча взялъ его за плечи, подвелъ къ двери и вытолкнулъ вонъ. Онъ ушелъ на варокъ и, свалившись въ сани, заснулъ мертвымъ сномъ. У Парашки, измученной ожиданіемъ ссоры, какъ отъ угара замирало сердце.

Послѣ обѣда пили чай и водку передъ избою, въ тѣни, на зеленой травѣ. Потерявъ во хмѣлю всякій стыдъ, отецъ солдата, шатаясь, принесъ изъ своей телѣги гармонію, сталъ совать ее въ руки солдату, требуя, чтобы онъ игралъ плясовую. Солдатъ, съ помутившимися глазами, въ разстегнутомъ мундирѣ, сидѣлъ на скамѣ возлѣ стола и раскачивался, каждую минуту готовый упасть. Онъ долго не понималъ, чего требуетъ отецъ. Наконецъ понялъ и

бѣшено, отрывисто задергалъ „кабы курочка бычка родила“... Троеженецъ подсунулъ руки подъ черный армякъ за спину, присѣлъ, раскорячился, забилъ сапогами въ землю. Ударивъ въ ладоши, сдѣлала передъ нимъ выходку хромяя, затрясла своими козьими грудями. Лицо Евгениі окаменѣло отъ сонной злобы. Устинъ облокотился на столъ, запустивъ тонкіе пальцы въ свои бронзовые завитки, стиснувъ зубы. Въ углахъ его губъ такъ и застыла ядовитая усмѣшка. Сумрачнымъ весельемъ играли глаза.

— Дочка! Поди сюда! — крикнулъ онъ строго, не въ ладъ со словами сдвигая брови. — Поди поцѣлуй меня!

— Ты пьяный, — отвѣтила Парашка. — Глаза бѣ мои на тебя не глядѣли!

Губы ея задрожали. Она повернулась и ушла за избу. За избой слѣпило низко опустившееся солнце. Блеснувъ крыльями, съ дубковъ слетѣли, пали въ рожь, въ неглубокіе лужи, заросшіе цвѣтами, двѣ горлинки... Какъ тихо было тутъ послѣ гама пьяныхъ! Просторъ хлѣбныхъ полей былъ къ закату неоглядный, золотой, счастливый... Парашка сѣла на межу и дала полную волю слезамъ.

Наплакавшись, она рѣшила вернуться къ избѣ и, съ помощью сестры, прекратить это безобразіе — растащить пьяныхъ, убрать водку, самоваръ. Была уже ночь — свѣтлая, странная. Высоко на небѣ громоздились огромныя матовыя облака — небо казалось больше и величественнѣе, больше и зеркальнѣе казалась и высокая луна, сіявшая среди нихъ. По широкой дорогѣ, по хлѣбамъ пятнами проходили тѣни. Грядка телѣги, стоявшей передъ избой, и солома въ ней серебрились. Въ телѣгѣ лежалъ отецъ солдата — боролся и ссорился съ пьяной женой. У стола валялась опрокинутая скамейка. Самоваръ блестѣлъ мѣднымъ бокомъ, тускло блестѣла лужа на столѣ: кто-то выдернулъ кранъ изъ самовара. Подъ навѣсомъ амбара, какъ будто радуясь то сіявшей, то таявшей лунѣ, игралъ, взвивался и давился на цѣпи жарко дышавшій песъ. Парашка заглянула въ избу. Солдатъ сидѣлъ за столомъ, близко придвинувъ къ себѣ лампочку, облокотясь на обѣ руки и положивъ въ нихъ ошалѣвшую голову. Онъ что-то бор-

моталь. Мухи сонно и угрюмо шумѣли въ рѣшетахъ и ситахъ, развѣшанныхъ на стѣнѣ возлѣ печи. А солдатъ что-то кому-то рассказывалъ, хвастался, что онъ, въ силу своего значенія, „присвоить“ къ какому-то барину какого-то Якова Ивановича...

Но гдѣ отецъ, Евгенія? Парашка повернулась, вышла въ сѣнцы, на порогъ. Высокая теплая луна ярко сіяла среди матовыхъ облачныхъ громадъ. Противъ порога стоялъ, держа въ одной рукѣ поводъ, въ другой кнутъ, мѣщанинъ, сзади него — его высокая лошадь подъ сѣдломъ. Лицо его отъ луннаго свѣта мѣняло выраженіе.

— Отецъ твой совсѣмъ готовъ, на девятомъ обручѣ, — съ усмѣшкой сказалъ онъ онѣмѣвшей отъ страха Парашкѣ. — Сейчасъ встрѣтилъ во ржахъ: пьянъ хоть выжми, буровить — „въ село иду“, а Евгенія его назадъ тащить...

Парашка молчала. Онъ бросилъ поводъ, взялъ ее ледяную руку въ свою, горячую и крѣпкую, втянулъ ее въ темныя сѣнцы. Она вошла, упираясь. Онъ прижалъ ее, тупо глядѣвшую черезъ его плечо на дымно-зеленую полосу луннаго свѣта, падавшую сквозь дыру крыши въ темноту, притиснулъ къ холодной каменной стѣнѣ и сталъ цѣловать ея лицо, приговаривая:

— Погоди, за ради Бога погоди... „Этихъ нѣту ужъ дѣнь, что летѣли стрѣлой, что любовью насъ жгли, что палили огнемъ“... Я памяти по тебѣ лишился! Увезу тебя въ Ростовъ, повѣнчаюсь тамъ съ тобой, вдаримся мы въ степи, на Кавказѣ, — на однихъ лошадяхъ тысячи наживемъ... Лучше всякой модистки будешь наряжена!

Она вспомнила его такимъ, какимъ увидала впервые, — среди овецъ и собакъ, на старомъ, тавреномъ киргизѣ, — обняла его за шею одной рукой, вся задрожала отъ счастья и нѣжности, спрятала лицо на его груди. Потомъ рѣшительно, порывисто обняла его обѣими руками...

VI

Придя въ себя, она долго сидѣла въ этомъ темномъ углу на соломѣ. Мѣщанинъ пытался цѣловать ея, что-то торопливо говорилъ. Она оттолкнула его, замотала голо-

вой, показывая, что не слушаетъ. Онъ воровски выглянулъ изъ сѣнецъ, быстро сказалъ, что прїѣдетъ завтра ночью, что она должна выйти къ нему подъ дубки за избой, что у него есть большое дѣло къ ней... „Приду, приду“, — отвѣтила она. „Смотри же, не обмани“, — сказалъ онъ неестественно, понявъ, что она не придетъ. Слышно было, какъ звякнулъ онъ стременемъ, поднимаясь въ сѣдло, какъ затопталась на мѣстѣ и тронула лошадь... Она то глядѣла на полосу луннаго свѣта, то опускала глаза.

Когда мѣщанинъ, обернувшись, сказалъ ей: „смотри же, не обмани“, — она вдругъ увидала въ окошечкѣ, пробитомъ въ дверкѣ на варокъ, шапку и лицо Володи. Это было такъ страшно, какъ если бы сама смерть заглянула въ сѣнцы. „Да теперь все равно!“ — подумала она. Сердце ея билось такъ сильно, что трудно было дышать. Высоко поднимая и опуская грудь, она прижимала къ нему руки. Но все это не мѣшало ясности мысли. А мысль была проста: она пропала! и такъ страшно, неожиданно, какъ бываетъ это во снѣ!

Нѣсколько дней послѣ праздника Устинъ хмурился: стыдно, дюже напился. А она изнемогала отъ слабости, разбитости во всемъ тѣлѣ и желанія лежать съ утра до вечера. Но нужно было ходить, быть бодрой и покойной, даже шутить за обѣдомъ съ отцомъ и съ Володей. Думала же она съ утра до вечера все одно и то же.

Устинъ уѣзжалъ и прїѣзжалъ. Казалось, что посиди онъ дома, никуда не спѣши, не волнуй ее своими отвѣздами и прїѣздами, она бы пришла въ себя и выдумала бы какой-нибудь исходъ, какое-нибудь подобіе спасенія. Было страшно, что онъ, посидѣвъ дома и приглядѣвшись къ ней, все пойметъ; но и хотѣлось, остро хотѣлось порою, чтобы онъ понялъ: тогда бы само собой какъ-нибудь развязалось все это. Казалось, что будь дождливо, сумрачно, было бы легче. Но настали дни свѣтлые, знойные и безконечно-долгіе; близилась рабочая пора, стали поспѣвать, желтѣть моря отяжелѣвшихъ и подсохшихъ хлѣбовъ, — и некуда было скрыться отъ свѣта и зноя. Послѣ того нечаяннаго праздника, что нарушилъ будни на хуторѣ, хуторъ

сталь какъ будто еще молчаливѣе, и напряженная тишина стояла вокругъ него въ желтыхъ и свѣтлыхъ поляхъ.

Она по цѣлылъ днямъ сидѣла на лавкѣ возлѣ стола въ жаркой и пустой избѣ, глядя на несмѣтныхъ мухъ и мельчайшихъ новыхъ мушекъ на горячихъ мутныхъ стеклахъ. Володя ничего не дѣлалъ, но, какъ всегда, имѣлъ озабоченный видъ, отыскивалъ какія-то пустяковыя занятія и рѣдко входилъ въ избу. А входя, былъ простъ, какъ будто ничего не случилось, только прекратилъ любовныя попытки. Что это значило? Вѣрно, онъ ждалъ какой-то удобной минуты и надѣялся, что теперь уже не дастъ промаху. И Парашка горько усмѣхалась: вотъ дуракъ! Взялъ бы лучше да рассказалъ отцу все, что видѣлъ!

Однажды въ полдень, когда въ мягкомъ свѣтоносномъ блескѣ млѣли въ высокомъ млѣющемъ небѣ, надъ хлѣбами и нагрѣтой пыльной дорогой, чуть видныя сіяющія облака, возлѣ амбара остановилась пара лошадей. Въ телѣжкѣ сидѣла полная барыня, которая, какъ знала Парашка, много была должна Устину. Видъ у нея былъ усталый, озабоченный, на сѣромъ лицѣ и на крыльяхъ носа — пыль. Она, задумчиво говоря все одно и то же, выражая сожалѣніе, что не застала Устину, томительно-долго не уѣзжала. Кучеръ исподлобья глядѣлъ на пристяжную, которая зубомъ чесала свою отставленную ногу, барыня — не то въ землю, не то себѣ въ переносицу. Потомъ, прищурившись, стала разсматривать похудѣвшее лицо Парашки, ея позеленѣвшіе прозрачные глаза.

— Ты здорова? — спросила она вдругъ.

Парашка просто и твердо отвѣтила, что здорова, но, когда барыня уѣхала, съ часъ смотрѣла въ зеркало, сидя на лавкѣ у окна, поражалась своимъ сходствомъ съ отцомъ и замирала отъ страха. Она очень измѣнилась, это ребенокъ могъ замѣтить — какъ же не замѣчалъ отецъ? Но вотъ-вотъ и онъ замѣтитъ: сразу пойметъ все, что случилось — и что тогда?

Думая, она охватила всю свою недолгую жизнь. Оказалось, что она даже и не подозрѣвала прежде, въ какомъ навожденіи жила она, какъ много думала все объ одномъ.

и томъ же, сколько смутныхъ плѣнительныхъ картинъ какихъ-то дальнихъ счастливыхъ городовъ, степей и дорогъ дали ей думы, какъ нѣжно любила она кого-то... Сдѣлавъ свое страшное дѣло, Никаноръ убилъ и ее и себя. Онъ, этотъ коротконогій воръ, вдругъ сталъ живымъ, настоящимъ—и ненавистнымъ ей. Не могла любить и никогда не любила она его. Теперь безъ стыда, отвращенія и отчаянія нельзя было вспомнить объ этомъ человѣкѣ. Сбылось предсказаніе страшнаго босяка! Она чувствовала себя какъ бы зараженной какой-то постыдной неизлѣчимой болѣзью и навѣки отдѣленной отъ отца бездоннымъ проваломъ.

Но, думая, тихо плача, снимая съ головы платокъ и разглаживая его, она незамѣтно для самой себя давала волю сердцу — и мысли ея туманились. Она вспоминала, какъ любила, ждала кого-то — и любовь эта возвращалась, и она не могла найти себѣ мѣста отъ тоски по прошлому, отъ жалости къ себѣ, отъ нѣжности къ тому, кого она, казалось, такъ долго любила. Она думала объ отцѣ, которому говорила когда-то: „я вся наружи передъ тобою“ и готова была закричать, вскочить въ холодную половину, гдѣ онъ жилъ, ночевалъ, отдыхалъ послѣ обѣда, и кинуться ему подъ ноги, чтобы онъ истопталъ, убилъ ее сапогами, лишь бы утолилась ея мука о невозвратномъ, прежнемъ времени. „Для тебя, дочка, для тебя одной“ — вспоминала она нѣжныя слова его и плакала, изнемогая отъ сладострастія горя и слезъ.

Но разъ вечеромъ Устинъ съ Володей поѣхали въ село, повезли отбивать косы. Вечеръ былъ ясный, покойный, равнины спѣлыхъ ржей за блестящей въ вечернемъ свѣтѣ муравой по большой дорогѣ розово желтѣли, черныя стрѣльчатые касатки, мелькая розовыми грудками, проносились мимо открытаго окна, у котораго сидѣла Парашка. Вдругъ на опушкѣ хлѣбовъ, во ржи за дорогой, выросла короткая фигура Никанора: онъ, видно, давно сидѣлъ въ хлѣбахъ, прятался и вдругъ всталъ, выпрямился. Она въ ужасѣ отшатнулась отъ окна. А онъ быстро пересѣкъ сухія колеи и вошелъ въ избу.

— Здравствуй, — сказалъ онъ негромко, останавливаясь у порога. — Никого нѣту?

— Никого, — отвѣтила Парашка, чуть шевельнувъ поблѣднѣвшими губами.

— Дѣло есть. Пойдемъ за избу, подъ дубки.

Онъ говорилъ, какъ мужъ, какъ близкій, какъ власть имѣющій, какъ человѣкъ, съ которымъ у нея уже есть нерушимая связь и тайна. Она поняла и то, что не за однимъ дѣломъ зоветъ онъ ее. И вдругъ сладко и жутко захолонуло сердце отъ властной простоты его приказанія, отъ предчувствія, что сейчасъ опять будетъ то, что показалось ей въ первый разъ такимъ ужаснымъ. Сладкое головокруженіе вызвало даже сознаніе преступности, какой-то противоестественности того, что сейчасъ будетъ, и той покорности, съ которой она, какъ настоящая любовница, должна встать и итти за нимъ. И она молча встала и пошла...

Потомъ онъ твердо, кратко, оглядываясь, сказалъ ей, зачѣмъ пришелъ: она должна помочь ему свести съ отцовскаго двора двухъ кобылъ и бѣжать съ нимъ въ Ростовъ. Она не удивилась и спокойно отвѣтила, не поднимая глазъ:

— Хорошо.

Солнце опускалось за усатыми колосьями, среди которыхъ они сидѣли на межѣ, и осыпало остинки колосьевъ золотистой пылью. Отъ большой дороги, съ юго-востока чуть тянуло мягкимъ вѣтромъ близкаго іюля, рабочей поры, когда такъ ровна и матова сухая синева неба, и мягко жужжали сухія, жесткія подкрылія опускающихся на колосья и качающихся на нихъ рыжихъ хлѣбныхъ жучковъ.

Никаноръ говорилъ такъ: ровно черезъ недѣлю Устинъ уѣдетъ въ ночь на Тихвинскую ярмарку, возьметъ и Володю съ собой, а вернется только позднимъ вечеромъ; все это онъ, Никаноръ, доподлинно знаетъ, такъ какъ обѣщалъ Устину тоже быть на ярмаркѣ и помочь ему продать жеребца. Значитъ, въ обѣды, когда ни души не будетъ въ поляхъ, можно спокойно вывести кобылъ со двора, привязать ихъ къ телѣгѣ и гнать что есть духу по про-

селкамъ, особенно глухимъ предъ рабочей порой, въ сторону Лебедяни. Ночуютъ они въ такихъ артебахъ, въ такихъ заповѣдныхъ логахъ среди хлѣбовъ, куда ни одинъ чортъ не заглянетъ. Чѣмъ свѣтъ — дальше. А въ Лебедяни есть вѣрный, золотой человекъ: ему-то они и сбудутъ кобыль за три, за четыре сотни, и составитъ тогда у нихъ больше пятисотъ рублей, на которые они и до Ростова добьются, и дѣло начнутъ, давно уже обдуманное.

— А какое? — спросила Парашка.

— Ну, ты по этой части еще тупорыла, — сказалъ Никаноръ съ усмѣшкой.

— Лучше бы ночью, — сказала она серьезно.

— Да что ты! — насмѣшливо сказалъ Никаноръ, дѣлая папиросу изъ газетной бумаги.

И вздохнулъ:

— Никакъ, дѣвка, не выходитъ. Ужъ слушай мое готовое.

— А скорѣй нельзя? — спросила Парашка, разглядывая свои маленькія босыя ноги.

— Скоро дѣлаютъ, слѣпыхъ рожаютъ.

Она помолчала, и въ сердцѣ у нея опять задрожала злоба противъ него. Ждать цѣлую недѣлю! Какъ онъ не чувствуетъ ея муки! Ахъ, да не лучше ли взять да повѣситься вотъ на этомъ дубкѣ? — подумала она безъ словъ и стала крѣпко кусать губы, удерживать дрожь мускуловъ на лицѣ, но не выдержала и заплакала.

— О чемъ ты? — спросилъ удивленный Никаноръ.

Она не отвѣтила и заплакала пуше.

— Тебѣ говорю, ай нѣтъ? — грубо крикнулъ Никаноръ.

— Отстань! — крикнула она въ отвѣтъ съ такой ненавистью и бѣшенствомъ, что Никаноръ даже отодвинулся отъ нея.

— Ну, будя, будя, — сказалъ онъ смущенно. — Давай лучше объ дѣлу-то поговоримъ...

И она стихла, отупѣла.

Цѣлую недѣлю, до самой Тихвинской, Устинь, какъ нарочно, сидѣлъ дома. Приходила Евгенія — жаловаться на своего солдата, оказавшагося послѣ службы совсѣмъ дуракомъ и пьяницей, и на свою хромую свекровь, злую и распутную, помыкавшую свекромъ. Но Парашка не смутилась даже Евгеніи. Она уже ничего не думала, ничего не чувствовала — тупость, какая-то обреченность, овладѣвшая ею, давала ей безстыдное спокойствіе. Спала она эту недѣлю очень много — и днемъ и ночью. Просыпаясь, вскакивала, пораженная мыслью о томъ, что вотъ-вотъ предстоитъ ей.

Наконецъ пришла послѣдняя ночь.

Эта ночь была точь въ точь такая же, какъ та, когда пылалъ костеръ за большой дорогой. Такъ же, какъ тогда, лежала она въ темной избѣ, видѣла въ окно ночное небо въ блѣдныхъ звѣздахъ... И такъ же, какъ тогда, что-то горячо говорилъ подъ окномъ отецъ... Вдругъ дверь избы безшумно распахнулась.

— Дочка! Спишь? — негромко спросилъ онъ, оставливаясь у порога.

— Нѣтъ... — съ трудомъ пробормотала она.

Но онъ не замѣтилъ страннаго звука ея голоса — и двинулся къ нарамъ, на которыхъ она лежала. Найдя ее въ темнотѣ, онъ сѣлъ возлѣ нея и положилъ на ея полуобнаженное плечо руку. Рука его дрожала.

— Дочка, что съ тобою? — тихо и таинственно сказалъ онъ, наклоняясь къ ея лицу, — и она почувствовала его бороду, тепло его пріятнаго дыханія и пріятный, хлѣбный запахъ водки. — Ты не таишь, — еще тише сказалъ онъ, обнимая ее и царапая плечо сермягой поддевки. — Дѣло твое молодое, горячее...

Сердце ея затрепетало. „Батюшка! — со слезами хотѣла крикнуть она — и однимъ крикомъ этимъ выразить всю свою муку и беспомощность. — Батюшка, — хотѣла она сказать, — онъ погубилъ, опоганилъ меня, я не его, я не знаю, кого люблю, а тебя въ свѣтѣ ни на кого не

промѣняю...“ Но онъ еще ближе прижался къ ней и вдругъ зашепталъ совѣмъ на иной ладъ, заискивающе, слащаво, путаясь:

— А гостинчика, обновочки хочется? Я въ городъ, на ярманку ѣду сейчасъ — что тебѣ купить? А? Говори-ка скорѣй, не бойся...

И дрожащей рукой скользнулъ по ея спинѣ. И, пораженная, она такъ рванулась изъ-подъ него, что онъ чуть не упалъ съ лавки. Вскочивъ на ноги, она забилась въ уголъ, протянула впередъ руки, а онъ отступилъ и забормоталъ:

— Что ты? Что ты? Да ты что подумала-то?

— Уйди, — едва слышно выговорила она, чувствуя свои оледянявшія губы. И въ радостномъ изумленіи, въ свѣтломъ восторгѣ изступленія, отчаянія, подумала:

„А-а! Такъ вотъ оно что!“

Онъ постоялъ и вышелъ. Она слышала его неестественно-звонкій голосъ на дворѣ, слышала скрипъ телѣги, окрики на привязаннаго къ ней и шарахавшагося жеребца, слышала, какъ они съ Володей сѣли и тронулись... Съ кошачьей зоркостью глядя въ темноту избы, ставшую какъ будто прозрачной, и на блѣдныя звѣзды небосклона, виднаго въ открытое окно, она долго стояла на нарахъ въ глубокой тишинѣ степной ночи, обступившей ее со всѣхъ сторонъ. Потомъ осторожно легла и сразу заснула...

А день насталъ глухой, палящій, ослѣпительный, хотя блестящіе горизонты были отъ зноя мутны и бѣлесы. Она очнулась чуть не передъ обѣдами. Солнце било въ тускля, засиженныя мухами окна, наполняло избу жаромъ и свѣтомъ. Заспанная, не умываясь, съ тупой и тяжелой головой, она босикомъ выскочила на порогъ, подъ солнце, стоявшее уже очень высоко, и сухой жаръ такъ и облилъ ее всю. Море спѣлыхъ хлѣбовъ какъ будто сдвинулось, тѣсище обступило и дворъ и дорогу, тускло блестящую глубокой пылью. И этотъ песочный цвѣтъ хлѣбовъ, низко склонившихъ тяжелыя колосья и застывшихъ въ тишинѣ, въ густомъ горячемъ воздухѣ, давалъ впечатлѣніе отчаянной духоты.

Она растеряно оглянулась и попыталась вспомнить: что это она должна сдѣлать сейчасъ? Вчера ночью, послѣ ухода отца, показалось, что все сразу стало яснымъ, понятнымъ и рѣшеннымъ. А теперь она никакъ не могла вспомнить, что именно и какъ было рѣшено. То, что за нею сейчасъ прѣдутъ, и что надо будетъ послѣ этого поскорѣе уѣзжать, скрываться, она твердо помнила. Но какъ же это она не простилась съ отцомъ, не сказала ему того, что придумала ночью и что надо сказать? Правда, послѣ вчерашняго, съ отцомъ можно было и не прощаться и ничего не говорить, но какъ же она не подумала, что взять съ собою, ничего не собрала, не умылась, не обулась? Беспорядочно и тупо думая, она стояла на зноѣ съ открытой головой, держала руки подъ мышками, чувствовала жаръ на своихъ открытыхъ плечахъ, касалась босой ногой горячаго камня у порога. Бѣлый песь съ высунутымъ языкомъ лежалъ въ короткой тѣни подъ амбарами. Она со страхомъ глядѣла то на него, то на хлѣба, на проселокъ...

И вдругъ во ржахъ, на тускло-серебристомъ небо-склонѣ, появилась дуга и высокая худая лошадь. Никаноръ сидѣлъ на грядкѣ телѣги, сдвинувъ на затылокъ картузь, и усердно дергалъ вожжи. Рысью, поднимая пыль, перерѣзалъ онъ большакъ и, гремя, подкатилъ къ самому порогу. Глаза у него были расширены, черное отъ загара лицо все въ поту, видъ странный, какъ будто удивленный.

— Что же ты? — быстрымъ шопотомъ спросилъ онъ, соскакивая съ телѣги и не замѣчая, что Парашка разута и почти раздѣта. — Все готово? Уѣхали?

Она, не отвѣчая, дико глянула на него, прыгнула съ порога, блеснувъ голыми ногами, и направилась къ воротамъ, на варокъ. Навалившись на нихъ плечемъ и чувствуя, что и ворота горячи отъ солнца, со скрипомъ распалхнула обѣ половинки. По глубокому пересохшему навозу пошла къ темному деннику, гдѣ стояли кобылы. Никаноръ въѣхалъ за ней, сдѣлалъ кругъ, бормоча: — „Да что жъ ты не одѣлась-то?“ На двери денника висѣлъ большой замокъ. Парашка обернулась.

— Ключа у меня нѣту, — сказала она, глядя на Никанора большими, стоячими, прозрачно-зелеными глазами.

Никаноръ оглянулся, увидалъ голышъ, на которомъ точили топоры, схватилъ его въ обѣ руки и съ навѣсу стукнулъ по замку. Замокъ отвалился вмѣстѣ съ петлей— и Парашка, не давъ ему упасть, подхватила и крѣпко зажала его въ своей маленькой загорѣлой рукѣ. Еще больше сдвинувъ на затылокъ картузь, мокрый отъ пота, Никаноръ, съ тяжелой обротью въ рукѣ, вошелъ въ денникъ и склонилъ голову къ плечу, вглядываясь въ сумракъ, гдѣ, отшатнувшись, изогнулась и прижалась къ стѣнѣ гнѣдая кобыла, красавица съ лиловыми глазами. Парашка, сдѣлавъ большой шагъ, неумѣло, но изо всей силы ударила его въ високъ замкомъ. Онъ коротко споткнулся и упалъ, ткнулся головой въ навозъ. Парашка подскакнула, какъ стрѣла метнулась вонъ изъ денника и понеслась къ воротамъ. Лошадь Никанора, стоявшая у воротъ, всхрапнула — и вмѣстѣ съ нею вылетѣла на дорогу. Пыля и гремя телѣгой, она подхватила въ одну сторону, къ городу, въ бѣлесую блестящую даль за переваломъ, а Парашка — въ другую, черезъ дорогу, ко ржамъ. На бѣгу обернувшись, она вдругъ остановилась: изъ воротъ выскочилъ, безъ картуза, весь облитый по лицу и по рубашкѣ алой кровью, Никаноръ и, почти падая, ударился догонять свою обезумѣвшую лошадь. Парашка взвизгнула и нырнула въ душную гущу колосьевъ...

Многіе, что ѣхали въ этотъ день по проселкамъ, видѣли ее, быстро ѣзжавшую цѣликомъ, безъ дорогъ, по хлѣбамъ. Порою она присѣдала, выглядывала — и опять бѣжала, мелькая среди желтыхъ колосьевъ бѣлой сорочкой и раскрытой головой.

Поймали ее только черезъ пять дней. И, отбиваясь, она проявила страшную силу, искусала трехъ мужиковъ, крутившихъ ей руки новой вожжевкой.

Легкое дыханіе

На кладбищѣ, надъ свѣжей глиняной насыпью, стоитъ новый крестъ изъ дуба, крѣпкій, тяжелый, гладкій, такой, что на него пріятно смотрѣть.

Апрѣль, но дни сѣрые; памятники кладбища, просторнаго, настоящаго уѣзднаго, еще далеко видны сквозь голыя деревья, и холодный вѣтеръ звенитъ и звенитъ фарфоровымъ вѣнкомъ у подножія креста.

Въ самый же крестъ вдѣланъ довольно большой бронзовый медальонъ, а въ медальонѣ — фотографическій портретъ гимназистки съ радостными, поразительно живыми глазами.

Это Оля Мещерская.

Дѣвочкой она ничѣмъ не выдѣлялась въ той шумной толпѣ коричневыхъ платиць, которая такъ нестройно и молодо гудитъ въ коридорахъ и классахъ; что можно было сказать о ней, кромѣ того, что она изъ числа хорошенькихъ, богатыхъ и счастливыхъ дѣвочекъ, что она способна, но шаловлива и очень беспечна къ тѣмъ наставленіямъ, которыя ей дѣлаетъ классная дама? Затѣмъ она стала разцвѣтать, развиваться не по днямъ, а по часамъ. Въ четырнадцать лѣтъ у нея, при тонкой талии и стройныхъ ножкахъ, уже хорошо обрисовывались груди и всѣ тѣ формы, очарованіе которыхъ еще никогда не выразило человѣческое слово; въ пятнадцать она слыла красавицей. Какъ тщательно причесывались нѣкоторыя ея подруги, какъ чистоплотны были, какъ слѣдили за своими сдержанными движеніями! А она ничего не боялась — ни черниль-

ныхъ пятенъ на пальцахъ, ни раскраснѣвшагося лица, ни растрепанныхъ волосъ, ни заголившагося при паденіи на бѣгу колѣна. Безъ всякихъ ея заботъ и усилій и какъ-то незамѣтно пришло къ ней все то, что такъ отличало ее въ послѣдніе два года изъ всей гимназіи, — изящество, нарядность, ловкость, ясный блескъ глазъ... Никто не танцеваль такъ на балахъ, какъ Оля Мещерская, никто не бѣгалъ такъ на конькахъ, какъ она, ни за кѣмъ на балахъ не ухаживали столько, сколько за ней, и почему-то никого не любили такъ младшіе классы, какъ ее. Незамѣтно стала она дѣвушкой, и незамѣтно упрочилась ея гимназическая слава, и уже пошли толки, что она вѣтренна, что она не можетъ жить безъ поклонниковъ, что въ нее безумно влюбленъ гимназистъ Шеншинъ, что будто бы и она его любитъ, но такъ измѣнчива въ обращеніи съ нимъ что онъ покушался на самоубійство...

Послѣднюю свою зиму Оля Мещерская совсѣмъ сошла съ ума отъ веселья, какъ говорили въ гимназіи. Зима была снѣжная, солнечная, морозная, рано опускалось солнце за высокій ельникъ снѣжнаго гимназическаго сада, но неизмѣнно погожее, лучистое, обѣщающее и на завтра морозъ и солнце, гулянье на Соборной улицѣ, катокъ въ городскомъ саду, розовый вечеръ, музыку и эту во всѣ стороны скользящую на каткѣ толпу, въ которой Оля Мещерская казалась самой нарядной, самой беззаботной, самой счастливой. И вотъ, однажды, на большой перемѣнѣ, когда она вихремъ носилась по сборному залу отъ гонящихся за ней и блаженно визжавшихъ первоклассницъ, ее неожиданно позвали къ начальницѣ. Она съ разбѣгу остановилась, сдѣлала только одинъ глубокій вздохъ, быстрымъ и уже привычнымъ движеніемъ оправила волосы, дернула уголки передника къ плечамъ и, сіяя глазами, побѣжала наверхъ. Начальница, небольшая, моложавая, но сѣдая, спокойно сидѣла съ вязаньемъ въ рукахъ за письменнымъ столомъ, подъ царскимъ портретомъ.

— Здравствуйте, m-lle Мещерская, — сказала она по французски, не поднимая глазъ отъ вязанья. — Я, къ сожалѣнію, уже не первый разъ принуждена призывать васъ

сюда, чтобы говорить съ вами относительно вашего поведения.

— Я слушаю, madame, — отвѣтила Мещерская, подходя къ столу, глядя на нее ясно и живо, но безъ всякаго выраженія на лицѣ, и присѣла такъ легко и граціозно, какъ только она одна умѣла.

— Слушать вы меня будете плохо, я, къ сожалѣнію, убѣдилась въ этомъ, — сказала начальница и, потянувъ нитку и завертѣвъ на лакированномъ полу клубокъ, на который съ любопытствомъ посмотрѣла Мещерская, подняла глаза: — Я не буду повторяться, не буду говорить пространно, — сказала она.

Мещерской очень нравился этотъ необыкновенно чистый и большой кабинетъ, такъ хорошо дышавшій въ морозные дни тепломъ блестящей голландки и свѣжестью ландышей на письменномъ столѣ. Она посмотрѣла на молодого Царя, во весь ростъ написаннаго среди какой-то блистательной залы, на ровный проборъ въ молочныхъ, аккуратно гофрированныхъ волосахъ начальницы и выжидательно молчала.

— Вы уже не дѣвочка, — многозначительно сказала начальница, втайнѣ начиная раздражаться.

— Да, madame, — просто, почти весело, отвѣтила Мещерская.

— Но и не женщина, — еще многозначительнѣе сказала начальница, и ея матовое лицо слегка заалѣло. — Прежде всего, — что это за прическа? Это женская прическа!

— Я не виновата, madame, что у меня хорошіе волосы, — отвѣтила Мещерская и чуть тронула обѣими руками свою красиво убранную голову.

— Ахъ, вотъ какъ, вы не виноваты! — сказала начальница. — Вы не виноваты въ прическѣ, не виноваты въ этихъ дорогихъ гребняхъ, не виноваты, что разоряете своихъ родителей на тувельки въ двадцать рублей! Но, повторяю вамъ, вы совершенно упускаете изъ виду, что вы пока только гимназистка...

И тутъ Мещерская, не теряя простоты и спокойствія, вдругъ вѣжливо перебила ее:

— Простите, madame, вы ошибаетесь: я женщина. И виновать въ этомъ — знаете кто? Другъ и сосѣдь папы, а вашъ братъ, Алексѣй Михайловичъ Малютинъ. Это случилось прошлымъ лѣтомъ въ деревнѣ...

А черезъ мѣсяцъ послѣ этого разговора казачій офицеръ, некрасивый и плебейскаго вида, не имѣвшій ровно ничего общаго съ тѣмъ кругомъ, къ которому принадлежала Оля Мещерская, застрѣлилъ ее на платформѣ вокзала, среди большой толпы народа, только что прибывшей съ поѣздомъ. И невѣроятное, ошеломившее начальницу признаніе Оли Мещерской совершенно подтвердилось: офицеръ заявилъ судебному слѣдователю, что Мещерская завлекла его, была съ нимъ въ связи, поклялась быть его женой, а на вокзалѣ, въ день убійства, провожая его въ Новочеркасскъ, вдругъ сказала ему, что она и не думала никогда любить его, что всѣ эти разговоры о бракѣ — одно ея издѣвательство надъ нимъ, и дала ему прочесть ту страничку своего дневника, гдѣ говорилось о Малютинѣ.

— Я пробѣжалъ эти строки и тутъ же, на платформѣ, гдѣ она гуляла, поджидая, пока я кончу читать, выстрѣлилъ въ нее. — сказалъ офицеръ. — Дневникъ этотъ вотъ онъ, взгляните, что было написано въ немъ десятаго іюля прошлаго года.

Въ дневникѣ стояло приблизительно слѣдующее:

„Сейчасъ второй часъ ночи. Я крѣпко заснула, но тотчасъ же проснулась... Нынче я стала женщиной! Папа, мама и Толя, всѣ уѣхали въ городъ, я осталась одна. Я была такъ счастлива, что одна, что неумѣю сказать! Я утромъ гуляла одна въ саду, въ полѣ, была въ лѣсу, мнѣ казалось, что я одна во всемъ мірѣ, и я думала такъ хорошо, какъ никогда въ жизни. Я и обѣдала одна, потомъ цѣлый часъ играла, подъ музыку у меня было такое чувство, что буду жить безъ конца и буду такъ счастлива, какъ никогда! Потомъ заснула у папы въ кабинетѣ, а въ четыре часа меня разбудила Катя, сказала, что пріѣхалъ Алексѣй Михайловичъ. Я ему очень обрадовалась, мнѣ

было такъ пріятно принять его и занимать. Онъ пріѣхаль на парѣ своихъ вятокъ, очень красивыхъ, и онѣ все время стояли у крыльца, но онъ остался, потому что былъ дождь и ему хотѣлось, чтобы къ вечеру просохло. Онъ очень жалѣлъ, что не засталъ папу, былъ очень оживленъ и держалъ себя со мной кавалеромъ, много шутилъ, что онъ давно влюбленъ въ меня. Когда мы гуляли передъ чаемъ по саду, была опять прелестная погода, солнце блестяло черезъ весь мокрый садъ, хотя стало совсѣмъ холодно, и онъ велъ меня подъ руку и говорилъ, что онъ Фаустъ съ Маргаритой. Ему пятьдесятъ шесть лѣтъ, но онъ еще очень красивъ и очень всегда хорошо одѣтъ — мнѣ не понравилось только, что онъ пріѣхаль въ крылаткѣ, — весь пахнетъ англійскимъ одеколономъ, и глаза совсѣмъ молодые, черные, а борода изящно раздѣлена на двѣ длинныя части и совершенно серебряная. За чаемъ мы сидѣли на стеклянной верандѣ, я почувствовала себя какъ будто нездоровой и прилегла на тахту, а онъ курилъ, потомъ пересѣлъ ко мнѣ, сталъ опять говорить какія-то любезности, потомъ разсматривать и цѣловать мою руку. Я закрыла лицо шелковымъ платкомъ, и онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ меня въ губы черезъ платокъ... Я не понимаю, какъ это могло случиться, я сошла съ ума, я никогда не думала, что я такая! Теперь мнѣ одинъ выходъ... Я чувствую къ нему такое отвращеніе, что не могу пережить этого!..“

Городъ за эти апрѣльскіе дни сталъ чистъ, сухъ, камни его побѣлѣли, и по нимъ легко, пріятно идти. Каждое воскресенье, послѣ обѣдни, по Соборной улицѣ, ведущей къ выѣзду изъ города, направляется маленькая женщина въ траурѣ, въ черныхъ лайковыхъ перчаткахъ, съ зонтикомъ изъ черного дерева. Она минуешь пожарный дворъ, переходитъ по шоссе грязную площадь, гдѣ много законченныхъ кузницъ и свѣжій дуетъ полевой воздухъ; дальше, между мужскимъ монастыремъ и острогомъ, бѣлѣтъ облачный склонъ неба и сѣрѣтъ весеннее поле, а потомъ, когда проберешься среди лужъ подъ стѣной монастыря и повернешь налево, увидишь какъ бы большой низкій садъ, обнесенный бѣлой оградой, надъ воротами которой напи-

сано Успеніе Божіей Матери. Маленькая женщина мелко крестится и привычно идетъ по главной аллеѣ. Дойдя до скамьи противъ дубоваго креста, она сидитъ на вѣтру и на весеннемъ холодѣ часъ, два, пока совсѣмъ не зазябнуть ея ноги въ легкихъ ботинкахъ и рука въ узкой лайкѣ. Слушая весеннихъ птицъ, сладко поющихъ и въ холодъ, слушая звонъ вѣтра въ фарфоровомъ вѣнкѣ, она думаетъ иногда, что отдала бы полжизни, лишь бы не было передъ ея глазами этого мертваго вѣнка. Мысль о томъ, что это Олю Мещерскую зарыли вотъ въ этой самой глинѣ, повергаетъ ее въ изумленіе, граничащее съ тупостью: какъ связать съ этой шестнадцатилѣтней гимназисткой, которая всего два-три мѣсяца тому назадъ такъ полна была жизни, прелести, веселья, этотъ глиняный бугоръ и этотъ дубовый крестъ? Возможно ли, что подъ нимъ та самая, чьи глаза такъ безсмертно сіяютъ изъ этого бронзоваго медальона, и какъ совмѣстить съ этимъ чистымъ взглядомъ то ужасное, что соединено теперь съ именемъ Оли Мещерской?— Но въ глубинѣ души маленькая женщина счастлива, какъ всѣ влюбленные или вообще преданные какой нибудь страстной мечтѣ люди.

Женщина эта — классная дама Оли Мещерской, дѣвушка за тридцать лѣтъ, давно живущая какой-нибудь выдумкой, замѣняющей ей дѣйствительную жизнь. Сперва такой выдумкой былъ ея братъ, бѣдный и ничѣмъ не замѣчательный прапорщикъ, — она связывала всю свою душу съ нимъ, съ его будущностью, которая почему-то представлялась ей блестящей, и жила въ странномъ ожиданіи, что ея судьба какъ-то сказочно измѣнится благодаря ему. Затѣмъ, когда его убили подъ Мукденомъ, она убѣждала себя, что она, къ великому будто бы ея счастьемъ, не такова, какъ прочія, что красоту и женственность ей замѣняютъ умъ и высшіе интересы, что она — идейная труженица. Смерть Оли Мещерской плѣнила ее новой мечтой. Теперь Оля Мещерская — предметъ ея неотступныхъ думъ, восхищенія, радости. Она ходитъ на ея могилу каждый праздникъ, — привычка ходить на кладбище и носить трауръ образовалась у нея со смерти брата, — по часамъ не спу-

скаеть глазъ съ дубоваго креста, вспоминаеть блѣдное личико Оли Мещерской въ гробу, среди цвѣтовъ — и то, что однажды подслушала: однажды, на большой перемѣнѣ, гуляя по гимназическому саду, Оля Мещерская быстро, быстро говорила своей любимой подругѣ, полной, высокой Субботиной:

— Я въ одной папиной книгѣ, — у него много старинныхъ, смѣшныхъ книгъ, — прочла, какая красота должна быть у женщины... Тамъ, понимаешь, столько насаказано, что всего не упомнишь: ну, конечно, черные, кипящіе смолой глаза, — ей-Богу, такъ и написано: кипящіе смолой! — черныя, какъ ночь, рѣсницы, нѣжно играющій румянецъ, тонкій станъ, длиннѣе обыкновеннаго рука, — понимаешь, длиннѣе обыкновеннаго! — маленькая ножка, въ мѣру большая грудь, правильно округленная икра, колѣно цвѣта раковины, покатыя, но высокія плечи, — я многое почти наизусть выучила, такъ все это вѣрно! — но главное, знаешь ли что? — Легкое дыханіе! А вѣдь оно у меня есть, — ты послушай, какъ я вздыхаю, — вѣдь, правда, есть?

Теперь это легкое дыханіе снова разсѣялось въ мірѣ, въ этомъ облачномъ небѣ, въ этомъ холодномъ весеннемъ вѣтрѣ...

СЫНЪ

Г-жа Маро родилась и выросла въ Лозаннѣ, въ строгой, честной и трудолюбивой семьѣ. Замужъ она вышла не рано, но по любви. Въ мартѣ 1876 года, среди пассажировъ стараго французскаго парохода „Овернь“, шедшаго изъ Марселя въ Италію, оказалась чета новобрачныхъ. Дни стояли тихіе, прохладные, море серебристыми зеркалами терялось въ туманныхъ весеннихъ даяхъ, новобрачные не сходили съ палубы. И всѣ любовались ими, всѣ глядѣли на ихъ счастье съ дружелюбными улыбками: у него это счастье сказалось въ бодромъ, рѣзкомъ взглядѣ, въ потребности движенія, въ оживленной привѣтливости съ окружающими, у нея — въ томъ радостномъ интересѣ, съ которымъ она воспринимала всякую мелочь... Новобрачные эти были Маро.

Онъ былъ старше ея лѣтъ на десять, ростомъ онъ былъ невеликъ, лицомъ смугль, волосомъ курчавъ; рука у него была сухая, голосъ чистый и звучный. А въ ней чувствовалась примѣсь какой-то иной, не романской крови; она казалась чуть-чуть высока, — хотя талія ея была прелестна, — при темныхъ волосахъ глаза у нея были сѣро-синіе. Черезъ Неаполь, Палермо и Тунисъ они проѣхали въ алжирскій городъ Константину, гдѣ г. Маро получилъ довольно видное мѣсто. И жизнь въ Константинѣ, тѣ четырнадцать лѣтъ, что прошли съ этой счастливой весны, дали имъ все, чѣмъ обычно довольствуются люди: достатокъ, семейный ладъ, здоровыхъ и красивыхъ дѣтей.

За четырнадцать лѣтъ Маро очень измѣнились по

внѣшности: онъ сталъ черенъ лицомъ, какъ арабъ, посьдѣлъ и подсохъ отъ работы, развѣздовъ, табаку и солнца, — многіе принимали его за уроженца Алжіріи; никто не узналъ бы и въ ней ту, что когда-то плыла на пароходѣ „Овернь“: тогда даже въ ботинкахъ ея, выставленныхъ за дверь на ночь, было очарованіе молодости; теперь и у нея въ волосахъ серебрилось, тоньше и золотистѣе стала кожа, похудѣли руки, и въ уходѣ за ними, въ прическѣ, въ бѣльѣ, въ одеждѣ уже проявляла она какух-то излишнюю опрятность. Измѣнились, конечно, и отношенія ихъ, хотя никто бы не сказалъ, что къ худшему. А жили они каждый по-своему: у него время было наполнено работой, — онъ оставался все тѣмъ же страстнымъ и вмѣстѣ трезвымъ человѣкомъ, какимъ былъ и прежде, у нея — заботами о немъ, о дѣтяхъ, о двухъ хорошенькихъ дѣвочкахъ, изъ которыхъ старшая была уже почти барышня; и въ одинъ голосъ говорили всѣ, что нѣтъ въ Константины лучшей хозяйки, лучшей матери и болѣе милой собесѣдницы въ гостинной, чѣмъ г-жа Маро.

Домъ ихъ стоялъ въ тихомъ и чистомъ кварталѣ. Со второго этажа, изъ парадныхъ комнатъ, всегда полутемныхъ отъ закрытыхъ жалюзи, была видна Константина, славная на весь мѣръ своей живописностью: на косыхъ скалахъ лежитъ эта древняя арабская крѣпость, ставшая французскимъ городомъ. Окна семейныхъ покоевъ, тѣнистыхъ и прохладныхъ, смотрѣли въ садъ, — тамъ, въ вѣчномъ зноѣ и блескѣ, дремали вѣковые эвкалипты, сикоморы, пальмы, обнесенные высокими стѣнами. А хозяйка вела то замкнутое существованіе, на которое обрѣчены въ колоніяхъ жены всѣхъ европейцевъ. По воскресеньямъ она неизмѣнно бывала въ церкви. Въ будни выѣзжала рѣдко и держалась небольшого избранныго кружка. Она читала, занималась рукодѣліемъ, болтала или училась съ дѣтьми; иногда, посадивъ себѣ на колѣни черноглазую Мари, свою меньшую дочку, и одной рукой играя на фортепіано, пѣла старинныя французскія пѣсни, коротая долгій африканскій день, межъ тѣмъ, какъ горячій вѣтеръ широко входилъ изъ сада въ открытыя окна. Константина, затворившая всѣ свои ставни и нещадно

палимая солнцемъ, казалась въ эти часы мертвымъ городомъ: только вскрикивали сивоворонки за стѣнами садовъ да меланхолически, тоской колониальныхъ странъ, звучали рожки горнистовъ по загороднымъ холмамъ, гдѣ порою глухимъ стукомъ сотрясали землю пушки и мелькали бѣлые солдатскіе шлемы.

Дни въ Константиноѣ шли однообразно, но никто не замѣчалъ, чтобы госпожа Маро тяготилась этимъ. Въ характерѣ ея, тонкомъ и цѣломудренномъ, не проявлялось ни повышенной чувствительности, ни излишней нервности. Здоровье ея нельзя было назвать крѣпкимъ, но оно не доставляло тревогъ г-ну Маро. Поразилъ его только одинъ случай: однажды, въ Тунисѣ, арабъ-фокусникъ такъ быстро и глубоко усыпилъ ее, что она насилу пришла въ себя. Но это было еще во время переѣзда изъ Франціи; съ тѣхъ поръ такихъ рѣзкихъ паденій воли, такой болѣзненной воспримчивости она не испытывала. И г. Маро былъ спокоенъ и убѣжденъ, что душа ея безмятежна и открыта для него. Да такъ оно и было, даже и въ послѣдній, четырнадцатый годъ его семейной жизни... Но вотъ появился въ Константиноѣ нѣкто Эмиль Дю-Бюи.

Эмилю Дю-Бюи, сыну г-жи Боннэ, давней и хорошей знакомой Маро, было всего девятнадцать лѣтъ. Г-жа Боннэ, вдова инженера, кромѣ Эмиля, рожденнаго ею въ первомъ бракѣ, выросшаго въ Парижѣ и уже изучавшаго право, болѣе всего же занятого сочиненіемъ только одному ему понятныхъ стиховъ и причислявшаго себя къ несуществующей поэтической школѣ „Искателей“, имѣла еще дочь Элизу. Въ маѣ восемьдесятъ девятого года Элиза готовилась къ вѣнцу, но заболѣла и черезъ нѣсколько дней умерла. Эмиль, дотолѣ никогда не бывшій въ Константиноѣ, приѣхалъ на похороны. Легко понять, какъ тронула г-жу Маро эта смерть, смерть дѣвушки, уже примѣрившей вѣнчальную фату; извѣстно и то, какъ просто устанавливается при такихъ обстоятельствахъ близость между людьми, даже едва узнавшими другъ друга. Къ тому же Эмиль и въ самомъ дѣлѣ былъ для г-жи Маро только мальчикомъ. Вскорѣ послѣ похоронъ г-жа Боннэ уѣхала къ роднымъ, во Францію.

Эмиль же остался въ Константиноль, на загородной дачѣ своего покойнаго отца, на виллѣ Хашимъ, какъ называли ее въ городѣ, и сталъ почти ежедневно бывать у Маро. Какое бы онъ ни былъ, чѣмъ бы онъ ни притворялся, все же онъ былъ очень молодъ, очень чувствителенъ и нуждался въ людяхъ, къ которымъ могъ бы прибѣгнуть на время. — „И не странно ли, — говорили нѣкоторые, — г-жа Маро стала неузнаваема. Какъ оживилась она, какъ похорошѣла!“

Однако эти иносказанія были неосновательны. Вначалѣ только всего и было, что немного веселѣе стала ея жизнь да игривѣе и кокетливѣе стали ея дѣвочки, ибо Эмиль, поминутно забывая о своемъ горѣ и о томъ ядѣ, которымъ, какъ онъ думалъ, отравилъ его „конецъ вѣка“, иногда по цѣлымъ часамъ возился съ Мари и Луизой совсѣмъ какъ равный. Правда, онъ все же былъ мужчина, парижанинъ и не совсѣмъ дюжинная натура; онъ участвовалъ въ той недоступной для простыхъ смертныхъ жизни, которой жили парижскіе писатели, онъ часто, съ какой-то сомнамбулической выразительностью, читалъ странные, но звучные стихи; и, можетъ быть, благодаря именно ему, легче и быстрѣе стала походка г-жи Маро, чуть-чуть наряднѣе ея домашніе туалеты, ласковѣй и насмѣшливѣй оттѣнки ея голоса; можетъ быть, и была въ ея душѣ капля чисто женской радости, что вотъ есть человекъ, которымъ можно слегка повелѣвать, съ которымъ можно говорить съ полушутливой наставительностью, съ той свободой, что такъ естественно допускалась разницей въ лѣтахъ, и который такъ преданъ всему ея дому, гдѣ, однако, первымъ лицомъ, — это, конечно, обнаружилось очень скоро, — была для него все таки она. Но вѣдь какъ обычно все это! А главное, чаще всего онъ былъ только жалокъ ей.

Онъ, искренно почитавшій себя прирожденнымъ поэтомъ, хотѣлъ и по наружности походить на поэта; онъ носилъ длинные, закинутые назадъ волосы, одѣвался съ артистической скромностью; волосы у него были красивые, коричневые и шли къ его блѣдному лицу, равно какъ и

черная одежда; но блѣдность эта была слишкомъ безкровная, съ желтымъ налетомъ; глаза у него постоянно блѣстѣли, но отъ изможденнаго лица казались лихорадочными; и такъ суха и плоска была его грудь, такъ тонки ноги, такъ худы руки, что становилось какъ-то неловко, когда онъ не въ мѣру оживлялся и бѣжалъ по улицѣ или по саду, немного подавшись впередъ, какъ бы скользя, чтобы скрыть свой недостатокъ, то, что одна нога была у него короче другой; въ обществѣ онъ старался быть загадочнымъ, небрежнымъ, порой изящно-дерзкимъ, порой презрительно-разсѣяннымъ и во всемъ независимымъ; но ужъ слишкомъ часто не доигрывалъ онъ ролей, срывался и начиналъ говорить съ какой-то наивной откровенностью и поспѣшностью. И, конечно, недолго сумѣлъ онъ таить свои чувства, притворяться не вѣрящимъ въ любовь и счастье на землѣ: вскорѣ о его влюбленности зналъ весь домъ. Онъ уже сталъ докучать хозяину своими посѣщеніями; сталъ каждый день привозить съ виллы букеты самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ, сидѣть съ утра до вечера, читать стихи все болѣе непонятные, — дѣти не разъ слышали, какъ заклиналъ онъ кого-то умереть вмѣстѣ съ нимъ, — а по ночамъ пропадать въ туземныхъ кварталахъ, въ тѣхъ притонахъ, гдѣ арабы, закутанные въ грязно-бѣлые бурнусы, жадно глядятъ на „танцы живота“ и пьютъ самые острые ликеры... Короче сказать, не прошло и полутора мѣсяца, какъ влюбленность его перешла Богъ знаетъ во что.

Нервы его совсѣмъ перестали служить ему. Однажды чуть не цѣлый день сидѣлъ онъ молча, затѣмъ всталъ, поклонился, взялъ шляпу и вышелъ, — а черезъ полчаса былъ принсенъ съ улицы въ ужасномъ состояніи: онъ бился въ истерикѣ, онъ такъ страстно рыдалъ, что перепугалъ и дѣтей и прислугу. Но г-жа Маро, казалось, не придавала особаго значенія и этому изступленію. Она сама приводила его въ чувство, торопливо развязывая ему галстукъ и уговаривая его быть мужчиной, и только усмѣхалась, когда онъ, безъ всякаго стѣсненія передъ мужемъ, хваталъ, покрывая поцѣлуями, ея руки и клялся въ своей безкорыстной преданности. Все же надо было положить

конецъ всему этому. Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ припадка, Эмиль, о которомъ дѣти скоро соскучились, явился уже успокоенный, хотя и похожій на человѣка, перенесшаго тяжелую болѣзнь, г-жа Маро мягко сказала ему все, что говорятъ въ такихъ случаяхъ.

— Другъ мой, вы вѣдь какъ сынъ для меня, — сказала она ему, впервые произнося это слово, — сынъ, — и въ самомъ дѣлѣ чувствуя почти материнскую нѣжность къ нему. — Не ставьте же меня въ смѣшное и мучительное положеніе.

— Но клянусь вамъ, что вы ошибаетесь! — воскликнулъ онъ съ искренней страстностью. — Я только предаю вамъ, я только видѣть хочу васъ и ничего болѣе!

И вдругъ упалъ на колѣни, — они были въ саду, въ тихій и жаркій, сумрачный вечеръ, — порывисто охватилъ ея бедра, близкій отъ страсти къ обмороку... И глядя на его волосы, на его бѣлую тонкую шею, она, съ болью и восторгомъ, подумала:

— Ахъ, да, да, у меня могъ быть вотъ почти такой же сынъ!

Все-таки съ этихъ поръ до самаго отъѣзда во Францію онъ не сумасшествовалъ. По существу это было худо, это могло значить то, что страсть его стала глуше. Но наружно все измѣнилось къ лучшему, — только одинъ разъ снова не выдержалъ онъ. Какъ-то послѣ воскреснаго обѣда, за которымъ присутствовало нѣсколько постороннихъ, онъ, совсѣмъ не думая о томъ, что это можетъ быть всѣми замѣчено, сказалъ ей:

— Очень прошу васъ удѣлить мнѣ одну минуту...

Она встала и пошла за нимъ въ пустой полутемный залъ. Онъ подошелъ къ окну, въ которое продольными полосками проникалъ снаружи вечерній свѣтъ и, глядя ей прямо въ лицо, сказалъ:

— Нынче день смерти моего отца. Я люблю васъ!

Она повернулась, чтобы уйти. Испуганный, онъ поспѣшно прибавилъ вслѣдъ ей:

— Простите меня, это первый и послѣдній разъ!

И точно, новыхъ признаній она отъ него не слы-

хала. — „Я очарованъ былъ ея смущеніемъ, — писалъ онъ въ этотъ вечеръ въ своемъ дневникѣ своимъ изысканнымъ и напыщеннымъ слогомъ. — Я поклялся не нарушать болѣе ея покоя: развѣ и безъ того не блаженъ я?“ — Онъ продолжалъ ѣздить въ городъ, только ночевалъ на виллѣ Хашимъ, — и вель себя разнo, но всегда болѣе или менѣе пристойно. Иногда онъ бывалъ по прежнему какъ-то не кстати рѣзвъ, наивенъ, бѣгалъ съ дѣтьми по саду; чаще же всего сидѣлъ возлѣ нея и „упивался ея присутствіемъ“, читалъ ей газеты, романы и „счастливъ былъ, что она его слушаетъ“. — „Дѣти не мѣшали намъ“ — писалъ онъ объ этихъ дняхъ, — ихъ голоса, смѣхъ, возня, самыя существа ихъ служили какъ бы тончайшими проводниками нашихъ чувствъ, благодаря имъ, эти чувства были еще очаровательнѣе; мы вели самыя обыденныя бесѣды, но въ нихъ звучало другое, — наше счастье: да, да, и она была счастлива, я утверждаю это. Она любила, когда я декламировалъ; по вечерамъ, съ балкона, мы созерцали Константину, лежавшую у нашихъ ногъ въ голубомъ лунномъ сіяніи...“ Наконецъ, въ августѣ, г-жа Маро настояла, чтобы онъ уѣхалъ, возвратился къ своимъ занятіямъ, и въ дорогѣ онъ записалъ: — „Я уѣзжаю! уѣзжаю, отравленный горькой сладостью разлуки! Она подарила мнѣ на память бархатку, которую носила на шеѣ въ дѣвушкахъ. Она благославила меня въ послѣднюю минуту, и я видѣлъ влажный блескъ въ ея глазахъ, когда она сказала: „Прощайте, дорогой сынъ мой!..“

Правъ ли онъ былъ, что и г-жа Маро въ августѣ была счастлива, неизвѣстно. Но что его отъѣздъ оказался для нея тяжелымъ, — несомнѣнно. Это слово, — сынъ, — которое часто волновало ее и прежде, теперь стало звучать для нея уже такъ, что она не могла спокойно слышать его. И прежде, встрѣчая на пути въ церковь знакомыхъ, говорившихъ ей въ шутку: — „О чемъ вамъ молиться, г-жа Маро, вы и такъ безгрѣшны и счастливы!“ — не разъ отвѣчала она съ грустной улыбкой: — „Я жалуясь Богу, что онъ лишилъ меня сына...“ Теперь мысль о сынѣ, о томъ счастьѣ, которое непрестанно давалъ бы онъ ей даже

однимъ своимъ существованіемъ на свѣтѣ, не оставляла ее. И однажды, вскорѣ послѣ отъѣзда Эмиля, она сказала мужу:

— Теперь я все поняла! Я теперь твердо знаю, что каждая мать должна имѣть сына, что каждая женщина, у которой сына нѣтъ, если вдумается въ себя, провѣритъ всю свою жизнь, увидитъ, что она несчастна. Ты мужчина, ты не можешь чувствовать этого, но это такъ... О, какъ нѣжно и страстно можно любить сына!

Она была очень ласкова съ мужемъ въ эту осень. Случалось, что, оставшись съ нимъ наединѣ, она вдругъ застѣнчиво говорила ему:

— Гекторъ, послушай... Мнѣ уже совѣстно спрашивать тебя объ этомъ, но все-таки... Ты когда-нибудь вспоминаешь мартъ семьдесятъ шестого года? Ахъ, если бы у насъ съ тобой былъ сынъ!

„Все это очень меня смущало, — рассказывалъ впоследствии г. Маро, — смущало тѣмъ болѣе, что она стала очень худѣть. Она слабѣла, дѣлалась все молчаливѣе и мягче характеромъ. У знакомыхъ она бывала все рѣже, въ городъ выѣзжать безъ нужды избѣгала... Я не сомнѣваюсь, что какой-то странный и непонятный недугъ овладѣлъ ея душой и тѣломъ!“ — А бонна прибавляла, что, выѣзжая въ эту осень, г-жа Маро непременно надѣвала бѣлую густую вуаль, чего прежде не дѣлала, что, возвращаясь домой, она тотчасъ поднимала вуаль передъ зеркаломъ и пристально разглядывала свое усталое лицо. Излишне пояснять, что совершалось въ душѣ ея за это время. Но хотѣла ли она видѣть Эмиля, писалъ ли онъ ей и отвѣчала ли она ему? Онъ представилъ суду двѣ депеши, будто бы отправленные на его имя, въ отвѣтъ на его письма. Одна была отъ 10 ноября: — „Вы сводите меня съ ума. Успокойтесь. Немедленно дайте вѣсть о себѣ“. — Другая отъ 23 декабря: — „Нѣтъ, нѣтъ, не пріѣзжайте, умоляю васъ. Думайте обо мнѣ, любите меня какъ мать“. — Но достовѣрность того, что эти депеши были посланы ею, конечно, не могла быть доказана. Достовѣрно только то, что

съ сентября по январь г-жа Маро жила тяжело, тревожно, болѣзненно.

Поздняя осень этого года была въ Константинѣ холодна и дождлива. Потомъ, какъ всегда это бываетъ въ Алжиріи, сразу наступила восхитительная весна. И къ г-жѣ Маро снова стало возвращаться оживленіе, тотъ блаженный, тонкій хмель, который испытываютъ въ пору весеняго расцвѣта люди уже пережившіе молодость. Она снова стала выѣзжать, много каталась съ дѣтьми, бывала съ ними въ саду опустѣвшей виллы Хашимъ, собиралась проѣхать въ Алжиръ, показать дѣтямъ Блиду, возлѣ которой есть въ горахъ лѣсистое ущелье, излюбленное обезьянами... И такъ шло вплоть до семнадцатаго января девяностого года. Семнадцатаго января она проснулась отъ какого-то необыкновеннаго и нѣжнаго чувства, волновавшаго ее, какъ казалось, всю ночь. Въ большой комнатѣ, гдѣ, за отсутствіемъ мужа, надолго уѣхавшаго по дѣламъ службы, она спала одна, было почти темно отъ жалюзи и гардинъ. Все же по той голубой блѣдности, что проникала изъ-за нихъ, можно было понять, что еще рано. И точно, часики на ночномъ столикѣ показывали шесть. Съ наслажденіемъ ощущая утреннюю свѣжесть, входившую изъ сада, она закуталась въ легкое одѣяло, повернулась къ стѣнѣ... „Почему мнѣ такъ хорошо?“ — подумала она, забываясь. И смутными, прекрасными видѣніями стали представляться ей картины Италіи, Сициліи, картины той далекой весны, когда плыла она въ каютѣ съ окнами на палубу, на холодное серебристое море, съ портьерами изъ высохшаго отъ времени и поблекшаго краснаго шелка, съ высокимъ порогомъ, сіявшимъ стертымъ отъ долгодѣтней чистки мѣдью... Потомъ увидѣла она безграничные морскіе заливы, лагуны, изменности, большой арабскій городъ, весь бѣлый, съ плоскими крышами, и волнистые туманно-голубые холмы и предгорія за нимъ. Это былъ Тунисъ, въ которомъ она была только разъ, въ ту же весну, что и въ Неаполь, Палермо... Но тутъ точно холодъ волной прошелъ по ней — и, вздрогнувъ, она открыла глаза. Былъ уже девятый часъ, слышались голоса дѣтей, голосъ ихъ бонны. Она встала,

накинула пенюаръ и, выйдя на балконъ, спустилась въ садъ и сѣла въ качалку, стоящую на песокъ возлѣ круглаго стола, подъ цвѣтущей мимозой, раскинувшей надъ нимъ свой золотой наметъ, тяжело благоухавшій на припекѣ. Горничная принесла кофе. Она опять стала думать о Тунисѣ — и вспомнила то странное, что было тамъ съ нею, тотъ сладкій страхъ и то блаженное безволие какъ бы предсмертныхъ минутъ, что испытала она въ этомъ блѣдно-голубомъ городѣ въ теплыя розовыя сумерки, полужела въ качалкѣ на крышѣ отеля, слабо видя темное лицо араба, гипнотизера и фокусника, сидѣвшаго на корточкахъ передъ нею, усыплявшаго ее своими чуть слышными, однотонными напѣвами и медленными движеніями худыхъ рукъ. И вдругъ, думая и пристально глядя широко открытыми глазами на яркую серебряную искру, которой горѣла на солнцѣ ложечка въ стаканѣ съ водой, потеряла сознание. Когда же внезапно очнулась, — надъ ней стоялъ Эмиль.

Все то, что совершилось вслѣдъ за этой неожиданной встрѣчей, извѣстно со словъ самого Эмиля, по его разсказу, по его отвѣтамъ на вопросахъ. — Да, я точно съ неба упалъ въ Константиноу! — разсказывалъ онъ. — Я пріѣхалъ потому, что понялъ, что сами силы небесныя не могутъ остановить меня. Утромъ семнадцатаго января я прямо съ вокзала, безъ всякаго предупрежденія, явился въ домъ г. Маро и вбѣжалъ въ садъ. Я былъ ошеломленъ тѣмъ, что представилось моимъ глазамъ, но едва сдѣлалъ шагъ, какъ она очнулась. Она, казалось, тоже была изумлена и неожиданностью моего появленія и тѣмъ, что было съ нею, но даже не издала восклицанія. Поглядѣвъ на меня, какъ человѣкъ только что очнувшійся отъ крѣпкаго сна, она поднялась съ мѣста, оправляя волосы.

— Вотъ такъ я и предчувствовала, — какъ-то невыразительно сказала она. — Вы не послушались меня!

И привычнымъ жестомъ застегнувъ на груди пенюаръ, взяла мою голову обѣими руками и два раза поцѣловала меня въ лобъ.

Я потерялся отъ восторга, но она тихо отстранила меня и сказала:

— Идемъ, я не одѣта, я сейчасъ вернусь, идите къ дѣтямъ...

— Но ради Бога, что такое было съ вами? — спросилъ я, всходя за нею на балконъ.

— О, пусякъ, легкое оцѣпенѣние, я засмотрѣлась на блестящую ложечку, — отвѣчала она, овладѣвая собой и начиная говорить оживленнѣе. — Но что вы сдѣлали, что вы сдѣлали!

Дѣтей я нигдѣ не нашелъ, въ домѣ было пусто и тихо, я сѣлъ въ столовой, слышалъ какъ она вдругъ заплѣла въ дальней комнатѣ сильнымъ, звучнымъ голосомъ, но тогда не понялъ я всего ужаса этого звука, потому что весь дрожалъ нервной дрожью. Я не спалъ всю ночь я считалъ минуты, пока поѣздъ мчалъ меня къ Константину, я вскочилъ въ первый попавшійся фіакръ, выбѣжавъ изъ вокзала, я не чаялъ подняться въ городъ... Я зналъ, я тоже предчувствовалъ, что мой пріѣздъ будетъ роковымъ для насъ; но все же того, что я увидѣлъ въ саду, этой мистической встрѣчи и столь рѣзкаго перелома въ ея обращеніи со мной, я не могъ ожидать! Черезъ десять минутъ она вышла причесанная, въ легкомъ свѣтло-сѣромъ платьѣ съ оттѣнкомъ ириса.

— Ахъ, — сказала она, пока я цѣловалъ ея руку, — я и забыла, сегодня воскресенье, дѣти въ церкви, а я проспала... Дѣти послѣ церкви пойдутъ въ сосновую рощу, — вы бывали тамъ?

И, не ожидая моего отвѣта, позвонила, приказала подать мнѣ кофе и сѣла, стала пристально глядѣть на меня и, не слушая, спрашивать, какъ я жилъ, что дѣлалъ, стала говорить о себѣ, о томъ, что послѣ двухъ или трехъ очень дурныхъ для нея мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ она „ужасно постарѣла“, — эти слова были произнесены съ какой-то непонятной улыбкой, — она чувствуетъ себя такъ хорошо, такъ молодо, какъ никогда... Я отвѣчалъ, слушалъ, но многого не понималъ; мы оба говорили не то, у меня холодѣли руки отъ близости иного, страшнаго и

и неотвратимаго часа. Я не отрицаю, что меня точно молнія ослѣпила, когда она сказала: „Я постарѣла...“ Я вдругъ увидѣлъ, что она права: въ худобѣ ея рукъ и поблекшаго, хотя и впрямь помолодѣвшаго лица, въ сухости нѣкоторыхъ очертаній тѣла я уловилъ первые знаки того, что заставляетъ такъ больно и даже какъ-то неловко, — но тѣмъ страстнѣе! — сжиматься наше сердце при видѣ старѣющей женщины. Ахъ, да, какъ быстро и рѣзко измѣнилась она! — подумалъ я. Но все же она была прекрасна, я пьянѣлъ, глядя на нее. Я привыкъ безъ конца мечтать о ней, я не забылъ того мига, когда вечеромъ одиннадцатаго іюля впервые обнялъ ея колѣни. Слегка дрожали и ея руки, когда она поправляла прическу, улыбалась и глядѣла на меня, — и вдругъ — вы поймете всю катастрофическую силу этого мгновенія! — вдругъ эта улыбка какъ-то исказилась, и она съ трудомъ, но твердо выговорила:

— Вамъ все же надо поѣхать къ себѣ, отдохнуть съ дороги, — на васъ лица нѣтъ, у васъ такіе страдальческіе, ужасные глаза и горящія губы, что я не въ силахъ больше видѣть этого... Хотите, я поѣду съ вами, провожу васъ?

И, не давъ мнѣ отвѣтить, встала и пошла, чтобы взять шляпу и мантилью...

Мы быстро пріѣхали на виллу Хашимъ. Я задержался у крыльца, чтобы нарвать цвѣтовъ. Она не стала ждать меня, сама отворила дверь. Прислуги у меня не было, былъ только сторожъ, онъ не видѣлъ насъ. Когда я вступилъ въ полутемную отъ закрытыхъ жалюзи переднюю и подаль ей цвѣты, она поцѣловала ихъ, потомъ, обнявъ меня одной рукой, поцѣловала меня. Отъ волненія губы ея были сухи, но голосъ ясенъ.

— Но послушай... какъ же мы... есть что-нибудь съ тобой? — спросила она.

Я сперва не понялъ ея, такъ потрясъ меня этотъ первый поцѣлуй, это первое „ты“, и пробормоталъ:

— Что ты хочешь сказать?

Она отступила назадъ.

— Какъ? — сказала она съ изумленіемъ, почти стро-

го. — Неужели ты думалъ, что я... что мы можемъ жить послѣ этого? Есть ли у тебя что-нибудь, чтобъ умереть?

Я спохватился и поспѣшилъ показать ей заряженный пятью пулями револьверъ, съ которымъ никогда не разставался.

Она быстро пошла впередъ, изъ комнаты въ комнату. Всюду была полутьма. Я слѣдовалъ за ней съ тѣмъ помутнѣніемъ всѣхъ чувствъ, съ которымъ раздѣтый человѣкъ идетъ въ знойный день въ море, — слыша только шелестъ ея шелковыхъ юбокъ. Наконецъ мы пришли; она сбросила мантилью и стала развязывать ленты шляпы. Руки ея дрожали, и я еще разъ замѣтилъ сквозь сумракъ что-то жалкое и усталое въ ея лицѣ...

Но умерла она твердо. Въ послѣднія мгновенія она преобразилась. Цѣлуя меня и отстраняясь, чтобы видѣть мое лицо, она сказала мнѣ шопотомъ нѣсколько столь нѣжныхъ и трогательныхъ словъ, что я не въ силахъ повторить ихъ.

Я хотѣлъ пойти нарвать еще цвѣтовъ, чтобы осыпать ими наше погребальное ложе. Она не пустила меня, она торопилась, она говорила: — „Нѣтъ, нѣтъ, не надо... цвѣты есть... вотъ твои цвѣты“ — и все повторяла:

— Итакъ, заклинаю тебя всѣмъ для тебя священнымъ, что ты убьешь меня!

— Да, а затѣмъ себя, — сказала я, ни секунды не сомнѣваясь въ своей рѣшимости.

— О, я вѣрю, вѣрю, — отвѣчала она уже какъ бы въ забытѣ...

За минуту до смерти она сказала очень тихо, но просто:

— Боже мой, этому имени нѣтъ!

И еще:

— Гдѣ цвѣты, что ты далъ мнѣ? Поцѣлуй меня — въ послѣдній разъ.

Она сама приставила дуло къ виску. Я хотѣлъ выстрѣлить, она остановила меня:

— Нѣтъ, нехорошо, дай я поправлю. Вотъ такъ, дитя мое... А *потомъ* перекрести меня и положи мнѣ цвѣты на грудь...

Когда я выстрѣлилъ, она сдѣлала легкое движеніе губами. Я выстрѣлилъ еще разъ...

Она лежала спокойно. Волосы ея были распущены, черепаховый гребень валялся на полу. Я, шатаясь, всталъ, чтобъ покончить съ собой. Но въ комнатѣ, несмотря на жалюзи, было свѣтло, я рѣзко видѣлъ въ этомъ свѣтѣ ея уже поблѣднѣвшее лицо... И тутъ мной вдругъ овладѣло безуміе, я бросился къ окну, раскидалъ, распахнулъ ставни, сталъ кричать и стрѣлять въ воздухъ... Остальное вы знаете...

1916.

Метеоръ

Рождество, много снѣгу, ясные морозные дни, извозчики ѣздятъ рѣзво, вызывающе, съ двухъ часовъ на каткѣ въ городскомъ саду играетъ военная музыка.

Верстахъ въ трехъ отъ города старая сосновая роща.

Смѣясь, переговариваясь, идутъ къ ней по снѣжному полю, суютъ ногами въ длинныхъ шведскихъ лыжахъ, держа въ правой рукѣ длинныя, тонкія палки съ колесиками на концѣ, лицеистъ, гимназистка, высокій и полный богатый молодой человѣкъ, кадетъ и курсистка въ пенснѣ, очень близорукая, неловкая и очень обидчивая. Она одна молчитъ, идетъ старательнѣе и хуже всѣхъ. Всѣ одѣты такъ, какъ ходятъ на катокъ. Одна она въ настоящемъ лыжномъ костюмѣ, въ бѣлой вязаной рубахѣ и такой же шапкѣ.

Роща близится, становится живописнѣе, величественнѣе, чернѣе и зеленѣе. Надъ нею уже стоитъ прозрачно-блѣдная круглая луна. Справа чистое солнце почти касается вдали золотисто-блестящей снѣжной равнины съ чуть замѣтнымъ зеленоватымъ тономъ.

Курсистка впереди всѣхъ, — порой спотыкаясь и роняя пенснѣ, она первая входитъ въ рощу, въ огромную снѣжную просѣку среди мачтовыхъ сосенъ. Лыжный костюмъ обтягиваетъ ея большой задъ и груди. Живой, смуглый, широконосый кадетъ, не отставая отъ нея ни на шагъ, все подсмѣивается надъ ней, все острить. Она каждый разъ зло и находчиво отвѣчаетъ ему, старательно дѣлая свое дѣло. Однако между ними что-то есть.

Въ рошѣ вечерѣть, морозить, высокое небо надъ просѣкой холодѣть и синѣть; далеко впереди, за поляной, верхушки нѣсколькихъ сосенъ, особенно высокихъ, краснѣютъ. Въ рошѣ еще слаще чувствовать себя молодымъ, праздничнымъ, все время близкимъ къ какому-то счастью, дышать этимъ зимнимъ, эфирнымъ воздухомъ. Лицеистъ ждетъ счастья напряженнѣ всѣхъ, двигаясь все время рядомъ съ гимназисткой.

Спокойнѣ прочихъ богатый молодой человекъ съ его всегдашнимъ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ его тонкимъ, пятнистымъ, аристократическимъ румянцемъ.

На полянѣ останавливаются, весело отдыхая и говоря всѣ разомъ, мужчины курятъ, испытывая отъ табаку особенное наслажденіе. У всѣхъ возбужденныя лица, блестящіе глаза, легкій иней на рѣсницахъ.

— Теперь куда?

— Конечно, внизъ, на рѣку!

— А вонъ, господа, еще лыжники!

— Кто это? Неужели Ильины? Вотъ пріятная встрѣча!

Пролеты высокихъ аллеѣ расходятся отъ поляны во всѣ стороны. Въ той, что ведетъ прямо къ рѣкѣ, приближаются двѣ фигуры, мужчина и женщина. Слышенъ звонкій женскій смѣхъ, кажущійся притворнымъ.

— Кто это? — спрашиваетъ гимназистка лицеиста. — Вы лучше меня видите.

— Ваши партнеры по любительскому спектаклю. Залѣсская съ Потемкинымъ.

— Ахъ, я не хочу встрѣчаться съ ними. Я ее терпѣть не могу. Уйдемъ куда-нибудь. Встрѣтимся съ нашими на лугу.

— Слушаю-съ. — Господа, мы вамъ пока откланиваемся. До скорого свиданія на рѣкѣ.

— Это почему? — спрашиваетъ кадетъ, нелѣпо выкатывая глаза. — Что сей внезапный сонъ значитъ?

— Намъ пора отношенія выяснить, — отвѣчаетъ гимназистка, смѣясь. — Au revoir, господа. Можете намъ завидовать.

И взявшись за руки, лицеистъ и гимназистка ѣдутъ

въ проську направо. Ихъ провожаютъ напутственными криками, шутками.

У лицеиста крѣпко бьется сердце. Онъ чувствуетъ, что она, подъ видомъ шутки, съ той спокойной и удивительной смѣлостью, на которую способны только женщины, сказала правду. Онъ знаетъ, что за эти праздничные дни все сказано безъ словъ между нимъ и ею, что они ждутъ только момента и рѣшительности осуществить это сказанное безъ словъ. И вотъ этотъ моментъ внезапно насталъ. Однако, она идетъ и молчитъ, и его волненіе увеличивается сомнѣніемъ, не ошибается ли онъ.

Она молчитъ, она спокойно и какъ ни въ чемъ не бывало двигаетъ лыжами. И отъ волненія молчитъ и онъ, или же говорить что-нибудь явно ненужное.

— Хотите итти слѣва? Тутъ глубже снѣгъ...

— Нѣтъ, спасибо, мнѣ очень хорошо...

И опять молча суютъ они лыжи, слегка наклоняясь впередъ. Снѣгъ вокругъ, среди сосновыхъ розоватыхъ стволовъ, становится все глубже, бѣлѣе, сосны все чаще, оснѣженнѣе. Вечеръ мягко мѣняетъ краски, все больше сливаясь съ воцаряющейся лунной ночью.

— Охъ, я, кажется, устала! — говоритъ она, наконецъ, поворачивая къ нему раскраснѣвшееся лицо и слегка улыбаясь. — Куда мы идемъ? Мы заблудимся...

У него еще больше замираетъ сердце, но онъ отвѣчаетъ, стараясь говорить какъ можно обыденнѣе:

— Еще немного. Скоро опять поляна и скамейка, — развѣ вы не помните? Вы потише, поровнѣе. Вотъ такъ: разъ, разъ... разъ, разъ...

На полянѣ, возлѣ скамейки, утонувшей въ снѣгу, онъ отпускаетъ ея руку и только отпустивъ, чувствуетъ, какое это было наслажденіе держать ее, какъ будто сосредоточившую въ себѣ всю прелесть всего ея женскаго существа.

Онъ утаптываетъ снѣгъ возлѣ скамейки, срѣзаетъ лыжей снѣжную подушку съ нея, смахиваетъ платкомъ сухіе остатки снѣга. Она садится и на минуту блаженно закрываетъ глаза.

— Какъ хорошо. Какая тишина. — Какія это птицы?
По кустамъ можжевельника перелетаютъ толстые,
зобастые, съ красными грудками снѣгири.

— Это снѣгири.

— Какъ они красивы!

— Хотите, убью одного?

И онъ вынимаетъ изъ кармана маленькій револьверъ.

— Нѣтъ, не надо, — говоритъ она съ нерѣшительной улыбкой.

Толстый снѣгирь перелетаетъ ближе.

— Видите, онъ самъ идетъ навстрѣчу смерти. — Такъ я стрѣляю.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо.

— Вы боитесь?

— Нѣтъ, но не хочу...

Она слабо махаетъ рукой на снѣгиря, но снѣгирь перелетаетъ еще ближе. И тотчасъ же, какъ хлопнувшей кнутъ, раздается выстрѣлъ, отъ котораго она въ страхѣ закрываетъ глаза и затыкаетъ уши.

Снѣгиря на кустѣ уже нѣтъ, Прوماхъ, конечно? Поднявъ глаза кверху, они видятъ, что луна среди верхушекъ сосенъ уже въ сяннн и возлѣ нея вьется серебристый ястребокъ, котораго откуда-то спугнулъ выстрѣлъ. Потомъ смотрятъ въ кусты. Снѣгирь взъерошеннымъ комочкомъ лежитъ на снѣгу.

— Это совершенно неправдоподобно! — восклицаетъ лицеистъ, кидаясь къ нему. — Изъ револьвера и вдругъ попасть!

И еще напряженнѣе чувствуетъ, что время идетъ, а они оба говорятъ и дѣлаютъ совсѣмъ не то, что надо.

— И вамъ не жаль? — спрашиваетъ она, разглядывая еще теплаго снѣгиря.

— Увы, ничуть! — шутливо выговариваетъ онъ съ трудомъ, стукнувъ отъ внутренней дрожи зубами при взглядѣ на ея губы, мѣхъ вокругъ шеи, маленькіе ботинки въ снѣгу. — Вы запачкали кровью руку...

Она кладетъ снѣгиря на скамейку и поднимаетъ на него глаза, которые кажутся вопросительными и ждущими.

— Дайте вытру снѣгомъ...

Она протягиваетъ руку. Онъ вытираетъ, замирая отъ нестерпимаго желанія цѣловать, кусать ее.

Вечера уже почти нѣтъ. Луна между соснами уже зеркальная. Въ легкой тѣни отъ верхушекъ сосенъ снѣгъ принялъ цвѣтъ золы, а на мѣстахъ освѣщенныхъ искрится алмазами. Морозить все крѣпче.

— Однако, что-же это мы? — говоритъ она, вдругъ поднимаясь. — Мы рискуемъ не найти ихъ. Идемте скорѣе!

И опять они берутся за руки и поспѣшно двигаютъ лыжами. Проходитъ десять, пятнадцать минутъ...

— Постойте! Мы, кажется, совсѣмъ не туда идемъ! Гдѣ мы? Опять какая-то поляна...

— Нѣтъ, вѣрно, — говоритъ лицеистъ. — Видите, — поляна покатаая, это уже спускъ къ рѣкѣ. Мы незамѣтно все время забирали влѣво.

Но она стоитъ, растерянно оглядываясь. Поляна глухая, въ глубокомъ снѣгу. Надъ головою уже совсѣмъ по ночному блещетъ луна, тѣни межъ сосенъ черны, четки, на краю поляны тонетъ въ сугробахъ черная изба безъ оконъ, снѣжная, пухлая крыша ея вся играетъ бѣлыми и синими брилліантами. Тишина мертвая.

— Вы куда-то завели меня, — говоритъ она негромко, уже съ неподдѣльнымъ страхомъ. — Идемъ назадъ.

Но онъ странно смотритъ на нее и тянетъ ее за руку впередъ.

— Давайте только заглянемъ въ эту избу... На одну минуту...

Она дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, но возлѣ избы рѣшительно противится, останавливается и отнимаетъ у него руку. Онъ, бросивъ лыжи, идетъ по твердому сугробу къ раскрытой двери и, наклоняясь, скрывается въ ея темнотѣ. Черезъ минуту раздается изъ избы его голосъ:

— Какъ здѣсь хорошо! Загляните хоть въ окно! Неужели вы боитесь?

— Нѣтъ, но не хочу. Гдѣ вы? Пойдемте, поздно.

— Какъ красивъ здѣсь лунный свѣтъ! Это что-то сказочное!

— Если вы не выйдете, я уйду одна..

И скрипя по морозному снѣгу, она подходит къ окну, заглядываетъ въ него:

— Гдѣ вы тамъ?

И вдругъ ее ослѣпляетъ такимъ дивнымъ, такимъ страшнымъ и райски прекраснымъ зеленымъ свѣтомъ отъ прорѣзавшаго все небо и разорвавшагся метеора, что она вскрикиваетъ и въ ужасѣ бросается въ дверь избы...

Черезъ полчаса они снова выходятъ на залитую луною поляну и уже до самой рѣки, гдѣ слышны призывные крики къ нимъ, не могутъ произнести ни слова.

Парижъ, 1920.

Неизвѣстный другъ

7 октября, 19... г.

На этой *carte-illustrée* съ такимъ печальнымъ и величественнымъ видомъ лунной ночи у береговъ Атлантическаго океана спѣшу написать Вамъ мою горячую благодарность за Вашу послѣднюю книгу. Эти берега — моя вторая родина, это послѣдняя граница европейскихъ владѣній Британіи, — видите, изъ какого далека шлетъ Вамъ привѣтъ одинъ изъ Вашихъ неизвѣстныхъ друзей. Будьте счастливы и да сохранить Васъ Богъ.

8 октября.

Вотъ еще одинъ видъ той одинокой страны, куда навѣки забросила меня судьба.

Вчера подъ ужаснымъ дождемъ, — у насъ вѣчный дождь, — ѣздила по дѣламъ въ городъ, случайно купила Вашу книгу и читала ее не отрываясь на возвратномъ пути на виллу, гдѣ мы живемъ круглый годъ изъ-за моего слабаго зодоровья. Отъ дождя, отъ тучъ было почти темно, цвѣты и зелень въ садахъ были необыкновенно ярки, пустой трамвай шелъ быстро, кидая фіолетовыя вспышки, а я читала, читала и, неизвѣстно почему, чувствовала себя почти мучительно счастливой.

Прощайте, еще разъ благодарю Васъ. Хочется еще что-то сказать Вамъ, но что? Не знаю, не умѣю опредѣлить.

10 октября.

Не могу удержаться и опять пишу Вамъ. Думаю, что Вы получаете такихъ писемъ слишкомъ много. Но вѣдь все это отклики именно тѣхъ человѣческихъ душъ, для которыхъ и творите Вы. Такъ зачѣмъ же мнѣ молчать? Вы первый вступили въ общеніе со мной, выпустивъ въ свѣтъ, то есть и для меня, свою книгу...

И нынче цѣлый день сыплется дождь на нашъ почти неестественно зеленый садъ, и въ комнатѣ у меня сумрачно и съ утра топится каминъ. Мнѣ хотѣлось бы сказать Вамъ многое, но вѣдь Вы знаете лучше другихъ, какъ это трудно, почти невозможно — высказывать себя. Я все еще подъ впечатлѣніемъ чего-то непонятнаго и неразрѣшающагося, но прекраснаго, чѣмъ я обязана Вамъ, — объясните, что это такое, это чувство? И что вообще испытываютъ люди, подвергаясь воздѣйствію искусства? Очарованіе отъ человѣческой умѣлости, силы? Возбужденное желаніе личнаго счастья, которое всегда, неугасимо живетъ въ насъ и особенно оживаетъ подъ вліяніемъ чего-нибудь, дѣйствующаго чувственно, — музыки, стиховъ, какого-нибудь образнаго воспоминанія, какого-нибудь запаха? Или же это радость ощущенія божественной прелести человѣческой души, которую открываютъ намъ немногіе, подобные Вамъ, напоминающіе, что она все-таки есть, есть, эта божественная прелесть? Вотъ я что-нибудь читаю, — иногда даже что-нибудь ужасное, — и вдругъ говорю: Боже, какъ это прекрасно! Что это значить? Можетъ быть, это значить: какъ все-таки прекрасна жизнь!

До свиданья, скоро еще напишу Вамъ. Думаю, что въ этомъ нѣтъ никакой не деликатности, что это принято — писать писателямъ. Кромѣ того, Вы вѣдь можете и не читать моихъ писемъ... хотя, конечно, мнѣ это будетъ очень грустно.

Ночью.

Простите, это можетъ прозвучать дурно, но не могу не сказать: я не молода, у меня дочь пятнадцати лѣтъ,

совсѣмъ уже барышня, но я была когда-то не совсѣмъ дурна и не слишкомъ рѣзко измѣнилась съ тѣхъ... Мнѣ все-таки не хочется, чтобы Вы представляли себѣ меня не такой, какая я есть.

11 октября.

Я написала Вамъ въ силу потребности раздѣлить съ Вами то волненіе, которое произвелъ на меня Вашъ талантъ, дѣйствующій, какъ печальная, но возвышенная музыка. Зачѣмъ это нужно — раздѣлить? Я не знаю, да и Вы не знаете, но мы оба хорошо знаемъ, что эта потребность человѣческаго сердца неискоренима, что безъ этого нѣтъ жизни и что въ этомъ какая-то великая тайна. Вѣдь и Вы пишете только въ силу этой потребности и даже болѣе — Вы отдаете ей всего себя всецѣло.

Я всегда много читала, — и много вела дневниковъ, какъ всѣ неудовлетворенные жизнью люди, — много читаю и теперь, читала и Васъ, но мало, больше знала Васъ лишь по имени. И вотъ эта Ваша новая книга... Какъ это странно! Чья-то рука гдѣ-то и что-то написала, чья-то душа выразила малѣйшую долю своей сокровенной жизни малѣйшимъ намекомъ, — что можетъ выразить слово, даже такое, какъ Ваше! — и вотъ вдругъ исчезаетъ пространство, время, разность судебъ и положеній, и Ваши мысли и чувства становятся моими, нашими общими. Поистинѣ только одна, единая есть душа въ мірѣ. И развѣ не понятенъ послѣ этого мой порывъ написать Вамъ, что-то высказать, что-то раздѣлить съ Вами, на что-то пожаловаться? Развѣ Ваши произведенія не то же самое, что мои письма къ Вамъ? Вѣдь и Вы что-то и кому-то высказываете, посылаете свои строки кому-то невѣдомому и куда-то въ пространство. Вѣдь и Вы жалуетесь, чаще всего только жалуетесь, потому что жалоба, иными словами, мольба о сочувствіи, наиболѣе неразлучна съ человѣкомъ: сколько ея въ пѣсняхъ, молитвахъ, стихахъ, любовныхъ изліяніяхъ!

Можетъ быть, Вы отвѣтите мнѣ, хотя двумя словами? Отвѣтьте!

13 октября.

Опять пишу Вамъ ночью, уже въ спальнѣ, мучимая непонятнымъ желаніемъ сказать то, что такъ легко обозвать наивностью, что скажется во всякомъ случаѣ не такъ, какъ чувствуется. А хочется мнѣ сказать въ сущности очень немногое: только то, что мнѣ очень грустно, очень жаль себя — и что я все-таки счастлива этой грустью и тѣмъ, что мнѣ жаль себя. Мнѣ грустно думать, что я гдѣ-то въ чужой странѣ, на самыхъ западныхъ берегахъ Европы, на какой-то виллѣ за городомъ, среди осенней ночной темноты и тумана съ моря, идущаго вплоть до Америки. Грустно, что я одна не только въ этой уютной и прелестной комнатѣ, но и во всемъ мірѣ. И всего грустнѣй, что Вы, котораго я выдумала и отъ котораго уже чего-то жду, такъ бесконечно далеко отъ меня и такъ мнѣ невѣдомы, и, конечно, что бы я тамъ ни говорила, такъ чужды мнѣ и такъ правы въ этомъ...

Въ сущности, все въ мірѣ прелестно, даже вотъ этотъ абажуръ на лампѣ и ея золотистый свѣтъ, и сверкающее бѣлье на моей уже открытой постели, и мой халатъ, моя нога въ туфлѣ и моя худая рука въ широкомъ рукавѣ. И всего бесконечно жаль: къ чему все? Все проходитъ, все пройдетъ и все тщетно, какъ и мое вѣчное ожиданіе чего-то, замѣняющее мнѣ жизнь...

Очень прошу—напишите мнѣ. Конечно, два-три слова, только для того, чтобы я знала, что Вы слышите меня. Простите мою настойчивость.

15 октября.

Это нашъ городъ, нашъ соборъ. Пустынные скалистые берега, — моя первая *carte-postale* къ Вамъ, — дальше, сѣвернѣе. Но и городъ, соборъ — все угрюмо, черно у насъ. Гранитъ, шиферъ, асфальтъ и дождь, дождь...

Да, напишите мнѣ кратко, я очень хорошо понимаю, что Вамъ нечего сказать мнѣ, кромѣ двухъ-трехъ словъ, и, повѣрьте, ни чуть не буду въ обидѣ. Но напишите, напишите!

21 октября.

Увы, письма отъ Васъ нѣтъ. А прошло уже пятнадцать дней съ тѣхъ поръ, какъ я написала Вамъ въ первый разъ...

Но можетъ быть, Вашъ издатель еще не переслалъ Вамъ моихъ писемъ? Можетъ быть, Васъ отвлекають срочныя занятія, свѣтская жизнь? Это очень грустно, но все же лучше, чѣмъ думать, что Вы просто пренебрегли моей просьбой. Думать такъ очень обидно и больно. Вы скажете, что я не имѣю никакого права на Ваше вниманіе и что, слѣдовательно, ни обидѣ, ни боли не можетъ быть мѣста. Но точно ли не имѣю я этого права? А можетъ быть, оно уже есть у меня, разъ я испытала извѣстныя чувства къ Вамъ? Развѣ былъ, напримѣръ, хоть одинъ Ромео, который не требовалъ взаимности даже и безъ всякихъ основаній, или Отелло, который ревновалъ бы по праву? Оба они говорятъ: разъ я люблю, какъ можно не любить меня, какъ можно измѣнять мнѣ? Это не простое хотѣніе, чтобы меня любили, это гораздо сложнѣе и больше. Разъ я что-нибудь или кого-нибудь люблю, это уже мое, во мнѣ... Впрочемъ, не умѣю объяснить Вамъ этого какъ слѣдуетъ, знаю только, что такъ казалось и кажется людямъ всегда, и чувствую, что тутъ скрывается что-то очень глубокое. Все дивно, все непонятно въ мірѣ...

Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, а отвѣта отъ Васъ нѣтъ, а я опять пишу. Неожиданно выдумала, что Вы мнѣ чѣмъ-то близки, — хотя опять-таки выдумала ли? — и сама повѣрила своей выдумкѣ и упорно стала писать Вамъ и уже знаю, что чѣмъ больше буду писать Вамъ, тѣмъ все необходимѣе будетъ для меня дѣлать это, потому что все болѣе будетъ усиливаться какая-то связь между мною и Вами. Я Васъ не представляю себѣ, совсѣмъ не вижу даже Вашего физическаго облика. Такъ кому же я пишу? Самой себѣ? Но все равно. Вѣдь и я — Вы.

И все же — отзовитесь!

22 октября.

Нынче дивный день, на душѣ у меня легко, окна открыты, и солнце и теплый воздухъ напоминають о веснѣ. Странный этотъ край! Лѣтомъ дождливо и холодно, осенью, зимой — дождливо и тепло, но порой выпадаютъ такіе прекрасные дни, что не знаешь: зима это или итальянская весна? О, Италія, Италія и мои восемнадцать лѣтъ, мои надежды, моя радостная довѣрчивость, мои ожиданія на порогѣ жизни, которая была вся впереди и вся въ солнечномъ туманѣ, какъ горы, долины и цвѣтушіе сады вокругъ Везувія! Простите, знаю, что все это слишкомъ не ново, но что мнѣ до того?

Ночью.

Можетъ быть, Вы оттого не писали мнѣ, что я для Васъ слишкомъ отвлеченна? Тогда вотъ еще нѣсколько чертъ моей жизни. Я уже шестнадцать лѣтъ замужемъ. Мой мужъ французъ, я познакомилась съ нимъ однажды зимой на французской Ривьерѣ, вѣнчалась въ Римѣ, а послѣ свадебнаго путешествія по Италіи навсегда поселилась здѣсь. У меня трое дѣтей, мальчикъ и двѣ дѣвочки. Люблю ли я ихъ? Да, но все же не такъ, какъ чаще всего любятъ матери, видящія жизнь только въ семьѣ, въ дѣтяхъ. Пока дѣти были маленькими, я за ними непрестанно ухаживала, раздѣляла съ ними всѣ ихъ игры и занятія, но теперь они во мнѣ больше не нуждаются, и у меня много свободнаго времени, которое я провожу въ чтеніи. Родные мои далеко, наши жизни разошлись, и общихъ интересовъ у насъ такъ мало, что мы даже переписываемся очень рѣдко. Въ связи съ положеніемъ моего мужа мнѣ часто приходится бывать въ обществѣ, принимать и отдавать визиты, бывать на вечерахъ и обѣдахъ. Но друзей и подругъ у меня нѣтъ. На здѣшнихъ дамъ я не похожа, а въ дружбу между женщиной и женщиной я не вѣрю...

Но довольно обо мнѣ. Если отвѣтите, скажите хоть что-нибудь о себѣ. Какой Вы? Гдѣ Вы постоянно живете?

Любите ли Вы Шекспира или Шелли, Гете или Данте, Бальзака или Флобера? Любите ли музыку и какую? Женаты ли Вы? Связаны ли Вы уже наскучившей связью или у Васъ есть невѣста въ той нѣжной и прекрасной порѣ, когда все ново и радостно, когда еще нѣтъ воспоминаній, которыя только томятъ, обманываютъ, будто было счастье, непонятное и неиспользованное?

Напишите мнѣ, если можете!

1 ноября.

Письма отъ Васъ нѣтъ. Какое мученіе! Такое мученіе, что я иногда проклиная день и часъ, когда рѣшилась написать Вамъ...

И хуже всего то, что изъ этого нѣтъ выхода. Сколько бы я ни увѣряла себя, что письма не будетъ, что мнѣ нечего ждать, я все-таки жду: кто же можетъ поручиться, что его дѣйствительно не будетъ? Ахъ, если бы твердо знать, что Вы не напишете! Я была бы и этимъ счастлива. Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ, надѣяться все-таки лучше. Я надѣюсь, я жду!

3 ноября.

Письма нѣтъ, и мои мученія продолжаются...

Впрочемъ, тяжелы только утренніе часы, когда я съ неестественнымъ спокойствіемъ и медлительностью; но съ холодными отъ скрытаго волненія руками одѣваюсь, захожу къ кофе, прохожу музыкальный урокъ съ дочерью, которая разучиваетъ его такъ трогательно прилежно и сидитъ за піанино такъ прямо, такъ прелестно прямо, какъ умѣютъ это только дѣвочки по пятнадцатому году. Въ полдень приходитъ наконецъ почта, я бросаюсь къ ней, ничего не нахожу — и почти успокаиваюсь до слѣдующаго утра...

А нынче опять прелестный день. Низкое солнце ясно и кротко. Въ саду много голыхъ, черныхъ деревьевъ, цвѣтутъ осенніе цвѣты. И что-то тонкое, голубое, необычно-

венно прекрасное въ долинахъ, за вѣтвями сада. И въ сердцѣ благодарность кому-то и за что-то. За что? Вѣдь ничего нѣтъ и не будетъ... хотя такъ ли это, точно ли ничего нѣтъ, разъ она есть, эта умиляющая душу благодарность?

Благодарю и Васъ за то, что Вы дали мнѣ возможность выдумать Васъ. Вы меня никогда не узнаете, никогда не встрѣтите, но и въ этомъ много печальной прелести. И, быть можетъ, хорошо, что Вы не пишете, что вы не написали мнѣ ни слова и что я совсѣмъ не вижу Васъ живымъ. Развѣ я могла бы говорить съ Вами и чувствовать Васъ такъ, какъ сейчасъ, если бы я Васъ знала, даже если бы имѣла хоть одно письмо отъ Васъ? Вы непременно были бы уже не такой, непременно чуть-чуть хуже, и мнѣ было бы менѣе свободно писать Вамъ...

Свѣжѣть, а я все не закрываю окна и все смотрю въ голубую дымку низменностей и холмовъ за садомъ. И это голубое мучительно прекрасно, мучительно потому, что непременно нужно что-то сдѣлать съ нимъ. Что сдѣлать? Я не знаю. Мы ничего не знаемъ!

5 ноября.

Это похоже на дневникъ, но это все-таки не дневникъ, потому что теперь у меня есть читатель, пусть хотя бы и предполагаемый...

Что побуждаетъ писать Васъ? Желаніе рассказать что-нибудь или высказать (хоть бы иносказательно) себя? Конечно, второе. Девять десятыхъ писателей, даже самыхъ славныхъ, только рассказчики, то есть въ сущности не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что можетъ достойно называться искусствомъ. А что такое искусство? Молитва, музыка, пѣсня человѣческой души... Ахъ, если бы оставить послѣ себя хоть нѣсколько строкъ о томъ, что вотъ и я жила, любила, радовалась, что и у меня была молодость, весна, Италия... что есть далекая страна на берегахъ Атлантическаго океана, гдѣ я живу, люблю и все еще чего-то жду даже и теперь... что есть въ этомъ океанѣ

дикіе и бѣдныя острова и дикая, бѣдная жизнь какихъ-то чуждыхъ всему міру людей, ни происхожденія, ни темнаго языка, ни цѣли существованія которыхъ не знаетъ и никогда не узнаетъ никто...

Я все-таки жду, жду письма. Теперь это уже какъ бы навязчивая идея, родъ душевной болѣзни.

7 ноября.

Да, все дивно. Письма, конечно, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. И представьте себѣ: потому что нѣтъ этого письма, нѣтъ отвѣта отъ человѣка, котораго я никогда не видала и не увижу, нѣтъ отклика на мой голосъ, брошенный куда-то въ даль, въ свою мечту, у меня чувство страшнаго одиночества, страшной пустоты міра. Пустоты, пустоты!

И опять дождь, туманъ, будни. И это даже хорошо, то есть обычно, такъ, какъ надо. Это меня успокаиваетъ.

До свиданія, да проститъ Вамъ Богъ Вашу жестокость. Да, все-таки это почти жестоко.

8 ноября.

Три часа, а уже совсѣмъ сумерки отъ тумана и дождя.

А въ пять у насъ чай съ гостями.

Приѣдутъ подъ дождемъ, въ автомобиляхъ, изъ мрачнаго города, который въ дождь еще чернѣе со своимъ чернымъ мокрымъ асфальтомъ, черными мокрыми крышами и чернымъ гранитнымъ соборомъ, остріе котораго уносится въ дождь и мглу...

Я уже одѣта и какъ бы жду выхода на сцену. Жду того момента, когда я буду говорить все то, что полагается, буду любезна, оживлена, заботлива и только немного блѣдна, что такъ легко объяснить этой ужасной погодой. И, одѣтая, я какъ будто помолодѣла, чувствую себя старшей сестрой своей дочери и каждую минуту готова заплакать. Я все-таки пережила что-то странное, похожее на любовь. Къ кому? Въ силу чего?

Прощайте, я уже ничего не жду, — говорю это совершенно искренно и твердо.

10 ноября.

Прощайте, мой невѣдомый другъ. Кончаю свои безотвѣтныя письма тѣмъ же, чѣмъ и начала, — благодарностью. Благодарю Васъ, что вы не отозвались. Было бы хуже, если бы было иначе. Что бы Вы могли сказать мнѣ? И на чемъ могли бы мы съ Вами, безъ чувства неловкости, прервать переписку? И что бы я нашла сказать Вамъ еще кромѣ сказаннаго? Больше у меня ничего нѣтъ, — я все сказала. Въ сущности о всякой человѣческой жизни можно написать только двѣ-три строки. О, да. Только двѣ-три строки.

Со страннымъ чувствомъ, — точно я кого-то потеряла, — опять остаюсь одна, со своимъ домомъ, близостью туманнаго океана, осенними и зимними буднями. И опять возвращаюсь къ спокойному дневнику, странную надобность котораго, равно какъ и Вашихъ писаній, знаетъ только Богъ.

Нѣсколько дней тому назадъ видѣла Васъ во снѣ. Вы были какой-то странный, молчаливый, сидѣли въ углу темной комнаты и были не видны. А все-таки я Васъ видѣла. Но и во снѣ я чувствовала: какъ можно видѣть во снѣ того, кого никогда не видѣлъ въ жизни? Вѣдь только Богъ творить изъ ничего? И мнѣ было очень жутко, и я проснулась въ страхѣ, съ тяжелымъ чувствомъ.

Черезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ не будетъ, вѣроятно, ни меня, ни Васъ въ этомъ мірѣ. До встрѣчи въ иномъ! Кто можетъ быть увѣренъ, что его нѣтъ? Вѣдь мы не понимаемъ даже своихъ собственныхъ сновъ, созданий своего собственнаго воображенія. Наше ли оно, это воображеніе, то есть, говоря точнѣе, то, что мы называемъ нашимъ воображеніемъ, нашими выдумками, нашими мечтами? Нашей ли волѣ подчиняемся мы, стремясь къ той или иной душѣ, какъ я стремлюсь къ Вашей?

Прощайте. Или нѣтъ, все-таки до свиданія.

ВЪ НОЧНОМЪ МОРѢ

Пароходъ, шедшій изъ Одессы на Кавказъ, остановился ночью передъ Евпаторіей.

На пароходѣ и возлѣ него образовался сущій адъ. Грохотали лебедки, яростно кричали и тѣ, что принимали грузъ, и тѣ, что подавали его снизу, изъ огромной баржи; съ крикомъ, съ дракой осаждала пассажирскій трапъ и, какъ на приступъ, съ непонятной, бѣшеной поспѣшностью, лѣзла вверхъ со своими пожитками восточная чернь; электрическая лампочка, спущенная надъ площадкой трапа, рѣзко освѣщала густую и беспорядочную вереницу грязныхъ фесокъ и тюбановъ изъ башлыковъ, вытаращенные глаза, пробивавшіяся впередъ плечи, судорожно цѣплявшіяся за поручни руки; стонъ стоялъ и внизу, возлѣ послѣднихъ ступенекъ, поминутно заливаемыхъ волной; тамъ тоже дрались и орали, оступались и цѣплялись, тамъ стучали весла, сшибались другъ съ другомъ лодки, полныя народа, — онѣ то высоко взлетали на волнѣ, то глубоко падали, исчезали въ темнотѣ подъ бортомъ. А дельфиноподобную тушу парохода упруго, точно на резинѣ, валило то въ одну, то въ другую сторону...

Наконецъ стало стихать.

Очень прямой, съ прямыми плечами господинъ, поднявшійся на палубу въ числѣ послѣднихъ, подаль возлѣ рубки перваго класса свой билетъ и сакъ лакею и, узнавъ, что мѣстъ въ каютахъ нѣтъ, прошелъ на корму. Тутъ было темно, стояло нѣсколько полотняныхъ кресель, и только въ одномъ изъ нихъ чернѣла фигура полулежащаго

подъ пледомъ чловѣка. Новый пассажиръ выбралъ себѣ кресло въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Кресло было низкое, и, когда онъ сѣлъ, парусина натянулась и образовала очень удобный и пріятный уютъ. Пароходъ поднимало и опускало, медленно сносило, поворачивало теченіемъ. Дуль мягкій вѣтерокъ южной лѣтней ночи, слабо пахнущій моремъ. Ночь, по лѣтнему простая и мирная, съ чистымъ небомъ въ мелкихъ скромныхъ звѣздахъ, давала темноту мягкую, прозрачную. Далекіе огни были блѣдны и потому, что часъ былъ поздній, казались сонными. Вскорѣ на пароходѣ и совсѣмъ все пришло въ порядокъ, послышались уже спокойные командные голоса, загремѣла якорная цѣпь... Потомъ корма задрожала, зашумѣла винтами и водой. Низко и плоско разсыпанные на далекомъ берегу огни поплыли назадъ. Качать перестало...

Можно было подумать, что оба пассажира спятъ, такъ неподвижно лежали они въ своихъ креслахъ. Но нѣтъ, они не спали, они пристально смотрѣли сквозь сумракъ другъ на друга. И, наконецъ, первый, тотъ, у котораго ноги были покрыты пледомъ, просто и спокойно спросилъ:

— Вы тоже въ Крымъ?

И второй, съ прямыми плечами, не спѣша отвѣтилъ ему тѣмъ-же тономъ:

— Да, въ Крымъ и дальше. Побуду въ Алупкѣ, потомъ поѣду въ Гагры.

— Я васъ сразу узналъ, — сказалъ первый.

— И я васъ узналъ и тоже сразу, — отвѣтилъ второй.

— Очень странная и неожиданная встрѣча.

— Какъ нельзя болѣе.

— Собственно, я не то, что узналъ васъ, а у меня какъ-будто уже заранѣе таилось такое чувство, что вы почему-то должны появиться, такъ что и узнавать было не нужно.

— Совершенно то-же самое испыталь и я.

— Да? Очень странно. Какъ тутъ не сказать, что въ жизни все таки бываютъ минуты — ну, необыкновенныя, что-ли? Жизнь, можетъ быть, не такъ ужъ проста, какъ кажется.

— Можетъ быть. Но вѣдь можетъ быть и другое: то, что мы съ вами просто вообразили сію минуту эти чувства нашего якобы предвидѣнія.

— Можетъ быть. Да, весьма возможно. Даже скорѣе всего, что такъ.

— Ну вотъ видите. Мы умствуемъ, а жизнь, можетъ быть, очень проста. Просто похожа на ту свалку, которая была сейчасъ возлѣ трапа. Куда эти дураки такъ спѣшили, давя другъ друга?

И собесѣдники немного помолчали. Потомъ снова заговорили.

— Сколько мы съ вами не видались? Двадцать три года? — спросилъ первый пассажиръ, тотъ, что лежалъ подъ пледомъ.

— Да, почти такъ, — отвѣтилъ второй. — Осенью будетъ ровно двадцать три. Намъ съ вами это очень легко подсчитать. Почти четверть вѣка.

— Большой срокъ. Цѣлая жизнь. То-есть я хочу сказать, что обѣ наши жизни почти уже кончены.

— Да, да. И что-же? Развѣ намъ страшно, что кончены?

— Гмъ! Конечно, нѣтъ. Почти ничуть. Вѣдь это все враки, когда мы говоримъ себѣ, что страшно, то-есть когда мы стараемся пугаться, что вотъ, молъ жизнь прожита и черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ придется лежать въ могилѣ. А вѣдь подумайте: въ могилѣ. Не шуточная вещь.

— Совершенно вѣрно. И я даже гораздо больше скажу. Вы вѣдь знаете, вѣроятно, какъ я, что называется, знаменитъ въ медицинскомъ мірѣ?

— Кто-жъ этого не знаетъ! Конечно, знаю. А что вашъ покорный слуга тоже прославился, вамъ извѣстно?

— Ну, разумѣется. Можно сказать, вашъ поклонникъ.

— Да, да, двѣ знаменитости. — Ну, такъ что вы хотѣли сказать?

— А то, что благодаря своей знаменитости, то-есть нѣкоторымъ знаніямъ, не Богъ вѣсть какой мудрости, но все таки довольно основательнымъ, я знаю почти безо-

шибочно, что жить мнѣ осталось даже и не десять лѣтъ, а нѣсколько мѣсяцевъ. Ну, самое большее—годъ. У меня достовѣрно установленная и мною самимъ и сотоварищами по ремеслу смертельная болѣзнь. И увѣряю васъ, я все-таки живу почти какъ ни въ чемъ не бывало. Только саркастически усмѣхаюсь: хотѣлъ, изволите-ли видѣть, всѣхъ перещеголять въ знаніи всяческихъ причинъ смерти, чтобы славиться и великолѣпно жить, и на свою голову добился—великолѣпно узнать свою собственную смерть. То бы меня дурачили, обманывали,—что вы, батенька, мы еще повоюемъ, чертъ возьми!—а тутъ какъ обманешь, какъ соврешь? Глупо и неловко. До того неловко, что даже пересаливаютъ въ откровенности, смѣшанной съ умиленіемъ и льстивостью: „Что-жъ, уважаемый коллега, не намъ съ вами хитрить... *Finita la comedia!*“

— Вы это серьезно? — спросилъ первый пассажиръ.

— Совершенно серьезно,—отвѣтилъ второй. — И вѣдь главное что? Какой-то тамъ Кай смертенъ, ergo умру и я, да вѣдь когда-то еще это будетъ! Но тутъ, къ сожалѣнію, дѣло совсѣмъ иное: не когда-то, а черезъ годъ. А много-ли времени годъ? Будущимъ лѣтомъ вы вотъ такъ-же будете плыть куда-нибудь по синимъ волнамъ океана, а въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ, будутъ лежать мои благородныя кости. Ну и что-же? Да то, что я почти ровно ничего не чувствую при мысли объ этомъ и, что хуже всего, вовсе не вслѣдствіе какого-то тамъ мужества, которое видятъ во мнѣ студенты, когда я расписываю имъ свою болѣзнь и ея теченіе, какъ нѣчто интересное съ клинической точки зрѣнія, а просто такъ, по какому-то идиотическому безчувствію. Да ничего не чувствуютъ и всѣ окружающіе меня, знающіе мою роковую тайну. И вотъ вы, напримѣръ, — развѣ вамъ страшно за меня?

— Страшно ли за васъ? Нѣтъ, сознаюсь, — въ сущности нисколько.

— И, конечно, ничуть не жаль меня?

— Нѣтъ, и не жаль. И при томъ вы, я думаю, нисколько не вѣрите въ тѣ блаженныя мѣста, гдѣ нѣтъ ни печали ни воздыханія, а только райскія яблоки?

— Ну, какая тамъ у насъ съ вами вѣра...

И опять оба помолчали. Потомъ вынули портсигары, закурили.

— И вѣдь замѣтите, — сказалъ первый пассажиръ, тотъ, что лежалъ подъ пледомъ: — мы вѣдь съ вами ничуть не рисуемся, ничуть не играемъ сейчасъ ни другъ передъ другомъ, ни передъ воображаемымъ слушателемъ. Говоримъ мы, право-же, очень просто и безъ всякаго предумышленного цинизма, безъ всякаго ѣдкаго хвастовства, въ которомъ все-таки есть всегда нѣкая компенсація: вотъ, моль, извольте взглянуть, въ какомъ мы положеніи — ни у кого такого нѣтъ. Мы и бесѣдуемъ просто и умолкаемъ безъ всякой значительности, безъ всякой стоической мудрости. Говоря вообще, болѣе сладострастнаго животнаго, чѣмъ человѣкъ нѣтъ на землѣ, хитрая человѣческая душа изо всего умѣетъ извлекать самоуслажденіе. Но въ нашемъ съ вами случаѣ я даже и этого не вижу. И это тѣмъ болѣе любопытно, что вѣдь надо прибавить къ нашему, какъ вы выражаетесь, идиотскому безчувствію еще всю особенность нашихъ съ вами отношеній. Мы вѣдь съ вами ужасно тѣсно связаны. То есть, точнѣе говоря, должны были бы быть связаны.

— Еще бы! — отвѣтилъ второй. — Какой ужасъ, въ сущности, причинилъ я вамъ. Воображаю, что вы пережили.

— Да, и даже гораздо больше, чѣмъ вы можете вообразить. И вообще-то это ужасно, весь тотъ кошмаръ, который переживаетъ мужчина, любовникъ, мужъ, у котораго отняли, отбили жену и который по цѣлымъ днямъ и ночамъ, почти непрерывно, ежеминутно корчится отъ мукъ самолюбія, страшныхъ ревнивыхъ представленій о томъ счастьѣ, которое испытываетъ его соперникъ, и отъ безнадежной, безысходной нѣжности, — вѣрнѣе, половой умиленности, — къ потерянной самкѣ, которую хочется въ одно и то же время и задушить съ самой лютой ненавистью и осыпать самыми унижительными знаками истинно собачьей покорности и преданности. Это вообще несказанно ужасно. А вѣдь я къ тому-же не совсѣмъ обычный

человѣкъ, особь съ повышенной чувствительностью, съ повышеннымъ воображеніемъ. Вотъ тутъ и представьте, что я переживалъ въ теченіе цѣлыхъ годовъ.

— Неужели годовъ?

— Увѣряю васъ, что не менѣе трехъ лѣтъ. Да и потомъ еще долго одна мысль о васъ и о ней, о вашей съ ней близости, обжигала меня точно каленымъ желѣзомъ. Да оно и понятно. Ну, отбилъ человѣкъ, напримѣръ, невѣсту — это еще туда сюда. Но любовницу или, какъ въ нашемъ случаѣ, жену! Ту, съ которой ты, извините за прямоту, спалъ, всѣ особенности тѣла и души которой знаешь, какъ свои пять пальцевъ! Подумайте, какой тутъ просторъ ревнивому воображенію. Какъ перенести обладаніе ею другимъ? Все это просто выше человѣческихъ силъ. Изъ-за чего же я чуть не спился, изъ-за чего надорвалъ здоровье, волю? Изъ-за чего потерялъ пору самага яркаго расцвѣта силъ, таланта? Вы меня, говоря безъ всякаго преувеличенія, просто пополамъ переломили. Я сросся, конечно, да что толку? Прежняго меня все равно уже не было, да и не могло быть. Вѣдь, въ какую святая святыхъ всего моего существованія вторглись вы! Царевичъ Гаутама, выбирая себѣ невѣсту и увидавъ Ясодхару, у которой „былъ станъ богини и глаза лани весной“, навтворилъ, возбужденный ею, чертъ знаетъ чего въ состязаніи съ прочими юношами, — выстрѣлилъ, напримѣръ, изъ лука такъ, что было слышно на семь тысячъ миль, — а потомъ снялъ съ себя жемчужное ожерелье, обвинилъ имъ Ясодхару и сказалъ: „Потому я избралъ ее, что играли мы съ ней въ лѣсахъ въ давнопрошедшія времена, когда былъ я сыномъ охотника, а она дѣвой лѣсовъ: вспомнила ее душа моя!“ На ней было въ тотъ день черно-золотое покрывало, и царевичъ взглянулъ и сказалъ: „Потому черно-золотое покрывало на ней, что мириады лѣтъ тому назадъ, когда я былъ охотникомъ, я видѣлъ ее въ лѣсахъ пантерой: вспомнила ее душа моя!“ — Вы простите меня за всю эту поэзію, но въ ней огромная и страшная правда. Вы только вдумайтесь въ смыслъ этихъ поразительныхъ словъ на счетъ вспомнившей души и въ то, какой это

ужась, когда эту священнѣйшую въ мірѣ встрѣчу нарушаетъ посторонній. Кто знаетъ — я, можетъ быть, тоже выстрѣлилъ бы такъ, что было бы слышно за тысячи миль. И вотъ, вдругъ явились вы...

— Ну и что же вы чувствуете ко мнѣ теперь?—спросилъ господинъ съ прямыми плечами. — Злобу, отвращеніе, жажду мести?

— Представьте себѣ: ровно ничего. Несмотря на всю вышеприведенную тираду, ровно ничего. Ужась, ужась. Вотъ тебѣ и „вспомнила душа моя!“ Да вѣдь вы это хорошо знаете и сами, то-есть то, что я ничего не чувствую. Иначе бы не спросили.

— Вы правы. Знаю. И это тоже очень страшно.

— А намъ все таки нестрашно. Сплошной ужась: совсѣмъ не страшно.

— Да, въ сущности, ничуть. Говорятъ: прошлое, прошлое! А все вздоръ. Никакого прошлаго у людей, строго говоря, нѣтъ. Такъ только, слабый отзвукъ какой-то всего того, чѣмъ жила когда-то...

И собесѣдники еще разъ помолчали. Пароходъ дрожаль, шель; мѣрно возникаль и стихаль мягкій шумъ сонной волны, проносившейся вдоль борта; быстро, однообразно крутилась за однообразно шумящей кормой бичева лага, что-то порою отмѣчавшаго тонкимъ и таинственнымъ звономъ: дзиннь... Потомъ пассажиръ съ прямыми плечами спросилъ:

— Ну, а скажите... Что вы чувствовали, когда узнали о ея смерти? Тоже ничего?

— Да, почти ничего, — отвѣтилъ пассажиръ подпледомъ. — Больше всего нѣкоторое удивленіе своему безчувствію. Развернулъ утромъ газету — слегка ударило въ глаза: волею Божіею, такая-то... Съ непривычки очень странно видѣть имя знакомаго, близкаго въ этой черной рамѣ, на этомъ роковомъ мѣстѣ газеты, напечатанное торжественно, крупнымъ шрифтомъ... Затѣмъ постарался загрузить: да, моль, и это та самая, которая... Но —

Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ
смерти вѣсть

И равнодушно я внималъ ей...

Даже и грусти не вышло. Такъ только, слабая жалость какая-то... А вѣдь это была та самая, которую „вспомнила душа моя“, была моя первая и такая жестокая, многолѣтняя любовь. Я узналъ ее въ пору ея наивысшей прелести, невинности и той почти отроческой довѣрчивости и робости, которая потрясаетъ сердце мужчины несказанно, потому, можетъ быть, что во всякой женственности должна быть эта довѣрчивая беспомощность, что-то дѣтское, знакъ того, что дѣвушка, женщина всегда таитъ въ себѣ будущее дитя. И вѣдь это мнѣ первому, въ какомъ-то божественномъ блаженствѣ и ужасѣ, отдала она истинно все, что даровалъ ей Богъ, и вѣдь это ея дѣвичье тѣло, то-есть самое прекрасное, что есть въ мірѣ, истинно милліоны разъ цѣловалъ я въ такомъ изступленіи, равнаго которому не было во всей моей жизни. И вѣдь это изъ-за нея сходилъ я съ ума буквально день и ночь, цѣлые годы. Изъ-за нея плакалъ, рвалъ на себѣ волосы, покушался на самоубійство, пилъ, загонялъ лихачей, въ ярости уничтожалъ лучшія, цѣннѣйшія, можетъ быть, работы... Но вотъ прошло двадцать лѣтъ — и я тупо смотрю на ея имя въ траурной рамкѣ, тупо представляю себѣ ее въ гробу... Представленіе неприятное, но и только. Увѣряю васъ, что только. Да и вы теперь, — теперь, конечно, — развѣ вы что-нибудь чувствуете?

— Я? Да нѣтъ, что-жъ скрывать? Конечно, почти ничего...

Пароходъ шель; съ шипѣніемъ возникала впереди волна за волной, съ плескомъ проносилась мимо, по бортамъ, однообразно шумѣла и кипѣла блѣдно-снѣжная дорога, тянувшаяся за кормой. Дуль сладкій вѣтеръ, звѣздный узоръ неподвижно стоялъ въ вышинѣ, надъ черной трубой, надъ снастями, надъ тонкимъ остріемъ передней мачты...

— Но знаете что? — внезапно сказалъ первый пассажиръ, какъ бы очнувшись: — знаете, что главное? Это

то, что я никакъ не могъ связать ее, умершую, съ той другой, о которой я вамъ только что говорилъ. Ну, никакъ. Совершенно никакъ. Та, другая, была совсѣмъ особо. И сказать, что я ровно ничего не чувствовалъ къ ней, къ той, другой, — совершенная ложь. Такъ что я не точно говорилъ. Совсѣмъ не то и не такъ.

Второй подумаль.

— Ну и что же? — спросилъ онъ.

— А то, что почти весь нашъ разговоръ идетъ на смарку.

— Охъ, на смарку-ли? — сказалъ пассажиръ съ прямыми плечами. — Та, другая, какъ вы выражаетесь, есть просто вы, ваше представлѣніе, ваши чувства, ну, словомъ, что-то ваше. И значить, трогали, волновали вы себя только самимъ собой. Разберитесь-ка хорошенько.

— Вы думаете? — Не знаю. Можетъ быть... Да, можетъ быть...

— Да и долго-ли вы волновались и самимъ-то собой? Десять минутъ. Ну, полчаса. Ну, день, наконецъ.

— Да, да. Ужасно, но, кажется, вы правы. И гдѣ она теперь? Вотъ тамъ, въ этомъ прелестномъ небѣ?

— Одинъ Аллахъ вѣдаетъ, другъ мой. Скорѣе всего, что нигдѣ.

— Вы думаете? Да, да... Скорѣе всего, что такъ..

Равнина открытаго моря почти чернымъ кругомъ лежала подъ легкимъ и свѣтлымъ куполомъ ночного неба. И затерянный въ этой круглой чернѣющей равнинѣ, маленькій пароходъ тупо и неуклонно держалъ свой путь. И безъ конца тянулась за нимъ сонно кипящая, блѣдно-млечная дорога — туда, въ даль, гдѣ ночное небо сливалось съ моремъ, гдѣ горизонтъ, въ силу противоположности съ этой млечностью, казался темнымъ, печальнымъ. И крутилась, крутилась бичева лага и печально и таинственно что-то отмѣчалъ, отсѣкалъ порою тонкій звонъ: дзи-инь...

Помолчавъ еще нѣкоторое время, собесѣдники негромко и просто сказали другъ другу:

— Покойной ночи.

— Покойной ночи.

Приморскія Альпы, 1923.

Солнечный ударъ

Послѣ обѣда вышли изъ ярко и горячо освѣщенной столовой на палубу и остановились у поручней. Она закрыла глаза, ладонью наружу приложила руку къ щекѣ, засмѣялась простымъ, прелестнымъ смѣхомъ, — все было прелестно въ этой маленькой женщинѣ, — и сказала:

— Я совсѣмъ пьяна... Вообще я совсѣмъ съ ума сошла. Откуда вы взялись? Три часа тому назадъ я даже не подозрѣвала о вашемъ существованіи. Я даже не знаю, гдѣ вы сѣли. Въ Самарѣ? Но все равно, вы мѣлый. Это у меня голова кружится или мы куда-то поворачиваемъ?

Впереди была темнота и огни. Изъ темноты билъ въ лицо сильный, мягкій вѣтеръ, а огни неслись куда-то въ сторону: пароходъ съ волжскимъ щегольствомъ круто описывалъ широкую дугу, подбѣгая къ небольшой пристани.

Поручикъ взялъ ея руку, поднесъ къ губамъ. Рука, маленькая и сильная, пахла загаромъ. И блаженно и страшно замерло сердце при мысли, какъ, вѣроятно, крѣпка и смугла она вся подъ этимъ легкимъ холстинковымъ платьемъ послѣ цѣлаго мѣсяца лежанья подъ южнымъ солнцемъ, на горячемъ морскомъ пескѣ (она сказала, что ѣдетъ изъ Анапы). Поручикъ пробормоталъ:

— Сойдемъ...

— Куда? — спросила она удивленно.

— На этой пристани.

— Зачѣмъ?

Онъ промолчалъ. Она опять приложила тыль руки къ горячей щекѣ.

— Сумасшедшій...

— Сойдемъ,—повторилъ онъ тупо. — Умоляю васъ...

— Ахъ, да дѣлайте, какъ хотите, — сказала она, отворачиваясь.

Разбѣжавшійся пароходъ съ мягкимъ стукомъ ударился въ тускло освѣщенную пристань, и они чуть не упали другъ на друга. Надъ головами пролетѣлъ конецъ каната, потомъ понесло назадъ, и съ шумомъ закипѣла вода, загремѣли сходни... Поручикъ кинулся за вещами.

Черезъ минуту они прошли сонную конторку, вышли на глубокой, по ступицу, песокъ и молча сѣли въ запыленную извозничью пролетку. Отлогій подъемъ въ гору, среди рѣдкихъ кривыхъ фонарей, по мягкой отъ пыли дорогѣ, показался безконечнымъ. Но вотъ поднялись, выѣхали и затрещали по мостовой, вотъ какая-то площадь, присутственныя мѣста, каланча, тепло и запахи ночного лѣтняго уѣзднаго города... Извозчикъ остановился возлѣ освѣщеннаго подъѣзда, за раскрытыми дверями котораго круто поднималась старая деревянная лѣстница, старый, небритый лакей въ розовой косовороткѣ и въ сюртукѣ недовольно взялъ вещи и пошелъ на своихъ растоптанныхъ ногахъ впередъ. Вошли въ большой, но страшно душный, горячо накаленный за день солнцемъ номеръ съ бѣлыми опущенными занавѣсками на окнахъ и двумя небожженными свѣчами на подзеркальникѣ, — и какъ только вошли и лакей затворилъ дверь, поручикъ такъ порывисто кинулся къ ней и оба такъ изступленно задохнулись въ поцѣлуѣ, что много лѣтъ вспоминали потомъ эту минуту: никогда ничего подобнаго не испыталь за всю жизнь ни тотъ, ни другой.

Въ десять часовъ утра, солнечнаго, жаркаго, счастливаго, со звономъ церковей, съ базаромъ на площади передъ гостинницей, съ запахомъ сѣна, дегтя и опять всего того сложнаго и пахучаго, чѣмъ пахнетъ русскій уѣздный городъ, она, эта маленькая безымянная женщина, такъ и не сказавшая своего имени, шутя называвшая себя прекрасной

незнакомкой, уѣхала. Спали мало, но, когда она вышла изъ-за ширмы возлѣ кровати, въ пять минутъ умывшись и одѣвшись, она была свѣжа, какъ въ семнадцать лѣтъ. Смущена-ли была она? Нѣтъ, очень немного. Попрежнему была проста, весела и — уже разсудительна.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый, — сказала она въ отвѣтъ на его просьбу ѣхать дальше вмѣстѣ: — нѣтъ, вы должны остаться до слѣдующаго парохода. Если поѣдемъ вмѣстѣ, все будетъ испорчено. Мнѣ это будетъ очень неприятно. Даю вамъ честное слово, что я совсѣмъ не то, что вы могли обо мнѣ подумать. Никогда ничего даже похожаго на то, что случилось, со мной не было, да и не будетъ больше. На меня точно затменіе нашло... Или, вѣрнѣе, мы оба получили что-то вродѣ солнечнаго удара...

И поручикъ какъ-то легко согласился съ нею. Въ легкомъ и счастливомъ духѣ онъ довезъ ее до пристани, — какъ разъ къ отходу розоваго Самолета, — при всѣхъ поцѣловаль на палубѣ и едва успѣлъ вскочить на сходни, которыя уже двинули назадъ.

Такъ же легко, беззаботно и возвратился онъ въ гостиницу. Однако, что-то ужъ измѣнилось. Номеръ безъ нея показался какимъ-то совсѣмъ другимъ, чѣмъ былъ при ней. Онъ былъ еще полонъ ею — и пусть. Это было странно! Еще пахло ея хорошимъ англійскимъ одеколономъ, еще стояла на подносѣ ея недопитая чашка, а ея уже не было... И сердце поручика вдругъ сжалось такой нѣжностью, что поручикъ поспѣшилъ закурить и, хлопая себя по голенищамъ стѣкомъ, нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Странное приключеніе! — сказалъ онъ вслухъ, смѣясь и чувствуя, что на глаза его навертываются слезы. — „Даю вамъ честное слово, что я совсѣмъ не то, что вы могли подумать...“ И уже уѣхала... Нелѣпая женщина!

Ширма была отодвинута, постель еще не убрана. И онъ почувствовалъ, что просто нѣтъ силъ смотрѣть теперь на эту постель. Онъ закрылъ ее ширмой, затворилъ окна, чтобы не слышать базарнаго говора и скрипа колесъ, опустилъ бѣлья пузырившіяся занавѣски, сѣлъ на диванъ...

Да, вот и конецъ этому „дорожному приключенію!“ Уф-хала—и теперь уже далеко, сидитъ, вѣроятно, въ стеклянномъ бѣломъ салонѣ или на палубѣ и смотритъ на огромную, блестящую подъ солнцемъ рѣку, на встрѣчные плоты, на желтыя отмели, на сіяющую даль воды и неба, на весь этотъ безмѣрный волжскій просторъ... И прости, и уже навсегда, навѣки... Потому что гдѣ-же они теперь могутъ встрѣтиться? — „Не могу-же я, подумалъ онъ, не могу же я ни съ того, ни съ сего пріѣхать въ этотъ городъ, гдѣ ея мужъ, гдѣ ея трехлѣтняя дѣвочка, вообще вся ея семья и вся ея обычная жизнь!“ — И городъ этотъ показался ему какимъ-то особеннымъ, заповѣднымъ городомъ, и мысль о томъ, что она такъ и будетъ жить въ немъ своей одинокой жизнью, часто, можетъ быть, вспоминая его, вспоминая ихъ случайную, такую мимолетную встрѣчу, а онъ уже никогда не увидитъ ея, мысль эта изумила и поразила его. Нѣтъ, этого не можетъ быть! Это было бы слишкомъ дико, неестественно, неправдоподобно! — И онъ почувствовалъ такую боль и такую ненужность всей своей дальнѣйшей жизни безъ нея, что его охватилъ ужасъ, отчаяніе.

— Что за чертъ! — подумалъ онъ, вставая, опять принимаясь ходить по комнатѣ и стараясь не смотрѣть на постель за ширмой. — Да что же это такое со мной? Кажется не въ первый разъ — и вотъ... Да что въ ней особеннаго и что собственно случилось? Въ самомъ дѣлѣ, точно какой-то солнечный ударъ! И главное, какъ же я проведу теперь, безъ нея, цѣлый день въ этомъ захолустьи?

Онъ еще помнилъ ее всю, со всѣми малѣйшими ея особенностями, помнилъ запахъ ея загара и холстинковаго платья, ея крѣпкое тѣло, живой, простой и веселый звукъ ея голоса... Чувство только что испытанныхъ наслажденій всей ея женской прелестью было еще живо въ немъ необыкновенно, но теперь главнымъ было все-таки это второе, совсѣмъ новое чувство — то странное, непонятное чувство, котораго совсѣмъ не было, пока они были вмѣстѣ, котораго онъ даже предположить въ себѣ не могъ, затѣ-

вая вчера это, какъ онъ думалъ, только забавное знакомство, и о которомъ уже не кому, не кому было сказать теперь! — „А главное, подумалъ онъ, вѣдь и никогда уже не скажешь! И что дѣлать, какъ прожить этотъ безконечный день, съ этими воспоминаніями, съ этой неразрѣшимой мукой, въ этомъ Богомъ забытомъ городишкѣ надъ той самой сіяющей Волгой, по которой унесъ ее этотъ розовый пароходъ!“

Нужно было спастись, чѣмъ-нибудь занять, отвлечь себя, куда-нибудь итти. Онъ рѣшительно надѣлъ картузь, взялъ стѣкъ, быстро прошелъ, звеня шпорами, по пустому корридору, сбѣжалъ по крутой лѣстницѣ на подъѣздъ... Да, но куда итти? У подъѣзда стоялъ извозчикъ, молодой, въ ловкой поддевкѣ, и спокойно курилъ сигарку, очевидно, дожидаясь кого-то. Поручикъ взглянулъ на него растерянно и съ изумленіемъ: какъ это можно такъ спокойно сидѣть на козлахъ, курить и вообще быть простымъ, безпечнымъ, равнодушнымъ? — „Вѣроятно, только я одинъ такъ страшно несчастенъ во всемъ этомъ городѣ“, подумалъ онъ, направляясь къ базару.

Базаръ уже развѣзжался. Онъ зачѣмъ-то походилъ по свѣжему навозу среди телѣгъ, среди возовъ съ огурцами, среди новыхъ мисокъ и горшковъ, и бабы, сидѣвшія на землѣ, наперебой зазывали его, брали горшки въ руки и стучали, звенѣли въ нихъ пальцами, показывая ихъ добротность, мужики оглушали его, кричали ему: — „Вотъ первый сортъ огурчики, ваше благородіе!“ — Все это было такъ глупо, нелѣпо, что онъ бѣжалъ съ базара. Онъ пошелъ въ соборъ, гдѣ пѣли уже громко, весело и рѣшительно, съ сознаниемъ исполненнаго долга, потомъ долго шагаль, кружилъ по маленькому, жаркому и запущенному садику на обрывѣ горы, надъ неоглядной свѣтло-стальной ширью рѣки... Погоны и пуговицы его кителя такъ нажгло, что къ нимъ нельзя было прикоснуться. Околышь картуза былъ внутри мокрый отъ пота, лицо пылало... Возвратясь въ гостиницу, онъ съ наслажденіемъ вошелъ въ большую и пустую прохладную столовую въ нижнемъ этажѣ, съ наслажденіемъ снялъ картузь и сѣлъ

за столикъ возлѣ открытаго окна, въ которое несло жаромъ, но все-таки вѣяло воздухомъ, и заказалъ ботвинью со льдомъ. Все было хорошо, во всемъ было безмѣрное счастье, великая радость; даже въ этомъ зноѣ и во всѣхъ базарныхъ запахахъ, во всемъ этомъ незнакомомъ городишкѣ и въ этой старой уѣздной гостиницѣ была она, эта радость, а вмѣстѣ съ тѣмъ сердце просто разрывалось на части. Онъ выпилъ нѣсколько рюмокъ водки, закусывая малосольными огурцами съ укропомъ и чувствуя, что онъ, не задумываясь, умеръ бы завтра, если бы можно было какимъ-нибудь чудомъ вернуть ее, провести съ ней еще одинъ, нынѣшній день, — провести только затѣмъ, только затѣмъ, чтобы высказать ей и чѣмъ-нибудь доказать, убѣдить, какъ онъ мучительно и восторженно любитъ ее... Зачѣмъ доказать? Зачѣмъ убѣдить? Онъ не зналъ, зачѣмъ, но это было необходимѣе жизни.

— Совсѣмъ разгулялись нервы! — сказалъ онъ, наливая пятую рюмку водки.

Онъ выпилъ цѣлый графинчикъ, надѣясь одурманить, ошеломить себя, надѣясь, что, наконецъ, разрѣшится это мучительное и восторженное состояніе. Но нѣтъ, оно все усиливалось.

Онъ отодвинулъ отъ себя ботвинью, спросилъ чернаго кофе и сталъ курить и напряженно думать: что же теперь дѣлать ему, какъ избавиться отъ этой внезапной, неожиданной любви? Но избавиться — онъ это чувствовалъ слишкомъ живо — было невозможно. И онъ вдругъ опять быстро всталъ, взялъ картузь и стѣкъ и, спросивъ, гдѣ почта, торопливо пошелъ туда съ уже готовой въ головѣ фразой телеграммы: „Отнынѣ вся моя жизнь навѣки, до гроба ваша, въ вашей власти“. Но, дойдя до стараго толстостѣннаго дома, гдѣ была почта и телеграфъ, въ ужасѣ остановился: онъ зналъ городъ, гдѣ она живетъ, зналъ что у нея есть мужъ и трехлѣтняя дочка, но не зналъ ни фамиліи, ни имени ея! Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ ее объ этомъ вчера за обѣдомъ и въ гостиницѣ, и каждый разъ она смѣялась и говорила:

— А зачѣмъ вамъ нужно знать, кто я? Я Марья Ма-

ревна, заморская царица... Вообще прекрасная незнакомка... Развѣ не достаточно съ васъ этого?

На углу, возлѣ почты, была фотографическая витрина. Онъ долго смотрѣлъ на большой портретъ какого-то военнаго въ густыхъ эполетахъ, съ выпуклыми глазами, съ низкимъ лбомъ, съ поразительно великолѣпными бакенбардами и широчайшей грудью, сплошь украшенной орденами... Какъ дико, какъ нелѣпо, страшно все будничное, обычное, когда сердце поражено, — да, поражено, онъ теперь понималъ это, — этимъ страшнымъ „солнечнымъ ударомъ“, слишкомъ большой любовью, слишкомъ большимъ счастьемъ! Онъ взглянулъ на чету новобрачныхъ — молодой человѣкъ въ длинномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, стриженный ежикомъ, вытянувшийся во фронтъ подѣ руку съ дѣвицей въ подвѣчномъ газѣ, — перевелъ глаза на портретъ какой-то хорошенькой и задорной барышни въ студенческомъ картузѣ на бекрень... Потомъ, томясь мучительной завистью ко всѣмъ этимъ неизвѣстнымъ ему, не страдающимъ людямъ, сталъ напряженно смотрѣть вдоль улицы.

— Куда итти? Что дѣлать? — стоялъ въ его головѣ и душѣ неразрѣшимый, тяжкій вопросъ.

Улица была совершенно пуста. Дома были все одинаковые, бѣлые, двухэтажные, купеческіе, съ большими садами, и, казалось, что въ нихъ нѣтъ ни души; бѣлая густая пыль лежала на мостовой; и все это слѣпило, все было залито жаркимъ, пламеннымъ и радостнымъ, но здѣсь какъ будто безцѣльнымъ, солнцемъ. Вдали улица поднималась, горбилась и упиралась въ чистый, безоблачный сѣроватый, съ сиреневымъ отблескомъ небосклонъ. Въ этомъ было что-то южное, напоминающее Севастополь, Керчь... Анапу. Это было особенно нестерпимо. И поручикъ, съ опущенной головой, щурясь отъ свѣта, сосредоточенно глядя себѣ подѣ ноги, шатаясь, спотыкаясь, цѣпляясь шпорой за шпору, зашагалъ назадъ.

Онъ вернулся въ гостиницу, настолько разбитый усталостью, точно совершилъ огромный переходъ гдѣ-нибудь въ Туркестанѣ, въ Сахарѣ. Онъ, собирая послѣднія силы,

вошелъ въ свой большой и пустой номеръ. Номеръ былъ уже прибранъ, лишень послѣднихъ слѣдовъ ея, — только одна шпилька, забытая ею, лежала на ночномъ столикѣ! Онъ снялъ китель и взглянулъ на себя въ зеркало: лицо его, — обычное офицерское лицо, сѣрое отъ загара, съ бѣлесыми, выгорѣвшими отъ солнца усами и голубоватой бѣлизной глазъ, отъ загара казавшихся еще бѣлѣе, — имѣло теперь возбужденное, сумасшедшее выраженіе, а въ бѣлой тонкой рубашкѣ со стоячимъ крахмальнымъ воротничкомъ было что-то юное и глубоко несчастное. Онъ легъ на кровать, на спину, положилъ запыленные сапоги на отвалъ. Окна были открыты, занавѣски опущены, и легкій вѣтерокъ отъ времени до времени надувалъ ихъ, вѣялъ въ комнату зноемъ нагрѣтыхъ желѣзныхъ крышъ и всего этого свѣтоноснаго и совершенно теперь опустѣвашаго, безмолвнаго и безлюднаго волжскаго міра. Онъ лежалъ, подложивъ руки подъ затылокъ, и пристально глядѣлъ въ пространство передъ собой. Потомъ стиснулъ зубы, закрылъ вѣки, чувствуя, какъ по щекамъ катятся изъ подъ нихъ слезы, — и, наконецъ, заснулъ, а когда снова открылъ глаза, за занавѣсками уже красновато желтѣло вечернее солнце. Вѣтеръ стихъ, въ номерѣ было душно и сухо, какъ въ духовой печи... И вчерашній день и нынѣшнее утро вспомнились такъ, точно они были десять лѣтъ тому назадъ.

Онъ не спѣша всталъ, не спѣша умылся, поднялъ занавѣски, позвонилъ и спросилъ самоваръ и счетъ, долго пилъ чай съ лимономъ. Потомъ приказалъ привести извозчика, вынести вещи и, сядя въ пролетку, на ея рыжее, выгорѣвшее сидѣнье, далъ лакею цѣлыхъ пять рублей.

— А похоже, ваше благородіе, что это я и привезъ васъ ночью! — весело сказалъ извозчикъ, берясь за вожжи.

Когда спустились къ пристани, уже синѣла надъ Волгой синяя лѣтняя ночь, и уже много разноцвѣтныхъ огоньковъ было разсѣяно по рѣкѣ, и огни висѣли на мачтахъ подбѣгающаго парохода.

— Въ аккуратъ доставилъ! — сказалъ извозчикъ заискивающе.

Поручикъ и ему далъ пять рублей, взялъ билетъ, прошелъ на пристань... Такъ же, какъ вчера, былъ мягкій стукъ въ ея причаль и легкое головокруженіе отъ зыбкости подъ ногами, потомъ летящій конецъ, шумъ закипѣвшей и побѣжавшей впередъ воды подъ колесами нѣсколько назадъ подавагося парохода... И необыкновенно привѣтливо, хорошо показалось отъ многолюдства этого парохода, уже вездѣ освѣщеннаго и пахнущаго кухней.

Черезъ минуту побѣжали дальше, вверхъ, туда-же, куда унесло и ее давеча утромъ.

Темная лѣтняя заря потухла далеко впереди, сумрачно, сонно и разноцвѣтно отражаясь въ рѣкѣ, еще кое-гдѣ свѣтившейся дрожащей рябью вдали подъ ней, подъ этой зарей, и плыли и плыли назадъ огни, разсѣянные въ темнотѣ вокругъ.

Поручикъ сидѣлъ подъ навѣсомъ на палубѣ, чувствуя себя постарѣвшимъ на десять лѣтъ.

Приморскія Альпы. 1925.

И да

Однажды на Святкахъ завтракали мы вчетверомъ, — три старыхъ пріятеля и нѣкто Георгій Ивановичъ, — въ Большомъ Московскомъ.

По случаю праздника въ Большомъ Московскомъ было пусто и прохладно, свѣжо пахло живыми цвѣта, гяцинтами и ландышами. Мы прошли старый залъ, блѣдно освѣщенный сѣрымъ морознымъ днемъ, и приостановились въ дверяхъ новаго, выбирая, гдѣ поуютнѣй сѣсть, оглядывая столы, только-что покрытые бѣлоснѣжными тугими скатертями. Сіяющій чистотой и любезностью распорядитель сдѣлалъ скромный и изысканный жестъ въ дальній уголъ, къ круглому столику за полукруглымъ диваномъ, подъ густымъ темнозеленымъ лавромъ. Пошли туда.

— Господа, — сказалъ композиторъ, заходя на диванъ и валясь на него своимъ коренастымъ туловищемъ, — господа, я нынче почему-то угощаю и хочу пировать на славу. — Раскиньте-же намъ, служающій, самобранную скатерть какъ можно щедрѣе, — сказалъ онъ, обращая къ половому свое широкое мужицкое лицо съ узкими глазками. — Вы мои королевскія замашки знаете.

— Какъ не знать, пора наизусть выучить, — сдержанно улыбаясь и ставя передъ нимъ пепельницу, отвѣтилъ старый умный половой съ чистой серебряной бородкой. — Будьте покойны, Павелъ Николаевичъ, постараемся...

И черезъ минуту появились передъ нами рюмки и фужеры, бутылки съ разноцвѣтными водками, розовая семга, смугло-тѣлесный балыкъ, блюдо съ раскрытыми на

ледяныхъ осколкахъ раковинами, оранжевый квадратъ честера, черная блестящая глыба паусной икры, бѣлый и потный отъ холода ушатъ съ шампанскимъ... Начали все-таки съ перцовки. Композиторъ любилъ наливать самъ. И онъ налилъ три рюмки, потомъ шутливо замедлился:

— Святѣйшій Георгій Ивановичъ, и вамъ позволите?

Георгій Ивановичъ, имѣвшій единственное и престранное занятіе, — быть другомъ извѣстныхъ писателей, художниковъ, артистовъ, — человѣкъ весьма тихій и неизмѣнно прекрасно настроенный, нѣжно покраснѣлъ, — онъ всегда краснѣлъ передъ тѣмъ, какъ сказать что нибудь, — и отвѣтилъ съ нѣкоторой безшабашностью и развязностью:

— Даже и очень, грѣшнѣйшій Павелъ Николаевичъ!

И композиторъ налилъ и ему, легонько стукнулъ рюмкой о наши рюмки, махнулъ водку въ ротъ со словами: „Дай Боже!“ и, дунувъ въ усы, принялся за закуски. Принялись и мы, и занимались этимъ дѣломъ довольно долго. Потомъ заказали уху и закурили. Въ старой залѣ нѣжно и грустно запѣла, укоризненно зарычала машина. И композиторъ, откинувшись къ спинкѣ дивана, затягиваясь папирисой и, по своему обыкновенію, набирая въ свою высоко поднятую грудь воздуху, сказалъ:

— Дорогіе и, къ сожалѣнію, уже весьма почтенные друзья, мнѣ, не взирая на радость утробы моей, нынче грустно. А грустно мнѣ потому, что вспомнилась мнѣ нынче, какъ только я проснулся, одна небольшая исторія, случившаяся съ однимъ моимъ пріятелемъ, форменнымъ, какъ оказалось впоследствии, осломъ, ровно три года тому назадъ, на второй день Рождества...

— Исторія небольшая, но, внѣ всякаго сомнѣнія, амурная, — сказалъ Георгій Ивановичъ со своей дѣвичьей улыбкой.

Композиторъ покосился на него.

— Амурная? — сказалъ онъ холодно и насмѣшливо.

— Ахъ, Георгій Ивановичъ, Георгій Ивановичъ, какъ вы будете за всю вашу порочность и беспощадный умъ на Страшномъ Судѣ отвѣчать? Ну, да Богъ съ вами. „Je veux un trésor qui les contient tous, je veux la jeunesse!“ — под-

нимая брови, заплѣлъ онъ подъ машину, игравшую Фауста, и продолжалъ, обращаясь къ намъ:

— Друзья мои, вотъ эта исторія. Въ нѣкоторое время, въ нѣкоторомъ царствѣ, ходила въ домъ нѣкоего господина нѣкоторая дѣвица, подруга его жены по курсамъ, настолько незатѣйливая, милая, что господинъ звалъ ее просто Идой, то есть только по имени. Ида да Ида, онъ даже отчества ея не зналъ хорошенько. Зналъ только, что она изъ порядочной, но мало состоятельной семьи, дочь музыканта, бывшаго когда-то извѣстнымъ дирижеромъ, живетъ при родителяхъ, ждетъ, какъ полагается, жениха — и больше ничего...

— Какъ вамъ описать эту Иду? Расположеніе господинъ чувствовалъ къ ней большое, но вниманія, повторяю, обращалъ на нее, собственно говоря, ноль. Придетъ она — онъ къ ней: „А-а, Ида, дорогая! Здравствуйте, здравствуйте, душевно радъ васъ видѣть!“ А она въ отвѣтъ только улыбается, снимаетъ шляпку, трогаетъ обѣими руками волосы, прячетъ носовой платочекъ въ муфту, ясно, по дѣвичьи (и немножко бессмысленно) оглядывается: „Маша дома?“ — „Дома, дома, милости просимъ...“ — „Можно къ ней?“ — И спокойно идетъ черезъ столовую къ дверямъ Маши: „Маша, къ тебѣ можно?“ — Голосъ грудной, до самыхъ жабръ волнующій, а къ этому голосу прибавьте все прочее: свѣжесть молодости, здоровья, благоуханіе дѣвушки, только что вошедшей въ комнату съ мороза... затѣмъ довольно высокій ростъ, стройность, рѣдкую гармоничность и естественность движеній... Было и лицо у нея рѣдкое, — на первый взглядъ какъ будто совсѣмъ обыкновенное, а приглядись — залюбуешься: тонъ кожи ровный, теплый, — тонъ какого-нибудь самого перваго сорта яблока, — цвѣтъ фіалковыхъ глазъ живой, полный...

— Да, приглядись, — залюбуешься. А этотъ болванъ, то есть герой нашего разсказа, поглядитъ, придетъ въ телачій восторгъ, скажетъ: „Ахъ, Ида, Ида, цѣны вы себѣ не знаете!“ — увидитъ ея отвѣтную, милую, но какъ будто не совсѣмъ внимательную улыбку — и уйдетъ къ себѣ, въ свой кабинетъ, и опять займется какой-нибудь чепухой,

называемой творчествомъ, чортъ бы его побралъ совсѣмъ. И такъ вотъ и шло время, и такъ нашъ господинъ даже никогда и не задумался объ этой самой Идѣ мало мальски серьезно — и совершенно, можете себѣ представить, не замѣтилъ, какъ она, въ одно прекрасное время, исчезла куда-то. Нѣтъ и нѣтъ Иды, а онъ даже не догадывается у жены спросить: а куда-же, молъ, наша Ида дѣвалась? Вспомнить иной разъ, почувствуетъ, что ему чего-то не достаетъ, вообразить сладкую муку, съ которой онъ могъ-бы обнять ея талію, мысленно увидеть ея сѣрую муфточку, цвѣтъ ея лица и фіалковыхъ глазъ, ея прелестную руку, ея англійскую юбку, затоскуетъ на минуту — и опять забудетъ. И прошелъ такимъ родомъ годъ, прошелъ другой... Какъ вдругъ понадобилось однажды ему ѣхать въ западный край...

— Дѣло было на самое Рождество. Но, не взирая на то, ѣхать было необходимо. И вотъ, простясь съ рабами и домочадцами, сѣлъ нашъ господинъ на борзаго коня и поѣхалъ. Ѣдетъ день, Ѣдетъ ночь и доѣзжаетъ наконецъ до большой узловой станціи, гдѣ нужно пересаживаться. Но доѣзжаетъ, нужно замѣтить, со значительнымъ опозданіемъ и посему, какъ только сталь поѣздъ замедлять возлѣ платформы ходъ, выскакиваетъ изъ вагона, хватается за шиворотъ перваго попавшагося носильщика и кричить: „Не ушелъ еще курьерскій туда-то?“ А носильщикъ вѣжливо усмѣхается и молвитъ: „Только что ушелъ-съ. Вѣдь вы на цѣлыхъ полтора часа изволили опоздать“. — „Какъ, негодяй? Ты шутишь? Что-жъ я теперь дѣлать буду? Въ Сибирь тебя, на каторгу, не плаху!“ — „Мой грѣхъ, мой грѣхъ, отвѣчаетъ носильщикъ, да повинную голову и меч не сѣчетъ, ваше сіятельство. Извольте подождать пассажирскаго...“ И поникъ головой и покорно побрелъ нашъ знатный путешественникъ на станцію...

— На станціи же оказалось весьма людно и пріятно, уютно, тепло. Уже съ недѣлю несло вьюгой, и на желѣзныхъ дорогахъ все спуталось, всѣ расписанія пошли къ чорту, на узловыхъ станціяхъ было полнымъ полно. То же самое было, конечно и здѣсь. Вездѣ народъ и вещи, и

весь день открыты буфеты, весь день пахнет кушаньями, самоварами, кофеемъ, что, какъ извѣстно, очень не плохо въ морозъ и вьюгу. А кромѣ того, былъ этотъ вокзалъ богатый, просторный, такъ что мгновенно почувствовалъ путешественникъ, что не было бы большой бѣды просидѣть въ немъ даже сутки. „Приведу себя въ порядокъ, потомъ изрядно закушу и выпью“, съ удовольствіемъ подумалъ онъ, входя въ пассажирскую залу, и тотчасъ же приступилъ къ выполнению своего намѣренія. Онъ побрился, умылся, надѣлъ чистую рубаху и, выйдя черезъ четверть часа изъ уборной помолодѣвшимъ на двадцать лѣтъ, направился къ буфету. Тамъ онъ выпилъ одну, затѣмъ другую, закусилъ сперва пирожкомъ, потомъ жидовской шуккой и уже хотѣлъ было еще выпить, какъ вдругъ услышалъ за спиной своей какой то страшно знакомый, чудеснѣйшій въ мірѣ женскій голосъ. Тутъ онъ, конечно, „порывисто“ обернулся — и, можете себѣ представить, кого увидѣлъ передъ собой? Иду!

— Отъ радости и удивленія, первую секунду онъ даже слова не могъ произнести и только, какъ баранъ на новыя ворота, смотрѣлъ на нее. А она — что значить, друзья мои, женщина! — даже бровью не моргнула. Разумѣется, и она не могла не удивиться и даже изобразила на лицѣ нѣкоторую радость, но спокойствіе, говорю, сохранила отминное. „Дорогой мой, говоритъ, какими судьбами? Вотъ пріятная встрѣча!“ И по глазамъ видно, что говоритъ правду, но говоритъ ужъ какъ-то черезчуръ просто и совсѣмъ, совсѣмъ не съ той манерой, какъ говорила когда-то, главное-же... чуть-чуть насмѣшливо, что ли. А господинъ нашъ вполне опѣшилъ еще и отъ того, что и во всемъ прочемъ совершенно неузнаваема стала Ида: какъ-то удивительно расцвѣла вся, какъ расцвѣтаетъ какой-нибудь великолѣпнѣйшій цвѣтокъ въ чистѣйшей водѣ, въ какомъ нибудь этакомъ хрустальномъ бокалѣ, а соотвѣтственно съ этимъ и одѣта: большой скромности, большого кокетства и дьявольскихъ денегъ зимняя шляпка, на плечахъ тысячная соболья накидка... Когда господинъ неловко и смиренно поцѣловалъ ея руку въ ослѣпительныхъ

перстняхъ, она слегка кивнула шляпкой назадъ, черезъ плечо, небрежно сказала: „Познакомьтесь кстати съ моимъ мужемъ“ — и тотчасъ же быстро выступилъ изъ-за нея и скромно, но молодцомъ, по-военному представился студентъ...

— Ахъ, наглець! — воскликнулъ Георгій Ивановичъ.
— Обыкновенный студентъ?

— Да въ томъ-то и дѣло, дорогой Георгій Ивановичъ, что необыкновенный, — сказалъ композиторъ съ невеселой усмѣшкой. — Кажется, за всю жизнь не видалъ нашъ господинъ такого, что называется, благороднаго, такого чудеснаго, мраморнаго юношескаго лица. Одѣтъ щеголемъ: тужурка изъ того самаго тонкаго свѣтло-сѣраго сукна, что носятъ только самые большіе франты, плотно облегающая ладный торсъ, панталоны со штрипками, темно-зеленая фуражка прусскаго образца и роскошная николаевская шинель съ бобромъ. А при всемъ томъ симпатиченъ и скромнень тоже на рѣдкость. Ида пробормотала одну изъ самыхъ знаменитыхъ русскихъ фамилій, а онъ быстро снялъ фуражку рукой въ бѣлой замшевой перчаткѣ, — въ фуражкѣ, конечно, мелькнуло красное муаровое дно, — быстро обнажилъ другую руку, тонкую, блѣдно-лазурную и отъ перчатки немножко какъ-бы въ мукѣ, щелкнулъ каблуками и почтительно уронилъ на грудь небольшую и тщательно причесанную голову. „Вотъ такъ штука!“ — еще изумлениѣ подумалъ нашъ герой, еще разъ тупо взглянулъ на Иду — и мгновенно понялъ по взгляду, которымъ она скользнула по студенту, что, конечно, она царица, а онъ рабъ, но рабъ однако не простой, а несущій свое рабство съ величайшимъ удовольствіемъ и даже гордостью. — „Очень, очень радъ познакомиться!“ — отъ всей души сказалъ этотъ рабъ, крѣпко пожавъ протянутую руку, и съ бодрой и пріятной улыбкой выпрямился. — „И давній поклонникъ вашъ, и много слышалъ о васъ отъ Иды“, сказалъ онъ, дружелюбно глядя, и уже хотѣлъ было пуститься въ дальнѣйшую, приличествующую случаю бесѣду, какъ неожиданно былъ перебитъ: „Помолчи, Петрикъ, не конфузъ меня, сказала Ида поспѣшно и обрати-

лась къ господину: — „Дорогой мой, но я васъ тысячу лѣтъ не видала! Хочется безъ конца говорить съ вами, но совсѣмъ нѣтъ охоты говорить при немъ. Ему неинтересны наши воспоминанія, будетъ только скучно и отъ скуки неловко, поэтому пойдемъ, походимъ по платформѣ...“ И сказавъ такъ, взяла она нашего раба Божьяго подъ руку и повела на платформу, а по платформѣ ушла съ нимъ чуть не за версту, гдѣ снѣгъ былъ чуть не по колѣно, и — неожиданно изъяснилась тамъ въ любви къ нему...

— То-есть, какъ въ любви? — въ одинъ голосъ спросили мы, слегка опѣшивъ.

Композиторъ вмѣсто отвѣта опять набралъ воздуха въ грудь, надуваясь и поднимая плечи. Онъ опустилъ глаза и, мѣшковато приподнявшись, потащилъ изъ серебрянаго ушата, изъ шуршащаго льда, бутылку, налилъ себѣ самый большой фужеръ. Скулы его зардѣлись, короткая шея покраснѣла. Пересиливая и стараясь скрыть смущеніе, онъ выпилъ бокаль до дна, какъ квасъ, затянулъ было подъ машину: „Laisse moi, laisse moi contempler ton visage!“ — но тотчасъ же оборвалъ и, рѣшительно поднявъ на насъ еще болѣе съузившіеся глаза, сказалъ:

— Да, то-есть такъ что въ любви... И объясненіе это было, къ несчастью, самое настоящее, совершенно серьезное. Глупо, дико, неожиданно, неправдоподобно? Да, разумѣется, но — фактъ. Было именно такъ, какъ я вамъ докладываю. Пошли они по платформѣ, и тотчасъ начала она быстро и съ притворнымъ оживленіемъ спрашивать его о Машѣ, о томъ, какъ, молъ, она поживаетъ и какъ поживаютъ ихъ общіе московскіе знакомые, что вообще новенькаго въ Москвѣ и такъ далѣе, затѣмъ сообщила, что замужемъ она уже второй годъ, что жили они съ мужемъ это время частью въ Петербургѣ, частью за границей, а частью въ ихъ имѣнны подъ Витебскомъ... Господинъ же только поспѣшно шелъ за ней и уже чувствовалъ, что дѣло что-то неладно, что сейчасъ будетъ что-то дурацкое, неправдоподобное, и во всѣ глаза смотрѣлъ на бѣлизну снѣжныхъ сугробовъ, въ невѣроятномъ количествѣ завалившихъ все и вся вокругъ, — всѣ эти плат-

формы, пути, крыши построекъ и красныхъ и зеленыхъ вагоновъ, сбившихся на всѣхъ путяхъ... смотрѣлъ и съ страшнымъ замираніемъ сердца понималъ только одно: то, что, оказывается, онъ уже много лѣтъ звѣрски любить эту самую Иду. И вотъ, можете себѣ представить, что произошло дальше: дальше произошло то, что на какой-то самой дальней, боковой платформѣ Ида подошла къ какимъ-то ящикамъ, смахнула съ одного изъ нихъ снѣгъ муфтой, сѣла и, поднявъ на господина свое слегка поблѣднѣвшее лицо, свои фіалковые глаза, до умопомраченія неожиданно, безъ передышки сказала ему: „А теперь, дорогой, отвѣтите мнѣ еще на одинъ вопросъ: знали-ли вы и знаете-ли вы теперь, что я любила васъ цѣлыхъ пять лѣтъ и люблю до сихъ поръ?“

Машина, до этой минуты рычавшая вдали неопредѣленно и глухо, вдругъ загрохотала героически, торжественно и грозно. Композиторъ смолкъ и поднялъ на насъ какъ бы испуганные и удивленные глаза. Потомъ негромко произнесъ:

— Да, вотъ что сказала она ему... А теперь позвольте спросить: какъ изобразить всю эту сцену дурацкими чело-вѣческими словами? Что я могу сказать вамъ, кромѣ пошлостей, про это поднятое лицо, освѣщенное блѣдностью того особаго снѣга, что бываетъ послѣ метелей, и про нѣжнѣйшій неизъяснимый тонъ этого лица, тоже подобный этому снѣгу, вообще про лицо молодой, прелестной женщины, на ходу надышавшейся снѣжнымъ воздухомъ и вдругъ признавшейся вамъ въ любви и ждущей отъ васъ отвѣта на это признаніе? Что я сказалъ про ея глаза? Фіалковые? Не то, не то, конечно, не то, ни къ чорту не годится! А полураскрытыя губы? А выраженіе, выраженіе всего этого въ общемъ, вмѣстѣ, то-есть лица, глазъ и губъ? А длинная соболя муфта, въ которую были спрятаны ея руки, а колѣни, которыя обрисовывались подъ какой-то клѣтчатой сине-зеленой шотландской матеріей? Боже мой, да развѣ можно даже касаться словами всего этого! А главное, главное: что-же можно было отвѣтить на это съ ногъ сшибательное по неожиданности, ужасу и

счастью признаніе, на выжидающее выраженіе этого до-
вѣрчиво поднятаго, поблѣднѣвшаго и исказившагося (отъ
смущенія, отъ какого-то подобія улыбки) лица?

Мы молчали, тоже не зная, что сказать, что отвѣ-
тить на всѣ эти вопросы, съ удивленіемъ глядя на свер-
кающіе глазки и красное лицо нашего пріятеля. И онъ
самъ отвѣтилъ себѣ:

— Ничего, ничего, ровно ничего! Есть мгновенія, ко-
гда ни одинаго звука нельзя вымолвить. И, къ счастью,
къ великой чести нашего путешественника, онъ ни звука
и не вымолвилъ. И она поняла его окаменѣніе, она видѣла
его лицо. Подождавъ нѣкоторое время, побывъ непод-
вижно среди того нелѣпаго и жуткаго молчанія, которое
послѣдовало послѣ ея страшнаго вопроса, она поднялась
и, вынувъ теплую руку изъ теплой, душистой муфты, об-
няла его за шею и нѣжно и крѣпко поцѣловала однимъ
изъ тѣхъ поцѣлуевъ, что помнятся потомъ не только до
гробовой доски, но и въ могилѣ. Да-съ, только и всего:
поцѣловала — и ушла. И тѣмъ вся эта исторія и кончи-
лась... И вообще довольно объ этомъ, — вдругъ рѣзко
мѣняя тонъ, сказалъ композиторъ и громко, съ напускной
веселостью прибавилъ: — И давайте по сему случаю пить
на сломную голову! Пить за всѣхъ любившихъ насъ, за
всѣхъ, кого мы, идиоты, не оцѣнили, съ кѣмъ мы были
счастливы, блаженны, а потомъ разошлись, растерялись
въ жизни навсегда и навѣки, и все-же навѣки связаны са-
мой страшной въ мірѣ связью! И давайте условимся такъ:
тому, кто въ добавленіе ко всему вышеизложенному при-
бавить еще хоть единое слово, я пуцую въ черепъ вотъ
этой самой шампанской бутылкой. — Услужающій! — за-
кричалъ онъ на всю залу: — несите уху! И хересу, хе-
ресу, бочку хересу, чтобы я могъ окунуть въ него морду
прямо съ рогами!

Завтракали мы въ этотъ день до одиннадцати часовъ
вечера. А послѣ поѣхали къ Яру, а отъ Яря—въ Стрѣльну,
гдѣ передъ разсвѣтомъ ѣли блины, потребовали водки
самой простой, съ красной головкой, и вели себя въ об-
щемъ возмутительно: пѣли, орали и даже плясали казачка.

Композиторъ плясалъ молча, свирѣпо и восторженно, съ легкостью необыкновенной для его фигуры. А неслись мы на тройкѣ домой уже совсѣмъ утромъ, страшно морознымъ и розовымъ. И когда неслись мимо Страстного монастыря, показалось изъ-за крышъ ледяное красное солнце и съ колокольни сорвался первый, самый какъ-будто тяжкій и великолѣпный ударъ, потрясшій всю морозную Москву, и композиторъ вдругъ сорвалъ съ себя шапку и что есть силы и со слезами закричалъ на всю площадь:

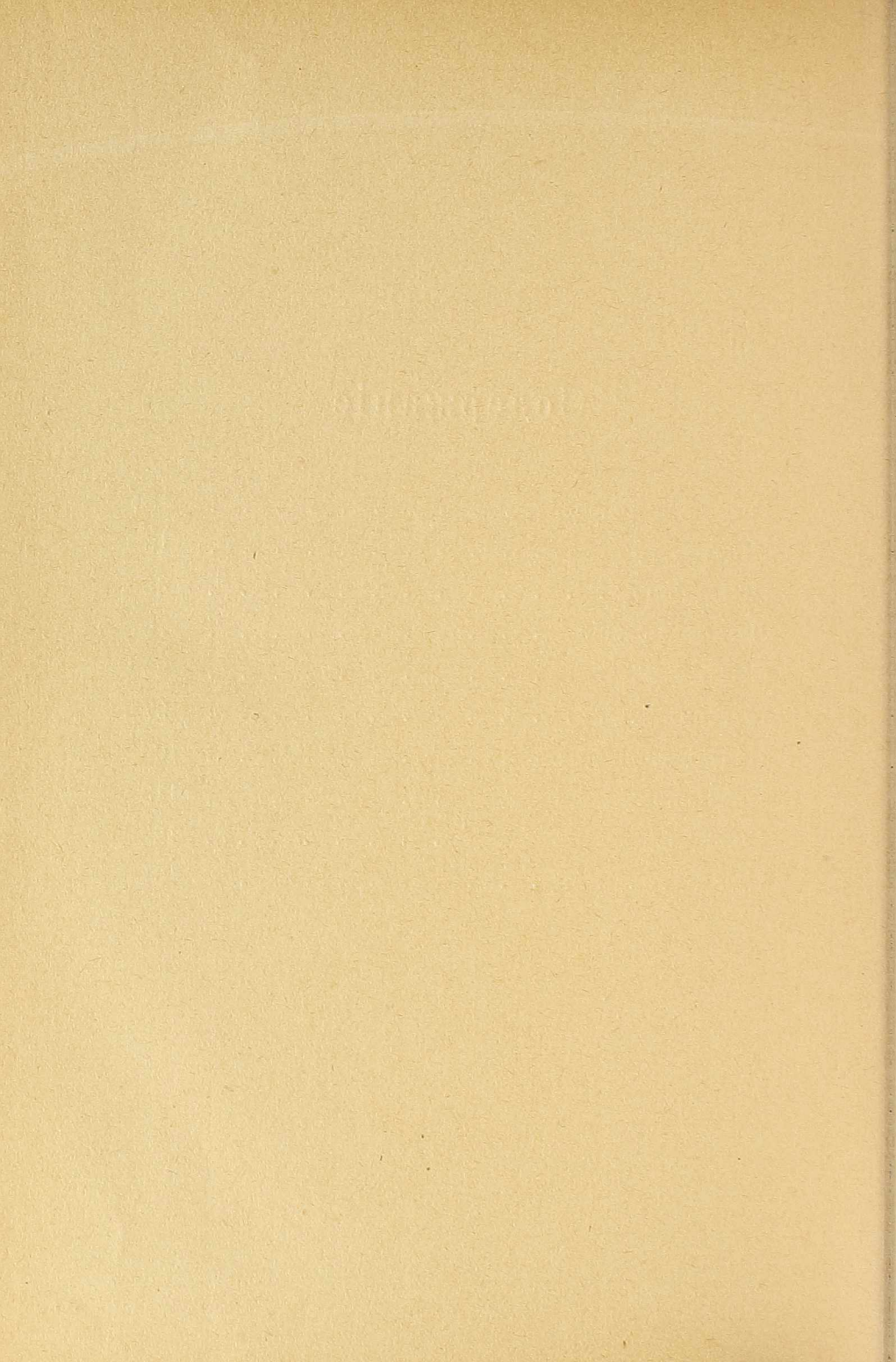
— Солнце мое! Возлюбленная моя! Ура-а!

Приморскія Альпы, 1925.

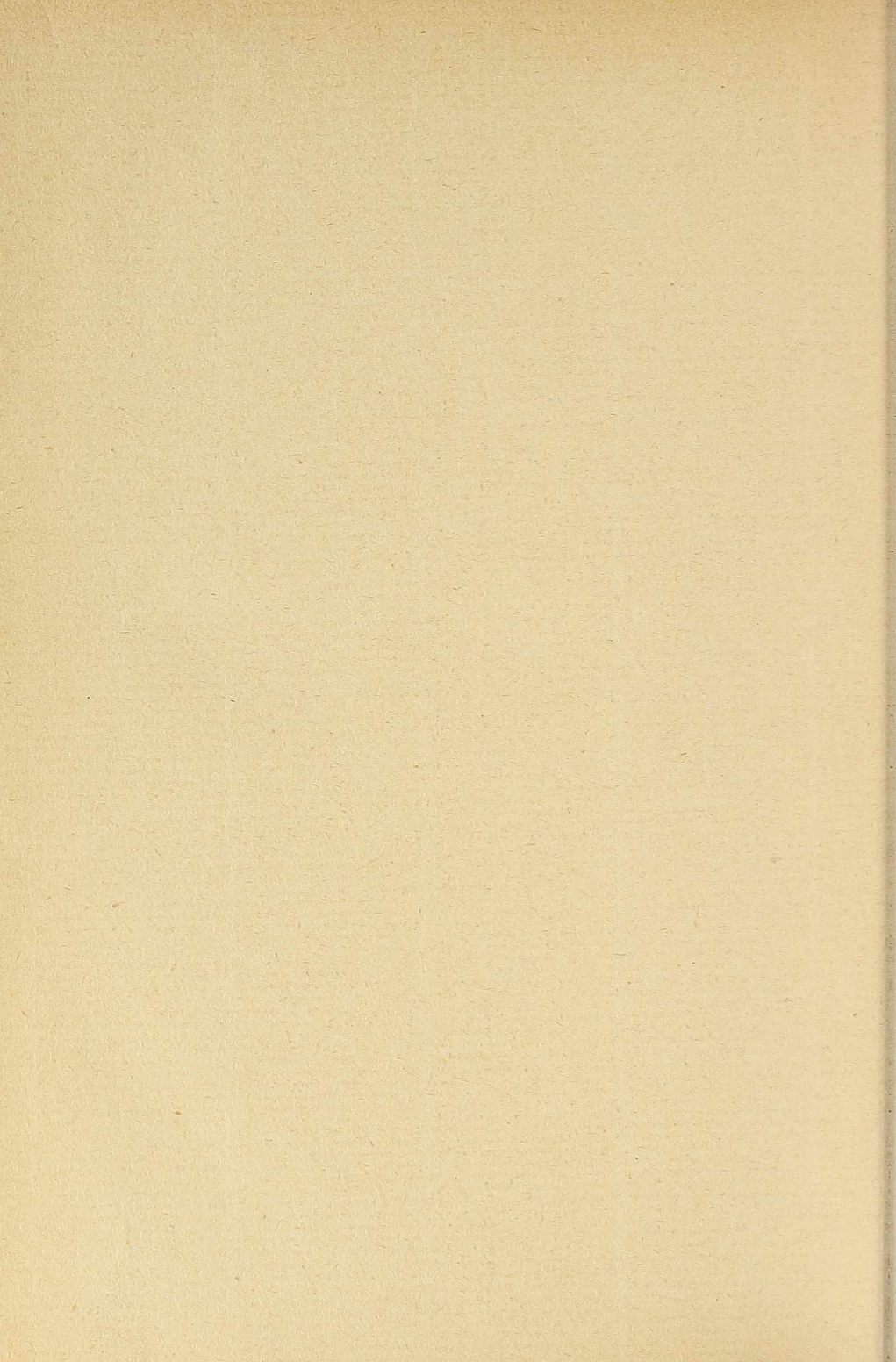
Содержаніе

	Стр.
Грамматика любви	5
Игнатъ	16
При дорогѣ	48
Легкое дыханіе	76
Сынъ	83
Метеоръ	97
Неизвѣстный другъ	103
Въ ночномъ морѣ	113
Солнечный ударъ	122
Ида	131

Русская Библиотека.

Вышли изъ печати:

1. Д. С. Мережковскій. — „Наполеонъ“ т. I.
2. Д. С. Мережковскій. — „Наполеонъ“ т. II.
3. Е. Н. Чириковъ. — „Отчій домъ“, романъ, т. I.
4. Е. Н. Чириковъ. — „Отчій домъ“, романъ, т. II.
5. А. В. Амфитеатровъ. — „Заря русской женщины“ очерки.
6. З. Н. Гиппиусъ. — „Петербургскій дневникъ“. 1914 — 1918 гг.
7. Б. К. Зайцевъ. — Рассказы.
8. А. И. Купринъ. — „Елань“, рассказы.
9. И. С. Шмелевъ. — „Въездъ въ Парижъ“, рассказы.
10. А. М. Ремизовъ. — „По карнизамъ“, повѣсть.
12. И. А. Бунинъ. — „Грамматика любви“, рассказы.
16. Е. Н. Чириковъ. — „Отчій Домъ“. романъ т. III.

Учебники:

- Л. М. Сухотинъ. — Исторія Среднихъ Вѣковъ.

Печатаются:

11. К. Д. Бальмонтъ. — „Въ раздвинутой дали“. стихотворенія.
14. А. В. Амфитеатровъ. — „Русскій попъ XVII столѣтїа“.
15. В. Н. Ладыженскій. — „За рубежомъ“, рассказы.
17. Д. С. Мережковскій. — „Атлантида“.

Готовятся къ печати:

13. А. М. Ремизовъ. — „Ровъ львиный“, романъ.

Дѣтская Библиотека.

Вышли изъ печати:

1. Народныя русскія сказки, вып. 1.
2. Народныя русскія сказки, вып. 2.
3. Народныя русскія сказки, вып. 3.
4. Народныя русскія сказки, вып. 4.
5. Саша Черный. — „Серебряная елка“, сказки.
6. Народныя русскія сказки, вып. 5.
7. Народныя русскія сказки, вып. 6.

Готовятся къ печати:

8. Саша Черный — „Румяная книжка“.

Цѣна 30 динаръ.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССИЯ.

Палата Академије Наука.
Јакшићева ул. бр. 2. Београд.